

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

МОСКВА

ISTORICHESKAIA GEOGRAFIIA

VOLUME 6

edited by
Irina G. KONOVALOVA

А К В И Л О Н

MOSCOW 2022

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 6

Ответственный редактор
И.Г. КОНОВАЛОВА

А К В И Л О Н

МОСКВА 2022

УДК 913.1
ББК 63.3
И 73

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.),
д.и.н. А.А. Фролов (отв. секретарь),
к.геогр.н. В.Э. Булатов, акад. М.Д. Бухарин,
к.и.н. Т.П. Гусарова, д.и.н. И.Н. Данилевский,
к.и.н. Ф.С. Корандей, д.и.н. Е.А. Мельникова,
д.и.н. М.С. Петрова, д.геогр.н. В.Н. Стрелецкий,
д.и.н. Ар.А. Улунян, д.геогр.н. Л.С. Чекин, д.и.н. А.С. Щавелев

Рецензенты:

д.и.н. М.В. Бибиков
к.и.н. Е.В. Пчелов

И 73 ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 6 / Отв. ред.
И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2022. — 304 с.

В шестом томе продолжающегося издания «Историческая география» содержатся исследования, посвященные исторической географии, топонимии и культурным ландшафтам Шпицбергена; истории античной географии; уникальной карте мира в греческой рукописи XVI в.; территориальным объединениям в России в конце XV–XVI веков и особенностям земельного описания в Испании в XVI в.; историко-географической составляющей международных отношений в XIX веке. В книге также помещены рецензии на новейшие исследования по истории картографии и урбанистике.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но предназначено и для историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

Научное издание

- © И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2022
- © Коллектив авторов, 2022
- © Институт всеобщей истории РАН, 2022
- © Издательство «Аквилон», 2022

ISSN 2307–8200
Istoričeskaâ geografiâ (Istor. geogr.)

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

ШПИЦБЕРГЕНОВЕДЕНИЕ

- А. РОГАЧЕВСКИЙ, Л.С. ЧЕКИН*
Введение в шпицбергеноведение: Историко-географические аспекты 7
- ТУР БЬЁРН АРЛОВ*
Карты и географические названия как символы национальных интересов: Случай Шпицберген/Свальбард 18
- Л.С. ЧЕКИН*
Топоним «Свальбард» в литературе и картографии Средневековья и Нового времени 43
- Н. КИНОСЬЯН*
Культурные ландшафты Арктики: Советское наследие на Шпицбергене 79

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

- Ю.В. СТЕПАНОВА, М.В. КАРПОВА*
Перевары — территориальные объединения в России в конце XV–XVI веков: Специфика размещения и поселенческой структуры 108
- Н.Л. КОНЮШИХИНА*
Особенности земельного описания в Испании в XVI веке 126

ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИИ

- И.Е. СУРИКОВ*
Скилак Кариандский — древнейший представитель античной дескриптивной географии? 149

ИСТОРИЯ КАРТОГРАФИИ

М.А. КУРЫШЕВА

Карта мира в греческой рукописи XVI века 181

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.В. ПОСТНИКОВ

Крымская война на Балтийском море 192

А.А. УЛУНЯН

Формирование образа геоисторических пространств
Центральной Азии и ее южного трансграничья в
представлениях британского политикума в XIX веке 225

РЕЦЕНЗИИ

Doré, Andréa. Cartografia da promessa. Potosi e o Brasil em um continente chamado Peruana. São Paulo: Intermeios, 2020. 240 p.
(*О.В. ОКУНЕВА*) 257

А.С. ЩАВЕЛЕВ

Между социологией Сахары и цыганской урбанистикой.
Рец. на: *В.С. Вахштайн. Воображая город: Введение в теорию
концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022
(Studia Urbanica). 576 с.* 274

ABSTRACTS 282

CONTENTS 289

ОБ АВТОРАХ 291

А. РОГАЧЕВСКИЙ, Л.С. ЧЕКИН

ВВЕДЕНИЕ В ШПИЦБЕРГЕНОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: Археология, экономика, социология Шпицбергена, вопросы международного права, образ архипелага в литературе, кино и изобразительном искусстве тесно взаимосвязаны и позволяют говорить о необходимости комплексного изучения архипелага в русле региональных обществоведческих и гуманитарных исследований (*area studies*). В данных вступительных замечаниях и в следующей за ними подборке статей раскрываются некоторые из аспектов предлагаемой новой научной дисциплины. История освоения Шпицбергена, его топонимия и культурные ландшафты функционируют на перекрестке геополитических интересов, пытаясь закрепить определенные национальные нарративы и при этом формируя и видоизменяя историческую память.

Ключевые слова: Шпицберген, Свальбард, междисциплинарное регионоведение, история географических открытий, топонимия, институционализация дисциплины

Шпицберген (онемеченная форма голландского названия, означающего «горные пики»), он же Свальбард («прохладный край» на древнескандинавском языке) — архипелаг в Северном Ледовитом океане. Коренного населения там нет, а суша примерно на 60 % покрыта льдом. Но запасы полезных ископаемых, богатый животный мир и поразительные полярные ландшафты привлекали на этот архипелаг представителей многих арктических, да и не только арктических, держав, с того времени как он был открыт Виллемом Баренцем в 1596 году. Первоначально он служил базой для китобоев, затем на нем появились объекты горнодобывающей

промышленности, туристическая инфраструктура и арктический научно-исследовательский центр. Шпицберген мог принадлежать, кроме прочих, Нидерландам, Великобритании или России (где высказывалась идея о том, что поморы плавали туда до Баренца¹) — но в конечном итоге оказался под норвежской юрисдикцией, после международной ратификации Шпицбергенского трактата, подписанного в Париже в феврале 1920 г. Великобританией, Данией, Италией, Нидерландами, Норвегией, США, Францией, Швецией и Японией и вступившего в законную силу в августе 1925 года. Шпицбергенский трактат предусматривает совместное и равноправное использование архипелага в экономических и научных, но не в военных целях. Сегодня трактат подписан 46 странами, из которых только Норвегия и Россия (как правопреемница СССР, подписавшего трактат в мае 1935 г.) сохраняют постоянное и значительное присутствие на Шпицбергене. Со времен холодной войны СССР, а затем Российская Федерация неоднократно оспаривали норвежское понимание суверенитета над Шпицбергеном². Географическое положение Шпицбергена во времена конфликтов дает значительное военное преимущество, что существенно увеличивает геополитическое значение архипелага. Хотя до сих пор считается, что поголовье белых медведей на Шпицбергене превышает его людское население, в течение большей части его новой и новейшей истории конкуренция держав за влияние на архипелаге была очень напряженной.

Непрекращающиеся споры вокруг Шпицбергена сами по себе наводят на мысль о том, что многие проблемы архипелага стоит рассматривать в рамках особой гуманитарной дисциплины — шпицбергеноведения (*Svalbard Studies*). В целом междисциплинарное регионоведение (*area studies*) может давать интересные результаты в тех регионах, в которых в течение значительного времени пересекались различные

¹ См.: Старков 1998; противоположная точка зрения излагается в работе: Hultgreen 2002.

² См. примеры в работе: Closson 2018.

мощные геополитические интересы. Достаточно упомянуть Ближний Восток или Центральную и Восточную Европу.

Шпицбергеноведение является подразделом и арктиковедения, и скандинавистики, и славистики. Оно включает в себя те исследования, которые уже в течение многих десятилетий проводились в таких различных областях, как международное право, политология, конфликтология, археология, история, социология, здравоохранение, охрана памятников истории и культуры, литературоведение и искусствознание, лингвистика и топонимика, урбанистика, гендерные исследования, туристика (туризмоведение) и, конечно, гуманитарные аспекты климатологии (потепление в Арктике считается наиболее мощным фактором изменения климата во всем мире). В результате такого объединения усилий различные нарративы могут взаимообогащаться вместо того, чтобы противостоять друг другу или сосуществовать, не пересекаясь.

Вслед за П. Робертсом, А. Хоукинсом и Л.-М. ван дер Ватт, применившими междисциплинарный подход к изучению вопроса о том, «как Антарктику исследовали, представляли и воображали в разные времена», мы можем утверждать, что Шпицберген, как и Антарктика, оказывается «серией репрезентаций, которые постоянно отбираются, дистиллируются и группируются людьми. Процесс репрезентации неотделим от процесса воображения»³ как Антарктики, так и Шпицбергена, будь то репрезентации, создающиеся картографом, газетным репортером, фотографом ландшафтов или экспертом по оценке рисков.

Такие естественнонаучные дисциплины, как геология, гляциология и арктическая биология играют важную роль в исследовании Шпицбергена, особенно после основания университетского центра (*UNIS*) в Лонгйирбюене в 1993 году. В сентябре 2014 г. Правительством Российской Федерации была принята Концепция создания и развития Российского научного центра на архипелаге Шпицберген (РНЦШ). Центр был оформлен организационно и юридически в июне 2016

³ Roberts, Howkins, van der Watt 2016: 2, 14.

года. В написанной в 2020 г. и защищенной в 2021 г. в Институте российской истории РАН докторской диссертации А.К. Порцеля убедительно говорится о необходимости активной и постоянной государственной поддержки экономической, научной и образовательной деятельности на Шпицбергене, без чего продолжающееся присутствие России на архипелаге окажется под вопросом из-за непростых географических, климатических и геополитических условий⁴. Будем надеяться, что РНЦШ станет альтернативой Арктикуглю в качестве фактического хозяина российских поселений на Шпицбергене, способствуя развитию в Арктике зеленой экономики.

Одной из недавних попыток координации усилий в сфере гуманитарных исследований, напрямую связанных со Шпицбергенем, стал международный междисциплинарный семинар под названием «Свальбард и гуманитарные науки», состоявшийся в Норвежском арктическом университете в Тромсё в ноябре 2017 г. под эгидой исследовательской группы *Russian Space: Concepts, Practices, Representations (RSCPR)*. В докладах и дискуссиях был предложен широкий диапазон подходов к прошлому, настоящему и будущему Шпицбергена, через призму средневековой картографии, туризма начала XX в., надвигающегося конфликта по поводу морских биоресурсов, выставок художественных произведений, связанных со Шпицбергенем, и других разнообразных сюжетов, объединенных их шпицбергеноведческой составляющей.

Первый сборник под названием *Svalbard Studies* вышел в начале 2020 года в ознаменование 100-летней годовщины Шпицбергенского трактата в качестве специального выпуска международного журнала *Nordlit*, издающегося в Норвежском арктическом университете⁵. Он содержит девять статей, объединенных в два раздела. В первом разделе Шпицберген представлен в широком контексте арктической истории, политики и топонимики; во втором разделе содержатся более детальные исследования различных медийных жан-

⁴ Порцель 2020.

⁵ *Svalbard Studies* 2020.

ров, отображающих жизнь в тех или иных поселениях Шпицбергена, в основном оставшихся в наследство от советской эпохи. В предлагаемой читателям «Исторической географии» подборке представлены три из статей этого сборника, переведенных с английского языка с небольшими изменениями и дополнениями.

Состоявшийся в феврале 2020 г. в Лонгйирбюене семинар под заглавием «Горная добыча в контексте — на Шпицбергене и не только» продемонстрировал различные подходы к изучению важнейшей для XX века отрасли шпицбергенской экономики с позиций литературоведения, визуальных исследований, медицинских гуманитарных наук и проч. Доклады опубликованы в специальном выпуске норвежского славистического журнала *Poljarnyj vestnik*, также издающегося в Норвежском арктическом университете. Название выпуска «Горная добыча на Шпицбергене: искусство и политика» можно понять и как «Добыча искусства и политики на Шпицбергене». Преемственность целей и задач, сформулированная во введении, и даже формат издания и его обложка работы известного мультимедийного художника Гиперстазиса (изображен белый медведь в очках, читающий книжку под названием *Svalbard Studies*), подтверждает, что перед нами второй том той же шпицбергеноведческой серии. В данном томе внимание историков географии может, в частности, привлечь статья Т.А. Вялер, где художественное произведение из жизни советских шахтеров на Шпицбергене, «Арктический роман» В.Н. Анчишкина⁶, используется в качестве основы для рассуждений о связи географического пространства, здоровья и болезней⁷.

В одной из статей серии, посвященной польскому кино о Шпицбергене, преимущественно документальному, основное внимание уделяется визуальной репрезентации ландшафтов архипелага. В частности, в статье рассматриваются различные принципы отбора тех или иных ландшафтных элемен-

⁶ Анчишкин 1970. Журнальный вариант романа был напечатан в «Неве» за 1964 год (№ 4–6).

⁷ Wæhler 2022.

тов, запечатленных на польских кинолентах Ярослава Бжозовского и Владзимежа Пухальского в 1950-е–1960-е годы XX века⁸.

Целый ряд интересных докладов по международному праву, истории и культуре Шпицбергена, вносящих в шпицбергеноведение новый и важный вклад, был представлен на международной конференции, также приуроченной к 100-летию подписания Шпицбергенского трактата и организованной Санкт-Петербургским институтом истории РАН в сотрудничестве с Федеральным исследовательским центром комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения РАН, Архангельским краеведческим музеем и издательством «Политическая энциклопедия». Опубликованные материалы этой конференции подтверждают, насколько в наше время необходим широкий международный междисциплинарный форум, который мог бы объединить гуманитариев, специализирующихся по Шпицбергену⁹.

Вопросы, связанные с интерпретацией географического пространства, играют важную роль во всех регионах, ставших предметом междисциплинарного изучения. Споры о приоритете того или иного народа или государства в открытии и исследовании архипелага Шпицберген велись историками географии и археологами и до сих пор отражаются в художественной литературе и кинематографии. В свое время как в Норвегии, так и в СССР выходило немало исследований, обосновывавших приоритет либо норвежских викингов, либо поморов в открытии архипелага. В этих спорах принимали участие далеко не только историки географии, но и такие талантливые писатели, «певцы Шпицбергена», как В.Н. Анчишкин (в его «Арктическом романе» содержатся экскурсы в историю и топонимику Шпицбергена) или С.В. Харченко (этот автор получил известность благодаря документаль-

⁸ Szymala, Rogatchevski 2022. Предыдущие статьи серии: Szymala, Rogatchevski 2020, 2021.

⁹ Архипелаг Шпицберген 2021.

ным очеркам из быта Баренцбурга «Цветы и льды» и исторической повести «Поморские лоды»¹⁰).

В последние десятилетия все большим вниманием пользуется так называемая российско-шведская¹¹ экспедиция по измерению дуги меридиана на Шпицбергене 1899–1902 годов. На сегодняшний день самым значительным шагом вперед в деле освещения экспедиции остается подготовленный международным коллективом историков науки сборник 2002 г., ряд статей которого посвящен именно ей¹². Сборник стал результатом конференции, проведенной в Баренцбурге в 2001 г. в ознаменование 100-летия экспедиции и 125-летия со дня рождения полярного исследователя В.А. Русанова. Ни сборник, ни последующие одиночные статьи¹³ не исчерпали тему меридиональной экспедиции, сложнейшая и разнообразная источниковая база которой на русском, французском, немецком, чешском и скандинавских языках до сих пор далеко не полностью введена в научный оборот.

Тем временем экспедиция привлекла внимание режиссера М.М. Малахова, который, опираясь на книгу одного из участников экспедиции, астронома А.С. Васильева, а еще больше — на патриотические схемы, восходящие к эпохе борьбы с космополитизмом, сперва выступил с документальным фильмом «Полярный меридиан» (2017), а затем (уже в сотрудничестве с режиссером А.Н. Тельновым) и с приключенческим художественным фильмом «Архипелаг» (2021). В обеих кинокартинах вклад иностранных участников экспедиции оказался существенно приуменьшен, сами такие участники частично представлены недоброжелателями, завистниками и интриганами, а Васильев — одиноким гением, благодаря трудам которого, по утверждению диктора в конце художественного фильма, появилась в том числе и

¹⁰ Харченко 1974.

¹¹ На деле российско-скандинавская, поскольку она спонсировалась как Россией, так и Объединенными королевствами — Норвегией и Швецией.

¹² International Scientific Cooperation 2002. См., например, статьи У. Врокберга, В.С. Корякина и В.Л. Державина.

¹³ Например, Беляев 2013.

система *GPS* (о ГЛОНАССе создатель фильма почему-то решил не упоминать)¹⁴.

Две из статей нашей подборки посвящены норвежскому названию архипелага «Свальбард». В шпицбергенской топонимии сконцентрировались представления о приоритете того или иного народа в открытии и исследовании архипелага. Различные названия всего архипелага являются наиболее показательным примером.

Спутники Баренца верили, что открытая ими арктическая земля была частью Гренландии. Та же географическая идея сохранилась в русском имени архипелага «Груммант», зафиксированном в северорусских источниках XVIII и XIX веков. Оно, вероятно, восходит к топониму «Groenland», голландскому варианту названия Гренландии¹⁵. Несмотря на наличие старого северорусского наименования архипелага Грумант, в России до сих пор предпочитают использовать голландское название *Spitsbergen* в его немецкой огласовке (с голландского следовало бы транскрибировать «Спитсберхен»), в то время как норвежцы применяют его только к самому крупному острову архипелага. Среди российских исследователей распространено убеждение в том, что решение Норвегии переименовать Шпицберген в Свальбард — которому активно способствовал, в частности, знаменитый полярный исследователь и общественный деятель Фритъоф Нансен — «несомненно, имело политическую подоплеку: целью его было закрепление за Норвегией “исторических прав” на архипелаг»¹⁶. Это убеждение в целом можно признать вполне правомерным, что показано и в открывающей настоящую подборку статье Т.Б. Арлова.

Действительно, термин восходит к записи в исландских анналах под 1194 г., в которой говорится об «открытии Свальбарда», но нет совершенно никакой уверенности ни в том, что это открытие было совершено именно норвежцами, а не исландцами, ни в том, что эти слова имеют какое-либо

¹⁴ Подробную рецензию на оба фильма см. Rogatchevski 2022.

¹⁵ Sverdrup Lunden 1980: 144–145.

¹⁶ Державин 2016.

отношение к Шпицбергену. В следующей статье нашей подборки Л.С. Чекин рассказывает об судьбе топонима «Свальбард» и высказывает предположение, что этот топоним появился в качестве названия исландского хутора и затем, на протяжении Средних веков и Нового времени, прошел сложную эволюцию, становясь частью конкурирующих образов Арктики.

К 1960-м годам норвежская историография начала избавляться от политической ангажированности, по крайней мере сугубо националистические идеи перестали быть ее мейнстримом. В СССР «холодная война» в исторической топонимике продолжалась дольше, о чем, вероятно, свидетельствуют распространившиеся мнения о том, что Шпицберген на карте Герарда Меркатора 1569 г. назван «Святыми русскими островами», а на карте Йоуна Гудмундссона XVII в. — «Русской страной»¹⁷. В целом правомерно говорить о существовании псевдонаучного шпицбергеноведения, тесно связанного с массовым мифологическим сознанием, а одну из задач научного шпицбергеноведения видеть в том, чтобы идентифицировать и отрефлексировать рецидивы такого сознания.

Третья из статей нашей историко-географической шпицбергеноведческой подборки посвящена новым подходам к изучению культурных ландшафтов на примере советских (а ныне российских) поселков Баренцбург, Пирамида и Грумант. Н. Киносьян предлагает понять их частично разрушенные заброшенные ландшафты через взаимодействие с «призраками», ушедшими контекстами и акторами — теми самыми, кто наполняют страстью, борьбой и красочными подвигами сочинения советских певцов Шпицбергена В.Н. Анчишкина и С.В. Харченко. Культурные ландшафты Шпицбергена, как и история его освоения и его топонимия, видоизменяют историческую память и продолжают формировать национальные нарративы.

¹⁷ О топонимах *Santi* и *Rustene* на карте Меркатора, которые относятся к южной части Лофотенских островов у побережья Норвегии и обозначают острова Сандёйя и Рёстландет, см. Rogatchevski 2020: 161, fn. 34; Чекин 2020: 387–388. О «Русской стране» на карте Йоуна Гудмунссона см. ниже в нашей подборке (с. 57–58, 61 и сн. 56).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анчишкин 1970 — *Анчишкин В.Н.* Арктический роман. М., 1970.
- Архипелаг Шпицберген 2021 — Архипелаг Шпицберген: От *terra nullius* к территории взаимодействия: К 100-летию со дня подписания Шпицбергенского трактата: Сборник материалов Международной научной конференции. Архангельск. 29-30 октября 2020 г. М., 2021.
- Беляев 2013 — *Беляев Д.П.* Наука в интересах геополитики: российско-шведская экспедиция на архипелаг Шпицберген // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2013. Т. 16. № 2. С. 267–270.
- Державин 2016 — *Державин В.Л.* Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. // Российская археология. 2016. № 4. С. 151–161.
- Порцель 2020 — *Порцель А.К.* Социально-экономическая деятельность СССР/России на Шпицбергене в условиях его особого международного статуса (1920–2010 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Мурманск, 2020.
- Старков 1998 — *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. М., 1998. Т. 1: Шпицберген.
- Харченко 1974 — *Харченко С.В.* Студеный архипелаг: Повести. [2-е изд., доп.]. Донецк, 1974.
- Чекин 2020 — *Чекин Л.С.* Святые русские острова, Варяжские столпы и другие когнитивные искажения средневековой арктической топонимии // Источниковедение в современной медиавистике. Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. И.Г. Коновалова и Е.Н. Кириллова. М., 2020. С. 386–389.
- Closson 2018 — *Closson S.R.* Good Fences Make Good Neighbors: Russia and Norway's Svalbard // Kennan Cable. 2018. No. 37. — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-37-good-fences-make-good-neighbors-russia-and-norways-svalbard>, дата обращения — 23.12.2021].
- Hultgreen 2002 — *Hultgreen T.* When Did the Pomors Come to Svalbard? // Acta Borealia. 2002. Vol. 19. No. 2. P. 125–145.

- International Scientific Cooperation 2002 — International Scientific Cooperation in the Arctic / Ed. by Eugene Bouzney. M., 2002.
- Mining Svalbard 2022 — Mining Svalbard: Art and Politics. Tromsø, 2022 [Poljarnyj vestnik. Vol. 25. No. 1].
- Roberts, Howkins, van der Watt 2016 — *Roberts P., Howkins A., van der Watt L.-M.* Antarctica: A Continent for the Humanities // Antarctica and the Humanities. London, 2016.
- Rogatchevski 2020 — *Rogatchevski A.* Svalbard on the (Post-) Soviet Screen // Nordlit. 2020. Vol. 45. P. 150–174.
- Rogatchevski 2022 — *Rogatchevski A.* Рецензия // Kinokultura. 2022. Issue 76 (April). Рецензия на: Mikhail Malakhov Jr, Aleksei Tel'nov. *Archipelago (Архипелаг)* 2021. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.kinokultura.com/2022/76r-archipelago.shtml>, дата обращения — 05.07.2022].
- Svalbard Studies 2020 — Svalbard Studies: Marking the 100th Anniversary of the Svalbard Treaty. Tromsø, 2020 [Nordlit. Nr 45].
- Sverdrup Lunden 1980 — *Sverdrup Lunden S.* Grumant or Broun? Previous Russian names for Spitsbergen // Scando-Slavica. 1980. T. 26. P. 139–148.
- Szymala, Rogatchevski 2020 — *Szymala J., Rogatchevski A.* Svalbard w filmach polskich z lat 30. XX wieku // Kwartalnik Filmowy. 2020. T. 112. S. 161–180.
- Szymala, Rogatchevski 2021 — *Szymala J., Rogatchevski A.* Filmowe portrety Stanisława Siedleckiego (1912–2002) na tle Svalbardu: Fragmenty wizualnej historii nauki // Kwartalnik historii nauki i techniki. 2021. T. 66. Nr 3. S. 123–142.
- Szymala, Rogatchevski 2022 — *Szymala J., Rogatchevski A.* Svalbard w filmach polskich z lat 50. i 60. XX w. Perspektywa geografii wizualnej // Prace i Studia Geograficzne. 2022. T. 67. Nr 1. S. 45–60.
- Wæhler 2022 — *Wæhler T.A.* Health Through the Space Lens: Fictional Representations of Health and Illness in Svalbard's Mining Towns in the 1950s // Poljarnyj vestnik. Vol. 25. No. 1. P. 51–71.

ТУР БЬЁРН АРЛОВ

КАРТЫ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ КАК СИМВОЛЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

СЛУЧАЙ ШПИЦБЕРГЕН / СВАЛЬБАРД

Аннотация: Шпицбергенский трактат от 9 февраля 1920 г. передал Норвегии полный суверенитет над «архипелагом Шпицберген». Так называлась эта арктическая территория в то время. Через пять лет, принимая суверенитет, Норвегия изменила официальное название архипелага на «Свальбард». В какой мере изменение названия стало символом национальных интересов или даже откровенного национализма? В настоящей статье содержится обзор происхождения и использования топонимов Шпицберген и Свальбард в свете картографии и номенклатуры данной территории; особое внимание уделено национальной тенденциозности; вкратце обсуждаются различные практики и принципы наименования географических объектов. Высказано предположение, что, хотя изменение в 1924–1925 гг. официального названия Шпицберген на Свальбард было отчасти продиктовано правомерными практическими соображениями, прежде всего оно являлось политическим актом создания национальных связей с новообретенной территорией. При том что оно воспринималось как часть процесса «норвегизации» северных регионов, само по себе изменение названия не было рассчитано на возбуждение реакции со стороны зарубежных стран, а скорее льстило норвежскому населению.

Ключевые слова: Свальбард; Шпицберген; история географии; картография; топонимы

Что в имени?

Есть люди, которые полагают, что явления природы обладают духом, божественностью или даже личностью. Поэтому наречение места — это не тривиальный, а во многом глубоко символический акт. Однако, если думать о реках, горах и побережье не как о живых существах, а как об объектах, то имена, которые мы даем этим объектам, — это попросту ярлыки, отличающие их друг от друга и вносящие некий порядок, способствующий распознаванию и запоминанию. Во всяком случае, у топонимов есть значение и задача.

Топонимы являются предметом экстенсивного лингвистического изучения и служат источниками для объяснения корней, происхождения, бытования и культурно-экономического развития. Согласно Лоуренсу Д. Бергу и Яни Вуолтеенахо, когда дело доходит до практики наименования, чисто лингвистический подход недостаточен. По их наблюдению, «[...] присвоение имени месту — это всегда глубоко социальный акт, вовлекающий властные отношения [...]»¹. Иными словами, топонимы могут нести (и нередко несут) политическую нагрузку.

В 1925 г. норвежское правительство официально дало название Свальбард (*Svalbard*) арктическому архипелагу, более трехсот лет известному как Шпицберген (*Spitsbergen*). Не всюду это было принято так спокойно, как, возможно, ожидалось. Многие народы были связаны с этими островами вековыми традициями. Так почему же Норвегия рискнула бросить им вызов, дав архипелагу новое название? Было ли это утверждение национальных интересов, или же имелись другие, более практические мотивы? В данной статье эти вопросы обсуждаются в историческом контексте практик картографирования и присвоения имени в целом и применительно к Свальбарду в частности.

¹ Berg and Vuolteenaho 2009: 9.

Приоритет, гордость и предубеждение

В истории географических открытий важным является понятие первенства². Сам факт оказаться где-то первым предоставляет возможность дать название данному месту, по сути, буквально «пометить территорию». В XVI в. по мере развития картографии как искусства и профессии номенклатура стала неотъемлемой частью документирования приоритета. Даже примитивный набросок береговой линии с несколькими названиями был доказательством присутствия и, возможно, *первого взгляда* (*prima vista*), в некоторых случаях способного подкрепить претензию на первооткрытие. Разумеется, такой задаче могла послужить и фальшивая карта с вымышленными названиями; тому имеется немало примеров, в том числе и из истории Свальбарда. Детальное нанесение региона на морские и топографические карты вкупе с научным исследованием, как правило, укрепляли ощущение приоритета, ведя к его повсеместному признанию.

Первенство во многих сферах, будь оно в жизни отдельного человека, в жизни групп или целых наций, неотделимо от гордости. Вполне можно сказать, что гордость — мощная движущая сила географических открытий. Исследователь Арктики Роберт Э. Пири, возможно, первый человек, достигший Северного полюса, в 1887 г. написал матери следующие (знаменитые) слова: «Помни, мама, я *должен* стать знаменитым»³. Называть географические объекты, в частности, именами собственными, было способом вселять гордость и создавать известность себе или своим спонсорам и покровителям, друзьям и семье. Ныне такая практика распространена не так широко, как, скажем, в пору расцвета колониализма, но гордость и честь в той или иной форме все еще являются одним из факторов при выборе топонимов.

Исторически приоритет в связи с географическими исследованиями и практиками топонимии в высшей степени относителен. В Век географических открытий раннее заселение чаще всего не принималось во внимание, а существ-

² Lowenthal 1998: 173f.; Wråkberg 1999: 114f.

³ Fleming 2001: 286.

вующие местные топонимы то игнорировались, то искажались в угоду языкам путешественников или оккупантов. Понятие приоритета, а отсюда и право давать названия географическим объектам, было основано на том, что первые *цивилизированные*, по их мнению, люди, впервые посетили данный регион или в конце концов установили в нем свое владычество. Конфликты в связи с присвоением или изменением названия могли возникать между разными западными акторами, но не между поселенцами и коренными жителями. Асимметрия власти, подкрепляемая грамотностью и картографией, нередко выливалась в предрассудки против использования местных названий. Они то заменялись, то порой до неузнаваемости транскрибировались. В постколониальную эпоху восстановление оригинальных топонимов стало важным элементом процесса национального строительства во многих (но не во всех) частях мира. Даже ныне ведутся споры о праве на географические названия: один из недавних — спор между республикой (Северная) Македония и греческой провинцией Македония.

Помимо соображений гордости и чести, каким образом географические названия могут стать символами национальных интересов? Фиксировать названия буквально означает метить территорию, подтверждая или создавая приоритет, что может (или не может) иметь юридические последствия. Чтобы обрести международное признание господства над какой-либо территорией, грубой силы часто бывает недостаточно. Первооткрытие — это один элемент, который может работать на благо приоритета. Гораздо важнее многолетнее присутствие на данной территории и ее использование, в том числе в плане научного изучения и хозяйственной деятельности. Среди аргументов, работающих на создание суверенитета, географические названия служат признаками открытия, присутствия и использования. При отсутствии постоянного населения на данной территории заполнение ее топонимами может стать способом обретения на нее прав. Таков случай Свальбарда (Шпицбергена).

Происхождение топонима «Шпицберген»

9 или 10 июня 1596 года голландская экспедиция под руководством Виллема Баренца в поисках морского пути на Дальний Восток открыла (и назвала) остров Медвежий (*Beyren Eylandt*). Через неделю, выйдя из льдов на 80° с. ш., они снова подошли к земле. Следуя под парусом в южном направлении вдоль западного побережья, они увидели гористый рельеф с альпийскими пиками и, очевидно, назвали его «Шпицберген» (*Spitsbergen*, остроконечные горы)⁴.

Сам Баренц и четыре человека из его команды погибли во время вынужденной зимовки на Новой Земле, но выжившие благополучно вернулись в Голландию. Их открытия создали сенсацию в Европе. В 1598 году были опубликованы подтверждающие открытия документы: отчет об экспедиции, написанный Герритом Де Веером, и карта Корнелиса Класа. Ни в одном из них нет названия Шпицберген. В отчете Де Веера в подписи к одной из иллюстраций упомянут остров Медвежий, но не Шпицберген. На карте Класа эта местность называется Новой Землей (*Het Nieuwe Land*), а остров Медвежий — Зеленым Островом (*t'Veere Eylandt*)⁵. Вероятно, в 1612 году Шпицберген в форме *Spitsbergen* впервые появляется в печати, на карте, опубликованной Гесселем Герритсом. В 1613 году Ян Корнелис Рийп, капитан одного из кораблей экспедиции, заявил городскому магистрату Дельфта, что этой земле действительно было дано название Шпицберген (*Spitsberguen*)⁶. Однако важнейшим имеющимся источником является «История земли под названием Шпицберген» (*Histoire de Pays nommé Spitsberghe*), опубликованная Герритсом в 1613 году. Принято считать, что он имел доступ к подлинному судовому журналу Баренца, привезенному в Голландию после смерти мореплавателя на Новой Земле. Во всяком случае, он то и дело ссылается на судовой журнал, в частности на запись от 24 июня:

⁴ Arlov 2003, 42 f.

⁵ De Veer 1598.

⁶ Conway 1906: 11 f.; The Place-names 1942: 401.

[...] земля (вдоль которой пролегал наш маршрут) по большей части имеет изрезанную, очень высокую береговую линию; на ней нет ничего, кроме гор и горных пиков. Поэтому мы назвали ее Шпицберген⁷.

Итак, вполне допустимо, что название Шпицберген использовалось голландцами с года его открытия, но топоним обрел более или менее официальный статус лишь по прошествии многих лет. Кажется, 1613 год (или около того) послужил поворотным моментом, а причиной вполне могли быть национальные интересы.

Спор о правах

Экспедиция Баренца 1596 г. не предъявляла права на суверенитет от имени Голландии или Генеральных Штатов, основываясь на первооткрытии. Возможность конфликта возникла, когда в 1611 г. в этих водах началась охота на полярного кита. В 1613 г. английская торговая Московская компания, пытаясь присвоить право охоты на китов, получила королевские привилегии и потребовала исключительности, называя Шпицберген «Новой землей короля Якова» (*King James His new Land*). В тот год конкуренция голландских и британских китобоев переросла в дипломатический конфликт⁸. «История» Герритса, опубликованная на французском языке, читается в рамках этого конфликта. Автор ставил своей главной задачей доказать, что голландская экспедиция Баренца действительно открыла архипелаг и уже дала ему название — Шпицберген⁹.

Британцы высказали довольно абсурдную претензию: якобы Хью Уиллоби открыл эти острова в ходе экспедиции 1553 г. Предъявить доказательства открытия они так и не смогли, и все же со стороны голландцев последовал ответ, в котором в качестве документации фигурировала книжечка Герритса с выписками из судового журнала Баренца. Становится понятно, как первооткрытие получило политическое значение.

⁷ Gerritsz 1613: 8. Перевод мой.

⁸ Conway 1906.

⁹ Arlov 1988: 23 f.

Представляет интерес и британская номенклатура: формула *His new Land*, очевидно, появилась под влиянием легенды *Het Nieuwe Land* с голландской карты 1598 года. Добавление *King James*, конечно, было выражением территориальных притязаний. Вероятно, уже около 1610 г. британцы предпочитали называть эти острова *Greenland*¹⁰. Двусмысленность можно объяснить по-разному. Во-первых, британцы были явно заинтересованы в использовании иной номенклатуры, чем голландцы. Британцы не принимали название Шпицберген, тем самым давая понять, что отвергают голландский приоритет. Во-вторых, имелся и географический довод. Вероятно, сам Баренц полагал, что Шпицберген неким образом был связан с Гренландией. Это явствует из отчета Де Веера. На его титульном листе говорится: «[...] эта земля, которая, как нам показалось, была Гренландией, лежит на 80° и выше [...]»¹¹.

Пока Северная Атлантика не была полностью исследована и нанесена на морские карты, концепция связи между Гренландией и Шпицбергеном на севере была столь же или даже более хороша, как и необоснованное представление о свободном ото льда морском пути через Северный полюс. В то время это мнение было распространено в Европе, как явствует из того факта, что король Дании и Норвегии Кристиан IV вмешался в дипломатическую битву и доказывал, что Шпицберген — это часть Гренландии и потому «бесспорно» находится под суверенитетом Норвегии. В какой-то момент Англия, кажется, пыталась купить предполагаемые права короля Кристиана на Гренландию, но сделка так и не состоялась. Напротив, Кристиан пытался утвердиться в своих правах. В 1615 году он даже послал корабли на Шпицберген, чтобы силой насадить свою власть, но успеха не возымел. В последующие десятилетия датско-норвежские притязания на суверенитет периодически повторялись, но на практике к 1620 г. Шпицберген был признан ничейной землей¹².

¹⁰ Conway 1906: 347.

¹¹ De Veer 1598. Перевод мой.

¹² Ræstad 1911.

Британцы, равно как датчане и норвежцы, продолжали использовать название «Гренландия» для Шпицбергена даже в XVIII веке, когда уже давно стало ясно, что этот архипелаг полностью отделен от реальной Гренландии. Охоту на китов нередко называли «гренландским промыслом» или «гренландским рыболовством», а китобойные суда — «гренладцами»¹³. На некоторых, хотя и не всех, британских географических и морских картах находим легенду «Восточная Гренландия» ('East Greenland')¹⁴. В использовании Гренландии в качестве собирательного имени есть определенная логика: в экономике преобладал китобойный промысел, и с последних десятилетий XVII в. китобои в сезон охоты эксплуатировали всю территорию между Восточной Гренландией и Шпицбергеном. Даже в Нидерландах арктический китобойный промысел обычно называли гренландским (*groenlandsche visscherij*), а в Амстердаме были (и есть) гренландские пакгаузы (*Groenlandse pakhuizen*)¹⁵. Однако на голландских географических и морских картах Шпицберген неизменно носит это название, хотя он явно показан отдельно от острова Медвежьего¹⁶.

На французских и немецких картах и в текстах преобладали разные варианты названия Шпицбергена, но иногда в сочетании с Гренландией. Так, известное описание Шпицбергена Фридриха Мартенса, опубликованное в 1675 году, называется «Описание Шпицбергенского или Гренландского путешествия» (*Spitzbergische oder Groenlandische Reise Beschreibung*). Самое распространенное русское название Шпицбергена, известное по крайней мере с XVIII века, — «Грумант». С лингвистической точки зрения его объясняют как испорченное название Гренландии, аналогичное происхождению топонима «Мурман» от *Nordmann*¹⁷.

¹³ Jackson 1978.

¹⁴ Conway 1906.

¹⁵ Zorgdrager 1720. Впечатляющие гренландские пакгаузы находятся в Амстердаме по адресу *Kaizersgracht 44*.

¹⁶ Wider 1919.

¹⁷ Sverdrup Lunden 1980.

А как же название «Свальбард»? Ничто не говорит о том, что в то время оно использовалось или хотя бы было известно. В Скандинавии название Шпицберген предпочитали относить к собственно архипелагу (кроме острова Медвежий), а Гренландия использовалась как общее название в связи с китобойным и тюленьим промыслом.

Предварительный вывод таков: в XVII–XVIII веках название Шпицберген не было единственным. С ним конкурировало название Гренландия. Однако, похоже, использование каждого из них прежде всего зависело от национальной традиции и языка. Если не считать временами разгоравшегося около 1612–1620 гг. спора о первооткрытии и суверенитете, в тот период мало что говорит о присутствии в номенклатуре политических интересов. Все это изменилось в XIX–XX веках.

Старые и новые топонимы — практики и принципы

В XIX веке все больше интереса к Свальбарду проявляли путешественники и ученые. Один только Королевский флот Англии организовал несколько крупных экспедиций в эти места вслед за экспедицией Джона Фиппса в 1773 году. Такие путешественники, как Парри, Франклин и Росс, уже прославившиеся поисками Северо-Западного прохода из Атлантического в Тихий океан, появились и на Свальбарде. Основным мотивом экспедиций было достижение высочайшей широты, предпочтительно — самого Северного полюса, но они ставили и научные задачи, такие как составление географических и морских карт¹⁸. Международная, организованная Францией экспедиция на корвете *La Recherche* (1838 – 1839 гг.) — еще один пример детально документированной исследовательской работы¹⁹.

В итоге совершенствовались карты данной территории и появлялось множество новых топонимов, особенно вдоль западного и северного побережья Шпицбергена. Систематического международного сотрудничества в области картографии и номенклатуры не было, но обмен географической

¹⁸ Fleming 1998, 2001.

¹⁹ Knutsen and Posti 2002.

информацией происходил благодаря публикациям и личным контактам. В первой половине XIX в. сильно обогатились коллективные знания географии Свальбарда, но по причине отсутствия стандартных мер, несовершенных в то время инструментов и методов картографии и навигации, а также индивидуальных практик наименования оставалось много путаницы и неточностей. Типичными для этого периода были топонимы в честь кораблей экспедиций, членов их экипажей, покровителей и спонсоров²⁰.

Во второй половине XIX века все больше менее масштабных специальных экспедиций отправлялось именно на Свальбард с целью его научного исследования. Подобные изыскания, в том числе и в области структурной геологии, требовали более точных карт. Поэтому в программах экспедиций заметное место отводилось топографии и геодезии. Особенную активность проявляли шведские ученые; им же принадлежала и ведущая роль²¹. В 1874 году А.Э. Норденшёльд опубликовал новейшую карту — итог двадцатилетних шведских исследований. Однако она отражала и знания прежнего уровня, подлежавшие качественному контролю. В ходе российско-шведских градусных измерений на Шпицбергене в 1898–1902 гг. появилось немало высокоточных карт, составленных с применением современных геодезических и топографических методов. Измерения охватывали более 4° широты, от юга Шпицбергена до самого северного острова Росса; на карты были также нанесены обширные внутренние территории²². Надо ли говорить, что работа, проведенная шведскими и российскими учеными, повлекла за собой появление множества новых топонимов. Их превосходные карты, вероятно, способствовали утверждению названия архипелага Шпицберген в международном масштабе.

Картографическая деятельность, развернувшаяся на Свальбарде в XIX веке, дала импульс дискуссиям в сфере практики и принципов наименований. Пока исследователь или экспедиция работали на неосвоенных территориях, ос-

²⁰ Ulvang 2012.

²¹ Wråkberg 1999; Liljequist 1993.

²² Liljequist 1993, 328 f.

новным принципом было «право первого». Приоритетом обладал первый топоним, данный географическому объекту и точно документированный словесным описанием или картой. Впоследствии картографы, как правило, считались с существующими названиями — разумеется, при условии, что они известны. Нередко первоначальное название транскрибировалось или переводилось в соответствии с языковыми традициями. В процессе этого могли искажаться даже имена собственные, поскольку абсолютных правил передачи иноязычных названий не существовало. По мере накопления опубликованных карт и описаний Свальбарда накапливались и случаи частично совпадающих топонимов, переименований, неточностей в указании местоположения и т.д.²³. Разумеется, отсутствие стандартизации и координации доставляли неудобства и практические помехи деятельности картографов, но было ли все это также и признаком столкновения национальных интересов?

Большинство экспедиций на Свальбард в этот период либо инициировались национальными властями, либо получали значительное государственное (а нередко и частное) финансирование. Ни от одной из них не требовалось заявлять юридические права на физическую территорию, но тем не менее царило негласное ожидание, что экспедиция оставит по себе знаки национального присутствия. Такими территориальными знаками могли служить карты и топонимы, причем чем больше, тем лучше. Если бы в будущем создалась ситуация, при которой встал вопрос о приоритетном праве на Свальбард, то свидетельство присутствия и исследования могло оказаться полезным в политическом отношении²⁴. Вероятно, государства или сами первопроходцы не обязательно рассуждали именно в этом ключе. Несомненно одно: национальная гордость и престиж — это мощная мотивация, предполагающая и конкуренцию между странами. Вполне резонно полагать, что элемент конкуренции повлиял также на картографию и номенклатуру.

²³ Wråkberg 1999: 114 f.; The Place-names 1942: 13 f.

²⁴ Drivenes 2012: 55.

Закрепление суверенитета: Шпицбергенский трактат

Собственно говоря, вопрос суверенитета заявил о себе в конце XIX века, и вновь — в начале XX века. С 20-х годов XVII в. Шпицберген и остров Медвежий считались ничейной землей (*terra nullius*)²⁵. Эту точку зрения потребовалось пересмотреть, когда шведский ученый Адольф Эрик Норденшёльд обратился за королевской протекцией для спланированного на Шпицбергене рудника. В 1871 году шведское правительство разослало официальную ноту потенциально заинтересованным европейским государствам с вопросом, не будет ли возражений против аннексии Шпицбергена Швецией-Норвегией под норвежским флагом — в то время две нации образовывали унию. С единственным существенным возражением выступила Россия. Русские предпочитали, чтобы эта территория по молчаливому согласию оставалась неопределенной и доступной всем государствам (“[...]un domaine indécis accessible à tous les Etats”). Шведы не стали продолжать дискуссию по этому поводу²⁶.

На рубеже XIX–XX вв. вопрос о Шпицбергене снова политизировался, в связи с растущим интересом к разработке полезных ископаемых. Частные лица и компании из разных стран занимались разведкой минеральных ресурсов на острове Медвежий и на Шпицбергене: немцы, англичане, шведы, норвежцы и даже русские и американцы. Их правительства вели эту деятельность с разной степенью заинтересованности, но явно предусматривая будущие политические вызовы и возможности. Первые угольные шахты, работавшие в круглогодичном режиме, открылись в 1905–1906 годах. Не раз возникали трудовые конфликты и разногласия

²⁵ Некоторые исследователи предпочитают термин *res communis*, общая земля, подчеркивая тот факт, что она использовалась и эксплуатировалась многими сторонами на равных основаниях и не была открыта для чьего-либо владения. Если на *res communis* не может претендовать отдельное государство, *terra nullius* может в принципе быть занята и оказаться под национальным суверенитетом. В отношении юридического статуса Свальбарда до XX в. различия режимов не имеют практического значения (Ulfstein 1995: 37).

²⁶ Wråkberg 1999: 149f.; Ulfstein 1995: 36 f.

относительно прав собственности в связи с добычей и разведкой полезных ископаемых²⁷.

В 1905 году Шведско-норвежская уния распалась. Одной из неотложных задач независимого норвежского правительства стало решение «вопроса о Шпицбергене». Около 1905 г. подъем национальных чувств, начавшийся до разделения, достиг апогея. Аннексия Шпицбергена стала национальной амбицией, по крайней мере среди активных политических групп. В 1908 году Норвегия попыталась созвать международную конференцию по Шпицбергену. Предлогом явилось отсутствие властей и юрисдикции, что создавало проблемы для экономической деятельности на Свальбарде, особенно для угледобычи. Шведы выразили протест против односторонней инициативы Норвегии, и в 1910 и 1912 годах в Христиании (Осло) были проведены трехсторонние конференции между Норвегией, Швецией и Россией с целью подготовки проекта договора. Наконец летом 1914 г. состоялась международная конференция, но она не привела к положительным результатам. Прочие стороны отвергли предложение об объединенном управлении Шпицбергенем тремя так называемыми северными государствами²⁸. Осенью вспыхнула Первая мировая война.

По мере приближения окончания войны стороны готовились к мирной конференции. Она состоялась в Париже в 1919 году. Норвегия собиралась предъявить требования на Шпицберген. Довоенный дипломатический процесс расстроил планы на полный суверенитет, но теперь время пришло. Верховный Совет мирной конференции согласился поднять вопрос о Шпицбергене в отдельной комиссии и попросил Норвегию предъявить проект договора; его быстро подготовили. Взяв за основу этот проект, осенью 1919 г. Комиссия по Шпицбергену провела ряд встреч и консультаций, и к концу года договор был принят присутствующими сторонами — Верховным Советом и норвежским правительством. Девято-

²⁷ Arlov 2003; Berg 1995.

²⁸ Berg 1995.

го февраля представители девяти государств подписали в Париже «Трактат [...] о Шпицбергене»²⁹.

Для дальнейшего обсуждения стоит привести Статью 1 трактата *in extenso*:

Высокие Договаривающиеся Стороны соглашаются признать на условиях, предусмотренных настоящим Договором, полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген, охватывающим с Медвежьим островом, или Берен-Эйланд, все острова, расположенные между 10 и 35° восточной долготы от Гринвича и между 74 и 81° северной широты, в частности: Западный Шпицберген, Северо-Восточную Землю, остров Баренца, остров Эдж, острова Уич, остров Надежды, или Хопен-Эйланд, и землю Принца Карла, вместе со всеми островами, островками и скалами, относящимися к ним (см. прилагаемую карту)³⁰.

Заметим сразу, что «архипелаг Шпицберген» — это формальное собирательное название островов и скал внутри данных географических координат. Название Западный Шпицберген явно относится к самому крупному острову. Заметим также альтернативные голландские названия некоторых островов: *Veegen-Eiland* (Медвежий остров) и *Хопен-Эйланд* (остров Надежды). Дело в том, что в 1919–1920 гг. номенклатура еще не вполне устоялась.

Политика топонима: Шпицберген или Свальбард?

Согласно международному трактату Норвегия обретала суверенитет над Шпицбергеном. При этом приоритет в смысле первооткрытия, кажется, не играл никакой роли. Но вряд ли было совпадением, что в 1919 г., когда в Париже шли переговоры, вышел из печати монументальный труд Ф.К. Видера (спонсированный Министерством иностранных дел Нидерландов) об открытии Шпицбергена и нанесении его на карту

²⁹ Berg 1995; Ulfstein 1995.

³⁰ Цит. по: Ulfstein 1995, appendix E. Обратите внимание, что оригинал Шпицбергенского трактата составлен на английском и французском языках, в соответствии со Статьей 10.

голландцами³¹. Комиссия по Шпицбергену не приняла во внимание норвежские доводы в пользу возможного открытия до Баренца и рассматривала только юридические, политические и практические вопросы³². Предоставление суверенитета Норвегии было актом реальной политики.

Норвегии оставалось только согласиться на оговорки и условия трактата и в конце концов принять суверенитет. Помимо ратификации, до вступления договора в силу предстояло решить еще много вопросов. Самыми неотложными задачами были проект горного устава согласно Статье 8 трактата, решение споров о собственности и выработка закона о будущем норвежском администрировании Шпицбергена, в том числе о юриспруденции³³. Сосредоточимся здесь на последней из этих задач.

Совершенно ясно, что норвежское правительство потребовало и получило суверенитет над «Шпицбергеном», включающим и остров Медвежий. Альтернативных терминов норвежская сторона не предлагала ни до, ни во время, ни после Парижской конференции. И во всех официальных документах правительства, и в документах Стортинга (парламента) использовалось название Шпицберген. В главных газетах Норвегии на уровне передовиц эта территория также называлась Шпицберген. Однако топоним «Свальбард» несколько лет имел хождение в академической среде, а к 1920 году его популярность выросла³⁴. Как и когда он стал наконец официальным норвежским названием архипелага?

Свальбард — древнескандинавское название, обычно истолковываемое как «холодное побережье» или «холодный край». Откуда пришло это название или, скорее, с чем оно связано, окутано тайной. Оно появляется в нескольких копиях исландских анналов XIII века под 1194 годом. Запись гласит: «Найден Свальбард». Вот и все. Что такое Свальбард и где он находится, источник умалчивает. Однако имеются и немногие другие письменные источники, в которых упомина-

³¹ Arlov 1988: 71–72.

³² Ulfstein 1995, 44 f.

³³ Johannesen 1996.

³⁴ Berg 1995; Johannesen 1996.

нут Свальбард. Наибольший интерес представляют лоции в исландской *Landnámabók* XIII века. В одной из них говорится: «От Лаунганеса (*Langanes*) на севере Исландии до Свальбарда на севере в море плыть четыре дня» (“[...] en frá Langanesi á nordanverðu Íslandi er IIII dægra haf til Svalbarða norðr í Hafsbótin [...]”)³⁵. По крайней мере из этого фрагмента следует, что Свальбард был неким определенным географическим объектом, и располагался он на некотором расстоянии на север от Исландии³⁶. Возможно, это была северо-восточная Гренландия, Ян-Майен, паковый лед — или, действительно, Шпицберген.

Эти древнеисландские рукописи были изучены, переведены и опубликованы в Норвегии в 90-е годы XIX века, когда в связи с вопросом унии со Швецией в стране были обострены национальные чувства³⁷. Для таких процессов национального строительства характерна тенденция искать в прошлом свидетельства былой независимости и былого величия, которую социолог Джон Хатчинсон называет «культурным национализмом»³⁸. В Норвегии в моду вошло Средневековье, особенно так называемая Эпоха викингов с ее «Норвежским великодержавием» (*Noregsveldet*). Ученые собрали упоминания Свальбарда и идентифицировали его как Шпицберген, одновременно выдвигая идею о древнем открытии архипелага Норвегией. Так, топограф Гуннар Исахсен опубликовал статью с говорящим названием «Об открытии Свальбарда»³⁹. Гипотеза обрела популярность, когда в ее поддержку выступили такие авторитетные эксперты, как Арнольд Рэстад и Фритьоф Нансен⁴⁰. Мнение, что Шпицбер-

³⁵ Finnur Magnússon og Rafn 1845: 212. Перевод *norðr í Hafsbótin* как «на севере в море» достаточно условен. В норвежском языке (*ffjord*)*bótin* обозначает «место встречи моря и суши во внутренней части залива или фьорда». Подробное обсуждение возможных значений *Hafsbótin* см. ниже в статье Л.С. Чекина.

³⁶ Nansen 1911: 410 f.

³⁷ См. Storm 1888, 1890. Мысль о том, что Шпицберген может быть идентичен мифическому Свальбарду, родилась в Норвегии благодаря работе Б.М. Кейльхау (Keilhau 1831).

³⁸ Johannesen 1996: 22–23.

³⁹ Isachsen 1912. Статья была написана в 1906–1907 гг.

⁴⁰ Ræstad 1912; Nansen 1911; Drivenes 2004, 2012.

ген/Свальбард был древним норвежским открытием (или даже владением), несомненно, будоражило общественность во время переговоров 1910–1914 гг. о будущем архипелага. Трудно сказать, произвело ли оно впечатление и на центральное правительство. Во всяком случае, правительство было заинтересовано в дипломатическом и политическом процессах.

Весной 1920 года был учрежден комитет по разработке законов для Шпицбергена, и к концу того же года был представлен первый вариант проекта. Интересно, что в замечаниях к проекту Министерство иностранных дел предложило название «Шпицберген (Свальбард)» вместо «архипелаг Шпицберген» (*Spitsbergen-øygruppen*)⁴¹. Внутри министерств были проведены консультации, и в ноябре 1922 года был готов окончательный вариант. В нем использовалось собирательное название «Шпицберген», но название «Свальбард» в скобках отсутствовало. Преодолев сомнения, в феврале 1924 года правительство представило проект в Стортинг под названием «О законах для Шпицбергена».⁴² Однако одновременно парламенту было предложено ратифицировать трактат⁴³. Здесь норвежское правительство впервые официально ввело топоним Свальбард в качестве альтернативы Шпицбергену, но опять-таки в скобках. Этот ход был явно подсказан, если не попросту сформулирован, вышеупомянутым Арнольдом Рэстадом, влиятельным экспертом по международному праву, ранее работавшим в Министерстве иностранных дел.⁴⁴ Принимая это название, в скобках или без них, правительство проделало долгий путь к принятию и поддержке националистического мифа о Свальбарде⁴⁵.

По разным соображениям проект «О законах для Шпицбергена» был отозван⁴⁶. Когда весной 1925 года он вернулся

⁴¹ Johannesen 1996: 118.

⁴² Ot. prp. nr 12 (1924). Om lover for Spitsbergen, 22.2.1924.

⁴³ St. prp. Nr. 36 (1924). Om godkjennelse av traktaten om Spitsbergen (Svalbard).

⁴⁴ Об активной роли Рэстада в вопросе о Свальбарде см. Berg 1995; Johannesen 1996; Drivenes 2004.

⁴⁵ Arlov 2011.

⁴⁶ Arlov 2011: 45 f.

в Стортинг в исправленной версии, название звучало так: «О законе на Свальбарде»⁴⁷. Стортинг принял закон в июле. По нескольким вопросам состоялись жаркие дискуссии и подавалось почти равное количество голосов «за» и «против», но выбор Свальбарда как официального названия споров не вызвал. Король в Совете санкционировал закон 17 июля, а 14 августа 1925 года и закон, и то, что теперь называли Свальбардским трактатом, вступили в силу. Норвегия формально приняла на себя владение Свальбардом.

Обсуждение

Процесс топонимического перехода от Шпицбергена к Свальбарду протекал внутри Норвегии. Мало кто за ее рубежами слышал о Свальбарде: изменение официальной номенклатуры могло удивлять или раздражать, но, похоже, в основном на него не обращали внимания. Почти все государства и международная общественность продолжали употреблять в качестве собирательного названия архипелага национальные формы названия «Шпицберген» (Spitsbergen, Spitzbergen, Spitzberg). В чем же был смысл этого изменения?

Нет никаких сведений, что норвежское правительство сознательно хотело бросить вызов другим участникам Шпицбергенского трактата или международной общественности в целом, изменив название лишь тогда, когда трактат был готов вступить в силу. Напротив, нежелание использовать в официальных документах до 1924 г. топоним Свальбард можно интерпретировать как сдержанность. Если же власти уступили народному требованию, то объяснение этого следует искать внутри страны.

Во-первых, процесс «норвегизации» восходит к далекому 1814 году, когда Норвегия откололась от Дании. Этот процесс, переживавший подъем в конце XIX века, имел и культурные, и политические составляющие⁴⁸. Лингвистическое «открытие» Свальбарда в XIX в. произошло в результате скрупулезных поисков норвежского, до-датского, наследства

⁴⁷ Ot. prp. nr. 48 (1925). Um lov um Svalbard.

⁴⁸ Berg 2013; Drivenes 2012.

с целью повысить национальную самооценку. В 1902 году началась научная работа для замены датской административной терминологии норвежскими словами на основе средневековых понятий; одним из результатов этой работы был выбор в 1925 году названия *Sysselmann* для высшей административной должности на Свальбарде⁴⁹. В политическом плане норвегизация проявилась, например, в довольно неуклюжей консолидации национальной территории, особенно на землях саамов, граничащих с Россией, Финляндией и Швецией. Это также вылилось в политику экспансии в Арктике; главной целью при этом стал Шпицберген. Историк Роальд Берг, детально проанализировав этот процесс, утверждает, что *лингвистическая* норвегизация Шпицбергена служила *политическим* задачам, а именно полному норвежскому суверенитету: «[...] сделать острова Шпицбергена столь же норвежскими, как и остальное королевство, назвав его Свальбардом, то есть легитимировать норвежский суверенитет над островами, онорвежив их *историю*»⁵⁰.

Во-вторых, в 1920 году Шпицбергенский трактат был принят в Норвегии со смешанными чувствами: у кого-то он вызвал разочарование, у кого-то — неприятие. И общественность, и пресса были разочарованы оговорками трактата, которые, казалось, накладывают различные ограничения на норвежский суверенитет. Поэтому правительству было важно сделать трактат более приемлемым для общественности. Возвращая архипелагу древнее скандинавское название и таким образом поддержав популярный «Свальбардский миф», можно было возбудить национальную гордость и энтузиазм — ведь острова якобы воссоединились с родиной спустя 800 лет разлуки⁵¹. Это отлично сочетается с понятием «культурный национализм». Первооткрытие не играло роли в дискуссиях Комиссии по Шпицбергену в Париже, но идея о

⁴⁹ Arlov 2011: 52–53.

⁵⁰ Berg 2013: 169.

⁵¹ Arlov 2003: 54. Автор данной статьи ввел понятие «свальбардский миф» в лекции на радио в 1994 году, опубликованной в 1995 году (Arlov 1995).

приоритете норвежских открывателей имела большое значение при создании национального мифа.

В-третьих, разочарование трактатом настолько охватило и Стортинг, что правительство опасалось, как бы большинство парламентариев не отказалось от ратификации. Именно поэтому правительство не спешило с постановкой вопроса перед Стортингом. Тем временем прилагались усилия упрочить положение Норвегии на Шпицбергене, особенно в смысле гарантии прав собственности для норвежских угольных компаний и государства. Норвегизация Шпицбергена стала первостепенной задачей, о которой открыто говорили ведущие политики. Частью этой задачи был пересмотр топонимии. Норвежское картографическое управление готовило карты для комиссара по земельной собственности, а в 1922 году был учрежден специальный комитет по названиям, содействующий распространению топонимов, которые отвечали норвежским притязаниям⁵². Не исключено, что само правительство приветствовало свальбардский миф, но трудно не увидеть, что, меняя название и тем самым взывая к национальным чувствам, оно пыталось подсластить политическую пилюлю.

В-четвертых, имелся практический и прагматический аргумент для изменения названия Шпицберген на Свальбард. Вскоре после подписания Шпицбергенского трактата в 1920 г. этот аргумент выдвинул влиятельный норвежский полярный исследователь Адольф Хоэль⁵³. Исторически возникла некая путаница относительно смысла названия Шпицберген, и это, как мы видели, нашло отражение в Статье 1 Трактата. Хоэль считал, что название Шпицберген не подходит в качестве собирательного названия для *всех* островов архипелага, поскольку может породить неправильное

⁵² Johannesen 1996: 100–101. Согласно Шпицбергенскому трактату, Приложение § 1, датское правительство должно было назначить особого комиссара для рассмотрения претензий на земельную собственность. Был назначен д-р права Кристиан Синнбалле. В помощь ему (и самой себе) в этом процессе Норвегия предоставила в его распоряжение специалиста по Свальбарду, ученого и активиста Адольфа Хоэля.

⁵³ Noel 1920.

толкование. Вместо него в качестве нового собирательного названия он предлагал Свальбард, закрепляя Шпицберген за основной группой северных островов, самым крупным среди которых был Западный Шпицберген. Это Соломоново решение, пусть не идеально четкое, сохраняло оригинальное голландское название, впрочем, на ограниченной географической территории. Это решение и было принято, но впоследствии (в 1969 г.) оно было модифицировано. Ныне Шпицберген (Spitsbergen) — это официальное название главного острова всего архипелага Свальбард.

Наконец, в какой мере изменение названия в 1924–1925 годах было националистическим заявлением норвежского правительства? Если принять проводимое Хатчинсоном различие между культурным и политическим национализмом, можно доказать, что это изменение было прежде всего выражением первого⁵⁴. Свальбардский миф возник в XIX в. и стал частью «волны норвегизации», в первую очередь направленной против остатков датского культурного влияния, в частности — в языке. Развитие нового норвежского языка (ланнсмола), отказ от датских административных терминов, борьба за передачу норвежских архивных материалов из Копенгагена и приобретение датских прав на публикацию сочинений знаменитых норвежских писателей, таких как Ибсен и Бьёрнсон, — таковы были элементы этого движения. По сути, это был период национального расцвета и утверждения, а не агрессивного политического национализма. Однако постепенно характер политики, равно как и риторики, изменился. Принято считать, что печально известный норвежский «полярный империализм» (*Ishavsimperialismen*) начался с вопроса о Шпицбергене⁵⁵. Конечно, в начале XX века, особенно после разрыва со Швецией в 1905 году, присутствовало амбициозное стремление захватить архипелаг, но норвежские интересы отстаивались посредством мирных дипломатических действий, кульминацией которых и стал Шпицбергенский трактат 1920 года. Однако через несколько

⁵⁴ См. выше и Johannesen 1996: 22 f.

⁵⁵ Drivenes 2004.

лет возник более явный и активный территориальный экспансионизм вкупе с политическим национализмом. Он особенно проявился в угрозе датскому суверенитету в Гренландии, которая была приведена в исполнение в июне 1931 года, когда были оккупированы части юго-восточного побережья. Эта территория получила название «Земля Эрика Рыжего» ('Eirik Raudes Land') — с намеком на возвращение древней норвежской территории и явным вызовом датскому суверенитету. Оккупация была частным и тайным образом организована радикальными арктическими активистами, получившими поддержку широкой общественности. Норвежское правительство колебалось, склоняясь к переговорам, но в конце концов санкционировало аннексию, а в 1932 году даже расширило территорию⁵⁶. Оккупированные территории были немедленно покинуты в 1933 году, после решения Международного суда в Гааге, когда Норвегия по всем пунктам проиграла Дании.

Успешное решение вопроса о Шпицбергене, вероятно, подогрело аппетит Норвегии к дальнейшей экспансии в полярных регионах, но нет оснований считать переименование *ничейной земли* в Свальбард проявлением экспансионизма. Не надо видеть в символике больше того, что в ней заключено. Последующие попытки обрести суверенитет над частями Гренландии за счет Дании, соперничество за Землю Франца-Иосифа и остров Виктория с Советским Союзом и аннексии в Антарктике в конкуренции с другими странами являлись гораздо большим вызовом и повлекли гораздо более высокие политические риски. Было бы, кажется, логической ошибкой принимать временную последовательность за причинно-следственную связь и доказывать, что национализация топонима в 1925 году положила начало явному полярному империализму последующих лет.

Выводы

Изменение официального названия Шпицберген на Свальбард было вызвано внутренними процессами в Норве-

⁵⁶ Fure 1996; Drivenes 2004.

гии, несомненно, коренившимися в культурном национализме и тенденциях «норвегизации», но оно не было направлено против других стран или политических деятелей. Представляется, что главным мотивом для норвежского правительства было заручиться внутренней народной и политической поддержкой в 1924–1925 гг. с целью провести в жизнь положения Шпицбергенского трактата. Для наведения порядка в топонимии данного региона имелись и практические доводы — ответственность за создание стройной номенклатуры естественным образом ложится на суверенное государство⁵⁷. Таким образом, собственно изменение названия не следует истолковывать как пролог к позднейшей, гораздо более агрессивной внешней политике Норвегии, следующей фазе так называемого «полярного империализма», повлекшего за собой оккупацию Ян-Майена, Восточной Гренландии и частей Антарктиды в 20–30-е годы XX века. Совершенно другой смысл был у названия «Земля Эрика Рыжего», появившееся на территории оккупированной Восточной Гренландии в 1931 году — оно несомненно было обдуманым и политически мотивированным вызовом датскому суверенитету.

Перевод с английского В.И. Матузовой

БИБЛИОГРАФИЯ

- Arlov 1988 — *Arlov, Thor B. Svalbard 1596–1650 i historiografisk lys.* Oslo, 1988 (Norsk Polarinstitutt Meddelelser nr. 109).
- Arlov 1995 — *Arlov, Thor B. 1995. Svalbard ut av tåkeheimen — myter og fakta // P2-Akademiet.* Oslo, 1995. В. С.
- Arlov 2003 — *Arlov, Thor B. Svalbards historie. 2. utgave.* Trondheim, 2003.

⁵⁷ Почти сразу после подписания договора в 1920 г. Адольф Хоэль и его коллеги начали работу по сбору и анализу географических названий, закончившуюся в 1942 г. выходом в свет издания *The Place-names of Svalbard*. В процессе работы было изучено более 10 тысяч разнородных топонимов.

- Arlov 2011 — *Arlov, Thor B.* Den rette mann. Historien om Sysselemanden på Svalbard. Trondheim, 2011.
- Berg, Vuolteenaho 2009 — *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming / Ed. by L.D. Berg and J. Vuolteenaho.* Ashgate Publishing, 2009.
- Berg 1995 — *Berg R.* Norge på egen hånd 1905–1920. Oslo, 1995 (Norsk utenrikspolitikk historie, B. 2).
- Berg 2013 — *Berg R.* From 'Spitsbergen' to 'Svalbard'. Norwegianization in Norway and in the 'Norwegian Sea', 1820–1925 // *Acta Borealia*. 2013. Vol. 30 (2). P. 154–173.
<https://doi.org/10.1080/08003831.2013.843322>
- Conway 1906 — *Conway M.* No Man's Land. A history of Spitsbergen from its discovery in 1596 to the beginning of the scientific exploration of the country. Cambridge, 1906.
<https://doi.org/10.2307/197834>
- Drivenes 2004 — *Drivenes E.-A.* Ishavsimperialisme // Norsk polarhistorie. Oslo, 2004. B. 2. S. 175–256.
- Drivenes 2012 — *Drivenes E.-A.* Svalbardforskning og svalbardpolitikk 1870–1925. Forskere som politiske aktører // *Nordlit*. 2012. Vol. 29. P. 47–57. <https://doi.org/10.7557/13.2300>
- Finnur Magnússon og Rafn 1845 — *Finnur Magnússon og C.C. Rafn.* Gamle Kursforskrifter til Grönland // Grönlands Historiske Mindesmærker. København, 1845. B. III. S. 209–215.
- Fleming 1998 — *Fleming F.* Barrow's Boys. London, 1998.
- Fleming 2001 — *Fleming F.* Ninety Degrees North. The Quest for the North Pole. London, 2001.
- Fure 1996 — *Fure O.-B.* Mellomkrigstid 1920–1940. Oslo, 1996 (Norsk utenrikspolitikk historie, vol. 3).
- Gerritsz 1613 — *Gerritsz H.* Histoire de Pays nommé Spitsberghe. Amsterdam, 1613.
- Hoel 1920 — *Hoel A.* Svalbard-Spitsbergen // *Aftenposten*. 1920. Nr. 80. 14 February.
- Isachsen 1912 — *Isachsen G.* Om Opdagelsen af Svalbard // Norges Geografiske Selskaps Aarboeg. Kristiania, 1912.
- Jackson 1978 — *Jackson G.* The British Whaling Trade. London, 1978.
- Johannesen 1996 — *Johannesen, Leif Johnny.* Den nasjonale selvhevdelsens vei. Svalbardsaken i norsk politikk 1920–25. MA thesis, University of Trondheim, 1996.

- Keilhau 1831 — *Keilhau B.M.* Reise i Øst- og Vest-Finmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen i Aarene 1827 og 1828. Christiania, 1831.
- Knutsen, Posti 2002 — *Knutsen N.M. & Per Posti.* La Recherche. En ekspedisjon mot nord. Tromsø, 2002.
- Liljequist 1993 — *Liljequist G.H.* High Latitude: A History of Swedish Polar Travels and Research. Stockholm, 1993.
- Lowenthal 1998 — *Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. Cambridge, 1998.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511523809>
- Nansen 1911 — *Nansen F.* Nord i taakeheimen. Kristiania, 1911.
- Ræstad 1912 — *Ræstad A.* Norges høihetsret over Spitsbergen i ældre tid. Kristiania, 1912.
- Sverdrup Lunden 1980 — *Sverdrup Lunden S.* *Grumant or Broun?* Previous Russian names for Spitsbergen // Scando-Slavica.1980. Vol. 26. P. 139–148. <https://doi.org/10.1080/00806768008600779>
- Storm 1888 — *Islandske Annaler indtil 1578 / Ed. G. Storm.* Christiania, 1888.
- Storm 1890 — *Storm G.* Ginnungagap i Mythologien og i Geografien // Arkiv for Nordisk Filologi. 1890. B. 6 (Ny Följd 2). S. 340–350.
- The Place-names 1942 — *The Place-names of Svalbard.* Oslo, 1942 (Skrifter om Svalbard og Ishavet, no. 80).
- Ulfstein 1995 — *Ulfstein G.* The Svalbard Treaty. From Terra Nullius to Norwegian Sovereignty. Oslo, 1995.
- Ulvang 2012 — *Ulvang, Oddvar M.* Nasjonsrelaterede stedsnavn på Svalbard. Hvilke nasjoner har satt flest spor etter seg? MA thesis, University of Tromsø, 2012.
- Veer 1598 — *Veer, Gerrit de.* Waerachtige beschryvinghe van drie seylaghien. Amsterdam, 1598.
- Wieder 1919 — *Wieder F.C.* The Dutch Discovery and Mapping of Spitsbergen. Amsterdam, 1919.
- Wråkberg 1999 — *Wråkberg U.* Vetenskapens vikingatåg. Perspektiv på svensk polarforskning 1860–1930. Stockholm, 1999.
- Zorgdrager 1720 — *Zorgdrager C.G.* Bloyende Opkomst der Aloude en Hedendaagsche Groenlandsche Visschery. Amsterdam, 1720.
<https://doi.org/10.5962/bhl.title.50705>

Л.С. ЧЕКИН

ТОПОНИМ «СВАЛЬБАРД» В ЛИТЕРАТУРЕ И КАРТОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ*

Аннотация: В статье рассматриваются средневековые формы имени открытой в 1194 г. земли Свальбард, высказывается предположение, что это имя восходит к названию одного из исландских хуторов, и прослеживается история этого имени в литературе и на картах. Несмотря на то, что в исландских анналах, «Книге о заселении Исландии» и зависимых от них средневековых источниках сохранилось крайне мало информации о Свальбарде, она стала частью конкурирующих образов Арктики, развивавшихся на протяжении позднего Средневековья и Нового времени, вплоть до принятия топонима Свальбард в 1925 г. в качестве наименования новой территории под управлением Королевства Норвегия.

Ключевые слова: Свальбард; Шпицберген; Гренландия; хавсботн; исландская картография; топонимия

Введение

- (а) *Svalbarð и его исландские омонимы
- (б) Svalbarðr в «Саге о Гудмунде»
- (в) Svalbarði в Скаульхольтских анналах
- (г) «Книга о заселении Исландии» и Виллем Баренц
- (д) Средневековые описания Земли и «Сага о Самсоне Прекрасном»
- (е) Исландская картография XVII в.
- (ж) Россия или Гренландия?
- (з) Свальбард и Шпицберген

* Автор благодарит Е.А. Мельникову и анонимного рецензента, прочитавших первый вариант этой статьи.

Введение

Когда норвежское правительство в 1925 г. приняло «Свальбард» в качестве официального названия группы арктических островов, ранее именовавшихся Шпицбергенom, оно тем самым подчеркнуло связь между мореплавателями конца XII в., предполагаемыми открывателями архипелага, и современными норвежскими полярниками, имена которых появлялись на карте Шпицбергена в процессе его «норвегизации»¹. Большая часть исследований средневекового топонима «Свальбард» появилась в первые десятилетия XX века и принадлежит перу ученых, занимавших активную политическую позицию по вопросу об исторических правах Норвегии на Шпицберген. Сегодня, когда вопрос о норвежском суверенитете так остро не стоит, нормой для серьезных исследователей как в Норвегии, так и за ее пределами стал общий скептицизм в отношении филологических и исторических заключений, делавшихся более политизированными предшественниками. В авторитетном норвежском тексте по истории Свальбарда-Шпицбергена средневековому этиму посвящены только две страницы. Автор приходит к выводу, что идентификация группы островов, названных «Свальбард» в 1925 г., и Свальбарда, открытого в 1194 г., недоказуема и является вопросом «веры и сомнения»². Ведущий немецкий специалист по средневековой скандинавской географической литературе лишь мимоходом упоминает арктический остров *Svalbarði*, в одной публикации идентифицируя

¹ Об истории политической и топонимической норвегизации Арктики см. Berg 2013; о политически мотивированных ученых студиях в период, предшествовавший норвежскому суверенитету над Шпицбергенom, см. статью Drivenes 2012, где также отмечено (р. 55), что результатом картографических работ экспедиций 1906 и 1907 гг. явилось обогащение шпицбергенской топонимии норвежскими именами; о современной топонимии Свальбарда, в которой имя «Шпицберген» осталось в качестве наименования крупнейшего острова, ранее называвшегося «Западный Шпицберген», см.: Place Names of Svalbard 2003. В российской литературе и на картах в основном продолжают использоваться старые названия архипелага и главного острова (см. наше с А.Б. Рогачевским Введение к данному блоку статей).

² Arlov 2008: 50–51.

его как «скорее Ян-Майен чем Шпицберген», а в другой однозначно отождествляя его со Шпицбергенем³.

Помимо общего скепсиса по поводу средневекового Свальбарда или молчаливого признания его идентичности Шпицбергену, с середины XX в. исследований средневекового имени практически не предпринималось. Лишь в немногих публикациях ставилась задача хотя бы перечислить контексты, в которых появлялся средневековый топоним⁴, а его варианты и формы практически не анализировались. Статьи «Свальбард» нет ни в одном из главных международных справочников, посвященных европейскому и скандинавскому Средневековью, таких, как *Lexikon des Mittelalters*, *Medieval Scandinavia* или последнее печатное издание *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde* (В. 30, 2005).

Основной задачей данной статьи является критическая оценка всех форм и контекстов, в которых название «Свальбард» появлялось в нарративных текстах и картографии. Обзор начинается с сообщений о Свальбарде в Исландских анналах, которые содержат дату его открытия (разделы *a*-*b*) и в «Книге о заселении Исландии», где даются направление и расстояние до Свальбарда от полуострова Лаунганес («Длинный мыс») на северо-востоке Исландии (*g*). Затем обсуждаются различные идеи о положении Свальбарда относительно Гренландии и Северной Евразии, содержащиеся в «Сage о Самсоне Прекрасном» (раздел *d*) и в географии и картографии XVII–XIX веков (разделы *e*, *ж* и *з*). Ранее не привлекавшийся материал, который обсуждается в первой части статьи, может помочь идентификации загадочной земли, открытой в 1194 году. Другие контексты, особенно поздние ученые труды и карты, бесполезны для раскрытия тайны «реального» Свальбарда, но они интересны как попытки сопоставить древнескандинавские представления с географическими открытиями Нового времени. Благодаря этим трудам и картам топоним «Свальбард» сохранялся на протяжении столетий, иногда оказываясь в самых неожиданных областях Арктики.

³ Simek 1990: 187.

⁴ Krawczyk 1987; Starkov 1998.

(а) *Svalbarð и его исландские омонимы

Форма именительного падежа *Svalbarð, из которой выводится современное норвежское название архипелага, в средневековых текстах, связанных с открытием 1194 г., не встречается. Это современная реконструкция, основанная на форме родительного падежа *Svalbarðs*, из которой можно реконструировать не только топоним среднего рода *Svalbarð*, но также и имя мужского рода, *Svalbarðr*. Форма родительного падежа *Svalbarðs* встречается в разных орфографических вариантах в нескольких списках исландских анналов в скупом сообщении под 1194 годом: “Svalbarz fundr”, “Svalbarðs fundr”, “Svalbarðzfvnndr”, “Sualbards fvndr”⁵, что буквально значит «открытие Свальбарда». Самая ранняя рукопись с этой формой (и самая ранняя рукопись с этим топонимом вообще) — «Королевские анналы» (*Konungsannáll*), написанные около 1300 года⁶.

Одним из аргументов в пользу среднего рода этого имени является его общепринятая этимология. Первый компонент *sval-* соотносится с прилагательным со значением «прохладный», а одно из значений второго компонента, слова *barð* является «край, рант». Поскольку формой именительного падежа единственного числа древнескандинавского существительного среднего рода является *barð*, то вполне логичной будет реконструкция формы именительного падежа топони́ма как *Svalbarð*.

Вторым аргументом является существование сходных топонимов в Исландии. Ни дистрибуция, ни хронология этой топонимии не изучались, хотя такое исследование может повлиять на наше понимание открытия 1194 г., если предположить, что один из этих топонимов подсказал первопроехцам имя для новой земли. Это предположение может, в частности, придать дополнительный вес тезису о том, что первооткрыватели были исландцами, а не норвежцами⁷.

⁵ *Íslandske annaler* 1888: 22, 62, 121=477, 324.

⁶ *Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum*, GKS 2087 4to.

⁷ Об этом ср. Finnur Jónsson 1926: 81.

Svalbarð является названием нескольких хуторов в разных частях Исландии. Один из хуторов, в Нордюр-Тингейрслисле на северо-востоке Исландии, располагается недалеко от полуострова Лаунганес, откуда, согласно «Книге о заселении Исландии», начинался маршрут к арктическому Свальбарду. Этот древний хутор находится на другой стороне Тистиль-фьорда, на его юго-западном берегу (66°12'26"N 15°43'04"W). В письменных источниках этот Свальбард впервые упоминается в описи имущества диоцеза Хоулар, которая была составлена епископом Эйдюнном в 1318 году⁸. Но согласно археологическим данным хутор или по крайней мере его мусорная насыпь намного старше и датируется началом XI века⁹. Другой *Svalbarð*, в соседнем округе Сюдюр-Тингейрслисле, на восточном берегу Эйя-фьорда (65°44'40"N 18°05'02"W) еще древнее и намного известнее¹⁰. По «Книге заселения Исландии» он был основан за шестнадцать лет до крещения страны, в 884 году¹¹. В сагах об исландцах (семейных сагах) этот Свальбард упоминается несколько раз в связи с историческими событиями X–XIII веков¹². По этому Свальбарду, по-видимому, получил свое топонимическое прозвище Эйюльв Свальбардец (*Eyjólfr Svalberðingr*), отец одного из персонажей «Саги об исландцах», упомянутого в связи с событиями 1254 года¹³. Свальбардская церковь включена в ту же опись имущества диоцеза Хоулар 1318 года¹⁴.

Оба Свальбарда располагаются на прибрежной низине, за ними возвышаются холмы, что является достаточно обычной топографией исландского хутора, но вместе с тем поддерживает интерпретацию второго компонента назва-

⁸ См. *Diplomatarium Islandicum* 1893, 2: 425–426, *Eiríkur Þormóðsson* 1972: 116–117.

⁹ *Amorosi* 1992: 104.

¹⁰ См.: *Sædís Gunnarsdóttir* 2005: 61–70.

¹¹ *Íslendingabók. Landnámabók* 1968, 2: 269–270.

¹² См., напр., *Ljósvetninga saga* 1940: 81–82; *Sturlunga saga* 2010, 2: 741.

¹³ *Sturlunga saga* 2010, 2: 664; *Finnur Jónsson* 1908: 181; *Lind* 1920–21: 370. В русском переводе А.В. Циммерлинга он стал Эйюльвом с Холдного Борта, см. *Стурла Тордарсон* 2007: 332.

¹⁴ *Diplomatarium Islandicum* 1893, 2: 448–449.

ния как «край, рант». Что же касается первого компонента, насыщенная история обоих Свальбрадов свидетельствует о том, что прохладный климат не препятствовал их процветанию¹⁵. Благодаря его близости к Лаунганесу и относительной значимости в регионе, один из этих хуторов мог дать имя новооткрытой земле, топография которой, возможно, напоминала об этом исландском Свальбарде.

(6) *Svalbarðr* в «Саге о Гудмунде»

Если отвлечься от этимологии и не принимать во внимание грамматический род исландского слова *barð* и названий исландских хуторов, то можно на основе формы родительного падежа *Svalbarðs* реконструировать форму именительного падежа единственного числа имени мужского рода *Svalbarðr*. Именно так данный топоним был реконструирован для указателя к изданию исландских анналов Густава Сторма¹⁶. И действительно, единственная форма именительного падежа, зафиксированная средневековыми источниками и соответствующая родительному падежу единственного числа *Svalbarðs*, имеет морфологический признак мужского рода *-r*. Эта форма мужского рода, *Sualbarðr*, содержится в изводе А «Саги о Гудмунде», жития Гудмунда Арасона (1161–1237), епископа Хоулар с 1203 по 1237 г. Стефаун Калссон датирует основной список этого извода «по всей вероятности» между 1330 и 1350 годами¹⁷.

Одним из главных источников извода А «Саги о Гудмунде» был некий список исландских анналов, из которого агиограф епископа Гудмунда заимствовал фрагмент, упоминающий об открытии Свальбарда и о коронации короля Сверрира (29 июня 1194 г.). Эта новость предшествует известию об открытии в большинстве списков анналов: “*Vigðr Sverrir konungr undir korono. Þa fannz ok Sualbarðr*”¹⁸. Существование

¹⁵ Ср. гипотезу о том, что открытая в 1194 г. земля на деле могла быть кромкой арктического пакового льда (Krawczyk 1987: 225–226).

¹⁶ *Islandske annaler* 1888: 637.

¹⁷ *Guðmundar sögur biskups I* 1983: XLI. Место хранения списка: Københavns Universitet, Den Arnamagnæanske samling, AM 399 4to.

¹⁸ *Guðmundar sögur biskups I* 1983: 83.

ное *fundr*, «открытие», содержащееся в большинстве списков, в данном случае заменено глаголом *fannz* (*fannst*), форма прошедшего времени от *finnast*, медиопассивного деривата из *finna* «найти». Соответственно значение новой фразы: «Также в то время был найден Свальбард».

Почему этот топоним, вопреки своей предполагаемой этимологии, получил окончание именительного падежа *-r*, которое в древнескандинавском языке маркировало мужской род? Одним из объяснений формы *Svalbarðr* в изводе А «Саги о Гудмунде» может быть предположение, что этот топоним был воспринят как личное имя, аналогичное именам *Hárbarðr*, *Ráðbarðr* или *Langbarðr* (где второй компонент почти всегда соотносится с *barð*, «борода»¹⁹).

Но любопытно, что именно в это время в континентальных скандинавских языках происходили масштабные перемены в распределении грамматического рода, когда после утраты существительными мужского рода окончания именительного падежа *-r* многие существительные меняли род со среднего на мужской²⁰. Так, в новонорвежском языке слово *bard* «край, кант, (речной) берег» уже не среднего, как в древнескандинавском, а мужского рода, и, наверное, поэтому выдающийся норвежский филолог Густав Сторм не видел проблемы в маскулинизации топонима *Svalbarðr*.

Форма именительного падежа *Svalbarðr* проникает в исследовательскую литературу не обязательно в связи с изводом А «Саги о Гудмунде» или указателем к изданию исландских анналов Г. Сторма. Так, Э.В. Гордон (друг и соавтор Дж.Р.Р. Толкина) в предисловии к своему авторитетному учебнику особо подчеркнул то внимание, которое он уделил морфологическому признаку *-r*, но название «последнего северного открытия древних скандинавов» записал как *Svalbarðr*, «холодный край»²¹. Несмотря на критику рецензента, который не мог понять, «где автор нашел эту фор-

¹⁹ Sturtevant 1952, 1152–1153, Hødnebo 1972, 44.

²⁰ Steinmetz 2006; Trosterud 2006.

²¹ Gordon 1927: VIII, XXVII–XXVIII.

му»²², *Svalbarðr* можно встретить и в более современной справочной литературе²³.

(в) *Svalbarði* в Скаульхольтских анналах

Еще один вариант топонима, *Svalbarði*, зафиксирован в версии той же записи 1194 г. в одном из списков исландских анналов, в так называемых Скальхольтских анналах около 1362 года. Фраза “*Svalbarðs fundr*” выглядит здесь как “*Svalbarði fvdinn*”²⁴. Существительное *fundr* заменено причастием *fvdinn*, которое согласуется с формой именительного падежа единственного числа *Svalbarði*. В древнеисландском языке есть существительное мужского рода *barði*, являющееся дериватом из *barð*, но, по-видимому, не сохранившее его ландшафтных коннотаций.

Финнур Йонссон склонялся к предположению, что *Svalbarði* была изначальной («правильной», *den riktige*) формой именно потому, что она более необычна, и ее было проще неверно прочесть как *Svalbarð*, чем наоборот²⁵. Этот аргумент не особенно убедителен (самая ранняя рукопись с топонимом **Svalbarð* старше Скальхольтских анналов примерно на полвека). Ценность его для Финнура Йонссона скорее в насмешливо-ироническом саботаже норвежских притязаний на топоним «Свальбард», который ощущается во всей статье исландского исследователя: конечно, норвежцы могут присвоить это хорошее древнескандинавское имя для наименования своей новой территории, но, во-первых, оно не имело того значения, которое видят в нем норвежцы, а, во-вторых, звучало оно по-другому, чем это норвежцам кажется. Эта позиция выражена в самой заголовке статьи, «*Svalbarde*», в котором автор норвегизировал исландскую форму *Svalbarði*²⁶.

²² Stefán Einarsson 1928: 543.

²³ Murdoch; Read 2004: 13.

²⁴ Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, AM 420 a 4to, fol. 7r ([https://image.landsbokasafn.is/source/AM 420 a 4to/AM 420 a 4to. 000 7r - 17-hq.pdf](https://image.landsbokasafn.is/source/AM_420_a_4to/AM_420_a_4to_000_7r_-_17-hq.pdf)); Islandske annaler 1888: 181.

²⁵ Finnur Jónsson 1926: 80.

²⁶ «Таким образом, и в норвежском языке лучше бы принять имя “Свальбарде”, чем “Свальбард”» (Finnur Jónsson 1926: 81).

Та же форма *Svalbarði* (либо ее континентальный вариант *Sualberde*) фигурирует во всех других известных мне средневековых источниках, относящихся к открытию 1194 г., кроме исландских анналов и извода А «Саги о Гудмунде».

(г) «Книга о заселении Исландии» и Виллем Баренц

Существует текст, в котором содержится информация о местонахождении Свальбарда, восходящая к реальному опыту плававших к нему мореходов. Версии этого текста, содержащего направления и расстояния между несколькими пунктами в Норвегии, Исландии, Гренландии и Ирландии, включены в различные редакции «Книги о заселении Исландии» (*Landnámabók*). История «Книги о заселении Исландии» сложна. Ее старшая редакция может восходить к началу XII в. и таким образом предшествовать открытию Свальбарда в 1194 году²⁷. Текст с направлениями и расстояниями вошел в «Книгу о заселении Исландии» по крайней мере ко второй половине XIII в., когда Стурла Тордарсон (ум. в 1284 г.) составил свою редакцию, известную как «Книга Стурлы». Эта редакция сохранилась в списке, выполненном Йоуном Эрлендссоном между 1640 и 1660 годами²⁸. Другая ранняя редакция, «Книга Хаука», была составлена в период 1302–1310 гг. Хауком Эрлендссоном (ум. в 1334 г.); ее протограф не полон и направлений и расстояний не содержит²⁹, но они есть в копии, выполненной тем же Йоуном Эрлендссоном между 1640 и 1660 годами³⁰. Существуют и другие редакции «Книги о заселении Исландии», важные для реконструкции ее истории, но не содержащие значительных вариантов интересующего нас текста. Текст с направлениями и расстояниями был скопирован в «Большую сагу об Олаве Трюггвасоне»³¹. Считается, что сага была составлена в начале XIV века; три самых ранних ее списка датируются концом того же столе-

²⁷ Jakob Benediktsson 1993: 374.

²⁸ Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, AM 107 fol.

²⁹ Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, AM 371, 4to.

³⁰ Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, AM 105 fol (<https://handrit.is/is/manuscript/view/AM02-0105>).

³¹ Óláfs saga 1958, 1: 255–256.

тия³². Направления и расстояния в саге основаны на редакции «Книги Стурлы» и не содержат значительных разночтений.

Наконец, вариант текста с направлениями и расстояниями служит введением к описанию Гренландии, основанному на информации Ивара Бардарсона. Ивар поделился этой информацией, вероятно, тогда, когда он вернулся в Берген к 1364 году, после «многих лет» службы в качестве викарного епископа в Гардах в Гренландии. Это описание было первоначально написано на норвежском языке, но сохранилось в данизированной версии, восходящей к началу XVI века. В своем издании Финнур Йоунссон перечислил 14 полных или частичных списков, датирующихся концом XVI–XVII веками, а также рукописные и первопечатные переводы на немецкий, латинский, голландский и английский языки³³. Основной целью Ивара Бардарсона было рассказать о Гренландии, поэтому в его варианте опущено описание пути от Исландии до Ирландии и добавлена информация к описаниям других путей. Из того, что описание пути до Свальбарда (*Sualberde*) опущено не было, можно сделать вывод, что, по мнению Ивара Бардарсона, Свальбард имел отношение к Гренландии, а из того, что он не добавил новой информации, ясно, что в его время вряд ли этим путем продолжали пользоваться.

Переводчиком описания Гренландии на голландский язык (с немецкого) был не кто иной, как Виллем Баренц, открыватель Шпицбергена. Его перевод, выполненный в 1594 г., был в свою очередь переведен на английский в 1608 г. Уильямом Стиром для Генри Хадсона. Поскольку вся цепочка источников баренцовского автографа мне пока не доступна, сложно понять, кто именно, Баренц или его предшественник, прочитал топоним Свальбард как *Swawelberch*, каковое название

³² Ólafur Halldórsson 1993: 449. Это следующие списки: Københavns Universitet, Den Arnamagnæanske samling, AM 61 fol (<https://handrit.is/da/manuscript/view/da/AM02-061>), AM 53 fol и AM 54 fol.

³³ Ívar Bárðarson 1930, 9–16. Самый ранний список, конца XVI в. (Københavns Universitet, Den Arnamagnæanske samling, AM 777b 4to), доступен в интернете, см. <https://handrit.is/is/manuscript/view/da/AM04-0777-b-d>

Стир совершенно правильно передал как «Серная гора»³⁴. В любом случае интересно, что Баренц знал и обдумывал искаженную форму того самого названия, которое через триста лет будет присвоено его величайшему открытию.

Описание пути к Свальбарду во всех основных вариантах текста, по сути, одно и то же³⁵. Путь начинается с Лаунганеса на северо-востоке Исландии (как мы помним, один из древних исландских Свальбардов находится на другой стороне фьорда). Варианты «Книги Стурлы» и «Книги Хаука» (но не описание Ивара Бардарсона) называют направление на Свальбард как «север». К сожалению, более точных указаний, чем четыре стороны света, текст не содержит, так что, даже не ссылаясь на особенности скандинавских систем ориентации³⁶, можно «север» в принципе интерпретировать и как северо-запад, и как северо-восток. Расстояние определено как четыре *dægra* плавания, что обычно понимается как четыре раза по полсуток, то есть четыре 12-часовых периода; Ивар Бардарсон подтвердил это понимание своим переводом «два дня и две ночи» (хотя были и попытки истолковать *dægra* в данном случае как 24-часовые периоды). Пытаясь вычислить местонахождение пункта на расстоянии четырех *dægra* к северу от Лаунганеса и опираясь на собственный опыт плавания в арктических водах, исследователи высказывались в пользу и Гренландии, и Ян-Майена, и Шпицбергена³⁷. Расстояния между другими пунктами, упомянутыми в том же тексте, не всегда точны, что добавляет неопределенности каждой из этих хорошо проработанных гипотез.

Помимо северного направления и расстояния, в тексте также есть конкретная географическая привязка Свальбарда к некоему водоему, «хавсботн» (*hafsbötn*). Что же это за водоем?

П.А. Мунк, первый издатель латиноязычной «Истории Норвегии» (которая датируется второй половиной XII в.), предположил, что описанный в ней «северный залив», *septentrionalis sinus* является латинским эквивалентом тер-

³⁴ Ср. Burger 1928: 227 и Stere 1906: 163.

³⁵ Íslendingabók. Landnámabók 1968, 1: 33–35, Ívar Bárðarson 1930: 18.

³⁶ См. о них Джаксон 1997.

³⁷ Ср. Isachsen 1907, Holm 1926, Tornøe 1944: 56–67.

мина «хавсботн», и что этот термин обозначает часть моря, которая омывает полосу земли, протянувшуюся от Норвегии до Гренландии (об этой воображаемой полосе земли более подробно будет рассказано в следующих разделах данной статьи). Предположение Мунка было поддержано большинством исследователей средневековой географии, которые считают, что арктический Хавсботн обозначает самую северную часть открытого моря, по которому плавали древние скандинавы³⁸. Однако недавний анализ географической терминологии в «Истории Норвегии» лишает эту конструкцию одной из опор: «северный залив» истолковывается не как самая северная часть моря, а как большой фьрд, который, «в рамках идеи о присоединении Гренландии к Европе ... должен находиться между этими двумя регионами»³⁹.

Специалисты по скандинавскому и финскому фольклору также рассматривают Хавсботн как топоним, а не как географический термин. Они реконструируют архаические космологические представления об опасной местности на крайнем севере и отождествляют названия Хавсботн и Троллеботн, которые они находят в «легендарных сагах» и средневековых балладах, с северной страной карело-финского эпоса Похьей /Похьёлой: «Эти названия встречаются в сказаниях о странствиях героев к мифическому *botn* на крайнем севере; целью этих странствий обычно было вызволение людей, заточенных (*innkvervde*) троллями»⁴⁰. Вместе с тем землеописания XVII в. говорят о хавсботнах между Гренландией и Норвегией во множественном числе, то есть это слово истолковывается как термин, а не имя собственное⁴¹.

³⁸ Symbolæ 1850: 31–32, Nansen 1911, 291, 391, 414, 463–465, Finnur Jónsson 1926,

86–87, Simek 1990, 186; Simek 2016, 94

³⁹ Historia Norwegie 2003: 118, Commentary II.10.

⁴⁰ Lid 1942: 54 [163], см. также Lid 1943: 291, 294 [169, 173]; Siikala 1999; Drobin; Keinänen 2001: 159. К сожалению, эти исследователи не приводят списка легендарных саг, где местом назначения героев был *Hafsbotn*.

⁴¹ Simek 1990: 475.64, 588.9; перевод «eine Meeresbucht» на с. 477 следует исправить на «Meeresbuchten». См. также карты Йоуна Гудмундссона, которые будут обсуждаться в разделе (е) данной статьи.

Слово *hafsbötn* существует и вне арктического контекста и обозначает любой залив, который глубоко врежется в сушу, где море заканчивается и откуда дальше невозможно продвигаться морским путем⁴². Хорошие примеры такого словоупотребления можно найти в «Дорожнике» аббата Николая (ум. в 1159/1160 г.) который термином «хавсботн» обозначил залив Анталю⁴³. В «хавсботн» он также поместил Венецию; в другом месте он указал, что Альпы подходят к морю в *feneyiabotnum*, то есть венецианском *botn*⁴⁴, подтвердив таким образом, что данный хавсботн соответствует обозначению всего Адриатического моря как Венецианского залива (*Gulfus de Venetia*⁴⁵). В «Саге об Инглигах» (около 1230 г., первой части его «Круга земного»), Снорри Стурлусон применил термин «хавсботн» к Черному морю (*Svartahaf*) в его отношении к Средиземному морю⁴⁶. Во всех трех случаях мы имеем дело с водоемами, которые значительно уже, чем основное, Средиземное море. Это словоупотребление не ограничено средиземноморским бассейном: в легендарной генеалогии оркнейских ярлов, известной как *Fundinn Noregr* и содержащейся в начале «Саги об оркнейцах» (около 1200 г.), упоминается «хавсботн, который простирается к Белому морю и который мы называем Ботническим заливом»⁴⁷.

В принципе, текст в «Книге о заселении Исландии» не исключает понимания «хавсботн» как термина со сходным значением. Например, этот термин мог бы быть применен к заливу Скорсби (такое предположение высказывалось вскоре после исследования этого залива Уильямом Скорсби⁴⁸). Береговая линия современного Свальбарда-Шпицбергена предоставляет различные возможности для интерпретации

⁴² Fritzner 1973, 1: 688.

⁴³ Simek 1990: 483.131.

⁴⁴ Simek 1990: 481.49; 482.122.

⁴⁵ См. источники, относящиеся к Третьему крестовому походу (точнее, к событиям 1191 г.): *Gesta regis Ricardi* 1867: 205; *Chronica Rogeri de Houedene* 1870: 166.

⁴⁶ Simek 1990: 426.4.

⁴⁷ *hafsbötn þann, er gengr til móts við Gandvík; þat kǫllu vér Helsingjaboutn* (*Orkneyinga saga* 1965: 3).

⁴⁸ Magnusen; Rafn 1845: 212–213.

«хавсботн» как большого фьорда, но, насколько мне известно, такая интерпретация предложена пока не была.

(д) Средневековые описания Земли и «Сага о Самсоне Прекрасном»

Скандинавские географические трактаты XII–XIII вв. описывают необитаемую полосу суши, протянувшуюся от Бьярмии на северо-востоке Европы до Гренландии⁴⁹. Они не упоминают ни Свальбарда, ни его хавсботна, но самый ранний из этих трактатов был создан между 1170 и 1190 годами⁵⁰, то есть до открытия Свальбарда в 1194 году. Образ Гренландии, соединенной с Северной Евразией, вошел в западноевропейскую географическую традицию благодаря карте, которую составил датчанин Клавдий Клавус и которую французский кардинал Гийом Фийастр приобщил к атласу в переписанном для него в 1427 г. экземпляре «Географии» Клавдия Птолемея. Первая «современная» карта, добавленная к атласу, основанному на античных географических представлениях, карта Клавдия Клавуса прорвала границы птолемеевского мира и оказала продолжительное влияние на западноевропейские идеи о географии Северной Европы и Арктики⁵¹.

Одна из попыток разместить Свальбард на полосе суши между Восточной Европой и Гренландией сохранилась в «Саге о Самсоне Прекрасном» (*Samsons saga fagra*). Сага датируется XIV веком, а два ее ранних списка⁵² — второй половиной XV века.

Сага состоит из двух гетерогенных частей⁵³. Первая часть создана под влиянием рыцарских романов артуровского цикла, а вторая включает легендарный материал, в боль-

⁴⁹ Мельникова 1986: 77, 79, 82, 87, 89; Simek 1990: 431, 433, 435, 505–507.

⁵⁰ Мельникова 1986: 73.

⁵¹ См. Gautier Dalché 2009: 173–176, 414–415.

⁵² Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum, AM 343 a 4to, f. 5v–14r и AM 589 b 4to.

⁵³ См. анализ ее структуры и источников в Zwei Rittersagas 1982: 19–34, 37–39, 135–138.

шей степени основанный на скандинавской мифологии. Главные герои этой второй части — Годмунд, король страны Глэсисвеллир, и его сын Сигурд, король Йотунхеймов. Регион, где располагаются эти королевства, описывается следующим образом.

К северу-востоку от Восточного пути (земли к востоку от Балтийского моря) сага помещает Рисаланд; далее на северо-восток находятся Йотунхеймы (Земли великанов-йотунов), а за ними идут Свальбард (*Sualbardi*) и гренландские пустыни (*Grænlanz obygdar*). Королевство Глэсисвеллир («Прекрасные луга») находится к востоку от Рисаланда и к югу от Йотунхеймов⁵⁴.

В то время как часть Гренландии, граничащая со Свальбардом, не заселена, сам Свальбард населен необычными племенами, два из которых примечательны своей продолжительностью жизни. В одном из этих племен люди доживают до двухсотлетнего возраста, но у них редко бывает много детей. В другом племени, которое именуется *Smáteyjar* («маленькие отроковицы») и обитает на мысе, выдающемся в море, люди живут не дольше пятнадцати лет и рожают детей в семилетнем возрасте. Еще одно племя характеризуется особенной глупостью, хотя оно все же относится к людскому роду. Эти люди описываются как обладающие «горным умом» или «умом горцев». Согласно Р. Зимеку, это описание «возможно, восходит к шутке, которую уже понять невозможно»⁵⁵.

Некоторые из топонимов в географии «Саги о Самсоне Прекрасном» обозначают мифологические ареалы. Как Рисаланд, так и Йотунхеймы являются землями великанов и троллей; эти существа, хотя в основном ассоциируются с севером и востоком, могут обнаружиться и в других неведомых местностях⁵⁶. Благословенная земля Глэсисвеллир находится

⁵⁴ Samsons saga fagra 1953, 1: 31–32.

⁵⁵ Simek 1986: 259.

⁵⁶ Ármann Jakobsson 2006. Образ Рисаланда мог соотноситься и с созвучным именем Руси (Simek 1986: 255–256), но география данной саги также включает и собственно Русь (Ruzsaland, Ruzialand), где 150-

на полпути между нашим миром и потусторонним миром бессмертных⁵⁷. Сага размещает все эти земли в дальней Арктике, но самую далекую периферию известного мира оставляет для реальных, хотя уже в то время вряд ли доступных земель, Свальбарда и Гренландии.

Зимек показал, что диковинные племена Свальбарда с их необычной продолжительностью жизни могли быть заимствованы из древнескандинавского списка фантастических народов, который в свою очередь восходит к латинскому источнику, вероятно, к «Этимологиям» Исихора Севильского. Вариант такого списка сохранился в составе «Книги Хаука»⁵⁸. Сочетание названий Свальбарда и гренландских пустынь также указывает на «Книгу Хаука» как на возможный источник. Только «Книга Хаука» указывает расстояние от островка Кольбейнсей (к северу от Исландии) «до пустынь в Гренландии» (*til óbyggða á Groenalandi*), которое добавлено сразу после расстояния от Лаунганеса до Свальбарда⁵⁹.

(е) Исландская картография XVII века

В середине XVII в. Йоун Гудмундссон указал Свальбард на географической карте, примерно в том же месте, где он располагается в «Саге о Самсоне Прекрасном». Йоун Гудмундссон (1574–1658), согласно его биографу Халльдоуру Херманнссону, много читал, много путешествовал по миру, но формального образования не получил и собираемую им информацию принимал на веру без какой-либо критики. Его «Естественная история Исландии» (*Um Íslands aðskiljanlegar náttúrur*), написанная между 1640 и 1644 годами⁶⁰, показывает хорошее знание «Книги Хаука» и саг, а также содержит известия о более недавних географических открытиях голландцев, англичан и датчан в северных морях. Примерно в то же время Йоун создал карту северных регионов. Йоун был не

летний Сигурд надеялся жениться на дочери «русского ярла», но где он вместо жены нашел свою смерть.

⁵⁷ Egeler 2015: 40.

⁵⁸ Simek 1986: 259–262; 1990: 353–356.

⁵⁹ Íslendingabók. Landnámabók 1968, 1: 34.

⁶⁰ Halldór Hermannsson 1924: xxiii.

первым исландским картографом нового времени, кто обогатил западную картографическую традицию элементами исландских представлений.

Возможно, он пользовался трудами таких предшественников, как Гудбрандур Торлаукссон (1542–1627), епископ Холулар с 1571 г., и Сигурдур Стефаунссон, ставший учителем в Скаульхольте незадолго до своей преждевременной смерти в 1594 г. в возрасте двадцати пяти лет. Карты Йоуна и других исландских картографов периода Великих географических открытий являются важным источником по истории географических идей именно этого периода. Вряд ли можно пользоваться этими картами как аргументами в пользу действительного местонахождения Свальбарда, открытого в 1194 г., как это неосторожно делают некоторые отечественные исследователи⁶¹.

Подлинника карты Йоуна Гудмундссона не сохранилось. Халльдору Херманнссону было известно по крайней мере пять рукописных копий XVII века, которые были «либо очень небрежно и нечетко выполнены, ... либо искусно приукрашены. ... Поэтому сложно сказать, как выглядел подлинник и какие на нем были топонимы»⁶². Свальбард (*Svalbarden, Sualbarden*) указан на двух «искусно приукрашенных» картах, фотокопии которых мне удалось найти⁶³; одна из них воспроизведена на Илл. 1.

На картах побережье Гренландии показано и к западу, и к северу от Исландии; на северо-востоке оно образует почти прямой угол. Соединения между Гренландией и Северной Евразией на карте не видно, Гренландия отделена от Бьярмии

⁶¹ Ср. Старков 1998; Державин 2016.

⁶² Halldór Hermannsson 1924: xxvii–xxviii. Примеры «небрежных» копий — Det kongelige Bibliotek, GKS 2877 4to, f. 16, 18; «одна из карт» данной рукописи воспроизведена в Halldór Hermannsson 1924: plate 1; та же карта в Haraldur Sigurðsson 1978: 86. О «приукрашенных» картах см. ниже.

⁶³ Københavns Universitet, Den Arnamagnæanske samling AM 364 fol, f. 18r (https://image.landsbokasafn.is/source/AM_364_fol/AM_364_fol_0018r-33-hq.pdf). На этой копии указана дата карты, «1640». Det kongelige Bibliotek, GKS 2881 4to, f. 11r (<http://www.kb.dk/permalink/2006/manus/678/dan/11+recto/>).

водоемом (возможно, проливом), который назван *Dumbshaf/Dubshaf*⁶⁴. Надпись *Svalbarden/Sualbarde* нанесена к северо-востоку от Исландии в море близ гренландского побережья, а надпись *Riseland/Risaland* — в северной части Гренландии на удалении от моря⁶⁵. В северо-западном углу карт показаны один узкий и два широких залива, которые названы *Hafsbonderne*. Это название представляет собой данизированную форму именительного падежа множественного числа исландского слова *hafsbötn* (копии карты Йоуна были выполнены в Копенгагене на латинском и датском языках). Надпись на карте в списке GKS 2881 4to гласит «Hafsbonderne, то есть конец моря» (*Hafsbonderne deter Ende paa hafvet*) и является точной словарной дефиницией слова «хавсботн» — конец моря, откуда дальше невозможно продвигаться морским путем. Карты показывают два острова, *Æis øe* и *Æisland* в море к северо-востоку от Исландии, ближе к Исландии, чем к Свальбарду. «Естественная история Исландии» содержит информацию, которая может дополнить это картографическое изображение. Текст уделяет значительное место описанию привлекательных природных ресурсов Эгисланда. Загадочное название *Ægisland (Æisland)* известно только из этого текста и из карт Йоуна и его последователей. По предположению Халльдоура Херманнссона, Эгисланд — это Шпицберген⁶⁶. От английских, голландских и датских мореплавателей Йоун слышал и другие названия, синонимичные Эгисланду — *Prestey* и *Egerlandt/Egerland*. Еще один топоним, связанный с Эгисландом — «спитсбергские пустыни» (*Spitzbergs óbygda*). Идеи, которые передает текст «Естественной истории Исландии», понять сложно: «Горы и высокие скалы

⁶⁴ Ср. Думбсхав в легендарных сагах: «Воды к западу от Гандвика (Белого моря), к северу от Норвегии, носили название Думбсхав. Изначально это название могло означать «туманное море», но к XIV в. авторы соглашались в том, что названо море было в честь короля Думбра, который в древние времена правил этой частью света» (Simek 1986: 257).

⁶⁵ Вывод из этого сочетания топонимов о том, что Шпицберген назывался «Русской страной», можно было сделать только с большой натяжкой (Печуров 1983: 84). О Рисаланде ср. выше (сноска 56).

⁶⁶ Halldór Hermannsson 1924: 32.

страны (то есть Эгисланда) открыты этому глубокому океану, среди спитсбергских пустынь, который есть Земля Полярных Китов, поэтому древние называли его Свальбардом»⁶⁷. Согласно Халльдоуру Херманнссону, Йоун употреблял имя Шпицбергена, «не имея никакого представления о том, что оно значило в действительности»⁶⁸. Тем не менее, хотя Йоун и узнал об открытии Шпицбергена из слухов, он, по-видимому, первым прибег к древней идее о Свальбарде для того, чтобы осмыслить это открытие.

Карта Йоуна произвела впечатление на Тоурдура Торлаукссона (1637–1697), получившего превосходное образование в Копенгагене и Виттенберге, где он в 1666 г. опубликовал диссертацию с описанием Исландии. Правнук основоположника картографии Исландии, Гудбрандура Торлаукссона, он и сам был талантливым картографом. В 1668 г. он составил книгу о Гренландии, в которую включил копии карт своих предшественников-исландцев (Гудбрандура Торлаукссона, Сигурдура Стефаунссона и Йоуна Гудмундссона) и свою собственную карту. Эта рукописная книга сохранилась в двух экземплярах⁶⁹. Он также изготовил большую карту (66x37 см), посвященную Хенрику Бьельке, губернатору Исландии в 1648–1683 годах⁷⁰.

⁶⁷ Fiöllin og hábiörg landsins horfa fram j þad djúpa mejginhaf, j millum Spitzbergs óbygda, sem er Nordhvalaland, því kölludu þeir gömlu þad Svalbard (Halldór Hermannsson 1924: 4, ln. 14–16). Ранее (ln. 1–3) Эгисланд также назван вместе и, возможно, отождествлен со «Свальбардом в Хавсботне», но данный текст может быть неисправен.

⁶⁸ Halldór Hermannsson 1924: 31.

⁶⁹ Один из списков (Det kongelige Bibliotek, GKS 997 fol), выполнен в 1669 г., карта Йоуна датирована 1640 г., Тоурдура 1669 г. См.: Kålund 1900: 7, Nr 12. Другой список (Det kongelige Bibliotek, GKS 2881 4to) полностью воспроизведен на сайте библиотеки: <http://www.kb.dk/permalink/2006/manus/678/dan/11+recto/> (карта Йоуна на л. 11г); <http://www.kb.dk/permalink/2006/manus/678/dan/12+recto/> (карта Тоурдура на л. 12г, датирована 1668 г.). Карта Тоурдура из второго списка также репродуцировалась в: Halldór Hermannsson 1926, на вклейке между с. 34 и 35.

⁷⁰ Карта ранее хранилась в Королевском датском архиве морских карт (Det Kongelige danske Søkartarkiv). С 1973 г. это ведомство пережило две реорганизации; его нынешний правопреемник, Департамент геоинформации (Geodatastyrelsen), во время написания этой статьи

Карты Тоурдура Торлаукссона передают те же представления о море и землях к северу от Исландии, что и карта Йоуна Гудмундссона. Тоурдур подтвердил, что *Hafsbonderne* представляют собой конец моря, так как они всегда заполнены плавучим льдом. *Sualbarde* означает «Холодная сторона», так как береговая полоса здесь круглогодично скована льдом, а вершины прибрежного горного хребта покрыты снегом⁷¹. Только на большой карте показаны острова к северо-востоку от Исландии. У Йоуна они назывались *Æis øe* и *Æisland*, а у Тоурдура форма названий несколько изменилась на *Ægirsey* и *Ægirsland*. Большая карта отличается как от карты Тоурдура в списке GKS 2881 4to, так и от копий карты Йоуна тем, что легенды, относящиеся к *Sualbarda* и *Trollebotne* (вместо *Hafsbonderne*) нанесены на побережье Гренландии, а не в океане.

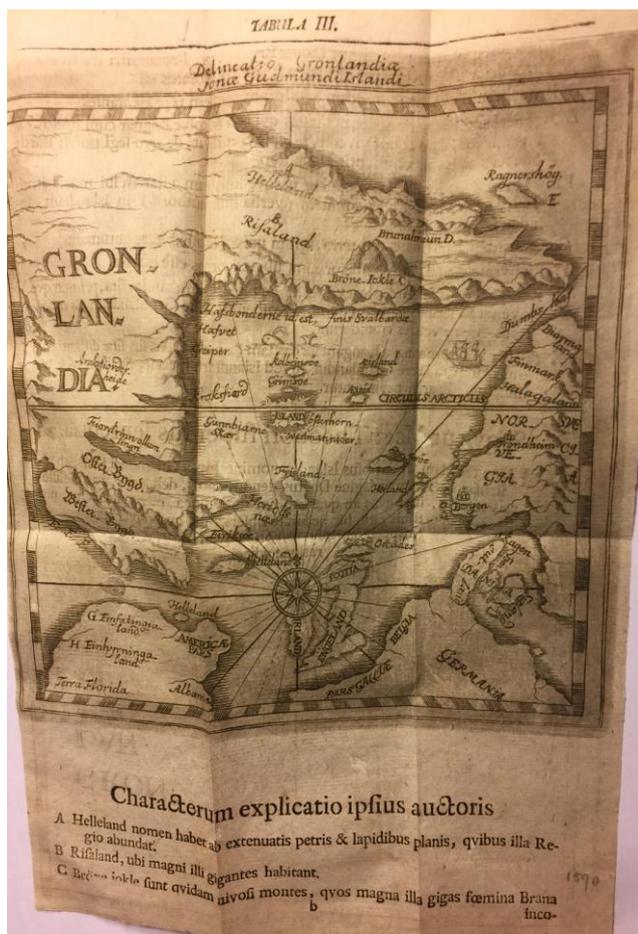
Карты Йоуна Гудмундссона и Тоурдура Торлаукссона из списка GKS 2881 4to были скопированы с небольшими изменениями Тормоудуром Торфасоном (1636–1719), который создал и свою собственную карту, нарисованную для него Якобом Раском (1669–1737). Тормоудур Торфасон опубликовал эти карты в своей книге «Древняя Гренландия»⁷². Одно из (по-видимому, случайных) изменений, привнесенных им в карту Йоуна Гудмундссона, касается надписи о «хавсботнах». У Йоуна было сказано «Хавсботны, то есть конец моря», но переведенная с датского на латинский язык, эта надпись теперь гласит «Хавсботны, то есть конец Свальбарды» (*Hafsbonderne id est, finis Sualbardæ*), а вот датское слово *Hafvet*, «море», осталось без перевода как отдельная надпись (Илл. 2). Историков, знакомых только с картой Тормоудура, но не знавших ее источника, эта надпись не раз ставила в тупик и заставляла предлагать для ее истолкования разные гипоте-

занимался передачей старых карт из своего собрания в Государственный архив (Rigsarkivet). Репродукции: Halldór Hermannsson 1926, на вклейке между с. 36 и 37; Nørlund 1944: pl. 41. На сайте Королевской библиотеке воспроизведена репродукция из книги Халльдоура Херманссона: <http://www.kb.dk/maps/kortsa/2012/jul/kortatlas/object67482/da/>

⁷¹ Halldór Hermannsson 1926: 40, 43.

⁷² Þormóður Torfason 1706: tab. III, IV, V, в наборе карт на вклейках перед с. 21.

зы⁷³. Сопоставление Илл. 1 и 2 показывает, что мы имеем дело с простой ошибкой, допущенной при переводе надписи.

Илл. 2

Копия карты Йона Гудмундссона
Þormóður Torfason 1706, tab. III

⁷³ Krawczyk 1987: 226; Старков 1998: 15.

В.Л. Державин в недавней работе напомнил о влиянии исландской ученой картографии на западноевропейские карты XVIII века⁷⁴. Проводником этого влияния был Ханс Эгед (1686–1758), датский миссионер в Гренландии и ученый-универсал, составивший карту Гренландии, которой пользовались многих картографы на протяжении XVIII века⁷⁵. Сам же Эгед во многом опирался на книгу Тормоудура Торфасона. На карте Эгед и его последователей варианты надписей *Hafsbotner* и *Svalbardi* нанесены таким же образом, как и на карте Тормоудура Торфасона и Раска — в море вдоль восточного побережья Гренландии, на севере и северо-востоке от Исландии.

(ж) Россия или Гренландия?

На протяжении XVIII–XIX столетий интерес к скандинавскому прошлому возрастал как в Скандинавии, так и за ее пределами. В то же время успехи в исследовании и картографировании Арктики предоставляли все больше инструментов и материала для идентификации земель, известных древним скандинавам. Первые ученые, которые попытались сравнить данные о Свальбарде с результатами новых исследований, искали эту загадочную землю как в Северной Евразии, так и в Гренландии, то есть по обеим сторонам мифического перешейка, протянувшегося «от Бьярмии до Гренландии».

На евразийской стороне наиболее полезным инструментом для сопоставления новых и древних данных был «Атлас российский», опубликованный Академией наук в 1745 г. и завоевавший международное признание⁷⁶. В uppsальской диссертации, защищенной Юханом Вильгельмом Карстрёмом (1768–1795) под председательством Якоба Фредрика Нейктера, карты этого атласа были использованы для того, чтобы

⁷⁴ Державин 2016.

⁷⁵ Egede 1741, на вклейке перед главой 1; Egede 1818, перед титульным листом; о картографии Х. Эгед см.: Kejlbo 1974. Сравни следующие карты: Bowen 1747, 2: 760, plate 71; Egede 1788, вклейка в конце книги (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8493628m>); von Reilly 1789: No.77.

⁷⁶ Об этом труде см. Постников 1989: 34, 50–51.

идентифицировать все местности, упомянутые в сагах. Нейктер⁷⁷ поместил Бьярмию к востоку от Северной Двины. На востоке Бьярмия граничила с Рисаландией, частью которой, между Пинегой и Мезенью, был Глесисвалль (*Glesisvall*, то есть Глэсис-веллир). Нейктер увидел «Йотунхеймию» на полосе побережья между Мезенью и Печорой; к востоку от Печоры он поместил «Гранланд (*Granland*), или Пустыни Гранланда», а часть этой страны, «возможно, тот остров в проливе Вайгач, называющийся теперь Оленой Ост (*Olenoi Ost*), ранее называлась Свальбард (*Svalbard*)». Земля маленьких отроковиц (*Småtöyaland*) — это Ямал, а Хеллуланд или Пустыни Хеллуланда — Новая Земля⁷⁸.

Остров, который Нейктер отождествил со Свальбардом — это Олений, островок в проливе Карские ворота. Объяснить такое странное отождествление можно ошибкой в прочтении топонима Вайгач как названия пролива между Новой Землей и материком (то есть и Югорского Шара, и Карских Ворот вместе). По-видимому, на деле Нейктер идентифицировал Свальбард с большим островом Вайгач, к которому он ошибочно отнес надпись «Оленой ост.»⁷⁹. Нейктер планировал продолжить эту работу и подкрепить свои идеи дополнительными источниками, но возможности исправить допущенную ошибку ему не представилось. В другой диссертации, защищенной Ларсом Даниэлем Хаммареном (1779–1833), Нейктер попытался объяснить особенности скандинавских представлений об Арктике смешением «двух Гренландий», а именно *Grönlandia* (то есть собственно Гренландии) и *Grænlandia* (которую он идентифицировал с Новой Землей). Хеллуландией на этот раз стал регион на материке по ту сторону пролива, который Нейктер вновь неправильно назвал *Waigaz*. Однако Свальбарда на это раз Нейктер не упомянул⁸⁰.

⁷⁷ В те времена автором текста диссертации был обычно профессор, председательствующий на защите; процесс защиты (*disputatio*) хорошо описан в Geete 1907.

⁷⁸ Neikter 1794: 8–9.

⁷⁹ См. Атласъ Россійской 1745: № 14.

⁸⁰ Neikter 1802: 7–12.

Якоб Адлербет, основатель шведского романтического Гётского союза, пересказал первую из двух диссертаций в своей монографической статье о Бьярмии⁸¹. Он назвал и основные источники Нейктера, в том числе «Сагу о Самсоне Прекрасном». Статья Адлербета получила широкую известность не только в Скандинавии, но и в России⁸². Однако неправильно прочитанные географические названия в атласе, по-видимому, зарубили гипотезу об идентификации Свальбарда с Вайгачем на корню.

Менее точную локализацию Свальбарда на арктическом побережье Евразии «к востоку от Перми (Бьярмии)» также предлагал Скули Тоурдарсон Торлациус⁸³.

Другие ученые, наносившие средневековые топонимы на современную карту, предполагали, что Свальбард мог иметь отношение к Восточной Гренландии, о побережье которой со времен Ханса Эгgede накопилось много новой информации.

Когда Финн Магнусен и Карл Кристиан Равн готовили свой том средневековых сведений о Гренландии, они получали известия о новейших арктических исследованиях. В соответствии с этими известиями развивались и их представления о Свальбарде «Книги о заселении Исландии» и «Саги о Самсоне Прекрасном». Сначала они искали Свальбард либо на южном, либо на восточном отрезках восточноренландского побережья; затем они передвинули Свальбард в северо-восточную Гренландию, в залив Скорсби — крупнейшую в мире систему фьордов, который незадолго до того нанес на карту Уильям Скорсби. Наконец, Равн еще более конкретизировал район поисков «Ливерпульским побережьем», данные о котором пока уточнялись⁸⁴.

⁸¹ Adlerbeth 1813, 82–84.

⁸² В Петербурге был опубликован перевод на немецкий язык (Adlerbeth 1825), а в архиве Н.П. Румянцева сохранились два рукописных перевода, на русский и на французский языки (Москва, Российская государственная библиотека, ф. 256, № 473/22, 607; см. о них Чекин 2011: 464–465).

⁸³ Skúli Þórðarson Thorlacius (1808: 288).

⁸⁴ Magnusén; Rafn 1845: 46, 212–213; Rafn 1845: 846.

После того, как Норвегия переименовала свою новую территорию, Густав Хольм опубликовал статью в защиту гипотезы о заливе Скорсби. Эта гипотеза до сих остается популярной в российской историографии⁸⁵.

(з) Свальбард и Шпицберген

Девятнадцатый век и начало двадцатого века представляют собой последнюю значительную эпоху европейских географических открытий. Но в эту же эпоху открывались и исследовались географические миры прошлого, какими они представляли первопроходцам предшествующих столетий. Первую обстоятельную подборку древнескандинавской географической литературы составил Эрих Кристиан Верлауф; за ней последовали новые издания и исследования основных рукописей, содержащих географические трактаты⁸⁶. Стало ясно, что недостаточно просто наносить данные средневековых источников на современную карту. Важно представлять себе ментальную карту средневекового первооткрывателя, которую следует реконструировать с помощью и картографических источников, и нарративных географических описаний.

Данные средневековой исландской географической литературы и саг, а также континентальных источников, таких, как «История Норвегии» и «Королевское зеркало», легли в основу такой реконструкции, предложенной Густавом Stormом⁸⁷. Согласно Stormу, средневековые скандинавы представляли себе Атлантический и Северный Ледовитый океаны как почти закрытое море, которое они пересекали в разных направлениях. Знания о северном и западном берегах этого моря, включая Бьярмию и Гренландию, были очень схематичны. Считалось, что они составляют единую полосу суши, которую с внешней стороны омывает океан (*úthaf*), напоминающий архаический Океан Гомера. Этот внешний океан — обитель первозданного хаоса, о котором надежных

⁸⁵ Holm 1926; Старков 1998: 5–18; Державин 2016.

⁸⁶ Symbolæ 1821; Мельникова 1986: 16–17.

⁸⁷ Storm 1890; 1893.

сведений получить невозможно. К югу от Гренландии внешний океан соединялся с Атлантикой посредством пролива, который получил название «Гиннуннгагап», мировая бездна скандинавской мифологии.

Продолжая работу Сторма, датский историк науки Аксель Антон Бьёрнбо нарисовал схему земель и морей согласно представлениям исландских географов XII–XIV вв., включающую полосу земли между Северной Евразией и Гренландией. На этой схеме *Svalbarði* находится на южном побережье этой полосы земли и омывается водами Хавсботна, который представляет собой северо-восточный залив моря. Эта схема была и остается важнейшим наглядным пособием для исследователей древнескандинавской географии⁸⁸.

Исследования Сторма и Бьёрнбу дали новый импульс поискам Свальбарда. В отличие от некоторых из своих последователей, оба ученых не пытались предопределить результаты такого поиска. Бьёрнбо интересовался местом Свальбарда на своей схеме мира средневековых скандинавов, но не отношением этого топонима к географической реальности. Хотя Сторма обычно считают приверженцем идеи об открытии Шпицбергена в 1194 г., на деле он просто предлагал Шпицберген в качестве необязательной догадки в одной из работ (*Svalbarði* мог быть, «например, Шпицбергеном»⁸⁹). В своем издании «Истории Норвегии» он сослался на мнение П.А. Мунка о том, что эта земля была берегом, «открытым Скорсби»⁹⁰, а в более поздней статье предположил, что Свальбард был «очевидно, Ян-Майеном или Шпицбергеном»⁹¹.

Первым, кто в XIX веке упомянул Свальбард (*Svalbarði*) и Шпицберген в одном ряду, или по крайней мере в одном абзаце, был основатель норвежской геологии Бальтазар Матисас Кейльхау⁹². Задолго до Сторма, полагаясь в основном на информацию «Саги о Самсоне Прекрасном», пересказанную

⁸⁸ Bjørnbo 1909: 231, fig. 6; ср. Simek 1986: 248, fig. 1.

⁸⁹ Storm 1890, 344–345.

⁹⁰ Monumenta historica Norvegiæ 1880: 78–79, ссылка на Symbolæ 1850: 32.

⁹¹ Storm 1893: 78.

⁹² Arlov 1988: 46–49.

Г. Шёнингом, Кейльхау рассуждал о том, что «наши предки» знали или имели «надежные предположения» (*sikre Formodninger*) о существовании земли в районе Шпицбергена⁹³. Основываясь на этом и других высказываниях, Р. Берг утверждает, что уже Кейльхау признал «потенциальную важность» Шпицбергена «для национальных интересов Норвегии»⁹⁴.

В двадцатом веке гипотеза об открытии Шпицбергена викингами и его отождествлении со Свальбардом в основном развивалась параллельно политическому процессу обеспечения прав Норвегии в отношении архипелага, а иногда и как часть этого политического процесса.

В основном продвигали эту гипотезу уже не такие филологи, как Густав Сторм, а патриотически настроенные люди действия. Самый блестящий из них, Фритъоф Нансен, мог находить последователей и за границами Норвегии⁹⁵. Более поздние приверженцы этой гипотезы уже работали в пределах достаточно изолированной норвежской традиции, становясь все более убежденными в своей правоте⁹⁶. В своей знаменитой книге Нансен еще высказывал некоторые сомнения: «может считаться вероятным (*kan det ansees som sandsynlig*)», что Свальбард был Шпицбергеном⁹⁷. По прошествии трех десятилетий, Йоханнес Кристофер Торнё уже сомнений не допускал: Свальбард «не может быть ни чем иным, как Шпицбергеном, возможно, вместе с Землей Франца-Иосифа и Медвежьим островом»⁹⁸.

Существующие данные об открытии Свальбарда в 1194 г. не дают нам возможности занять ту или иную позицию по вопросу о его идентификации. Но рецепция этих данных в литературе и картографии на протяжении столетий позволяет наметить два важных и параллельных исторических сюжета. Один сюжет — это история имени. Топоним «Сваль-

⁹³ Schøning 1751; Keilhau 1831: 225.

⁹⁴ Berg 2013: 162–163.

⁹⁵ Hennig 1950: 462.

⁹⁶ См. характеристику этой традиции: Arlov 1988: 100.

⁹⁷ Nansen 1911: 415.

⁹⁸ Tornøe 1944: 57.

бард» появился в качестве названия исландского хутора, а будучи перенесен в Арктику, прошел сложную эволюцию, меняя грамматический род и значение и превращаясь из «Прохладного края» в «Серную гору» под пером Виллема Баренца и Уильяма Стира. Принятый в качестве названия архипелага, приобретенного Норвегией, этот топоним служит напоминанием об исторических традициях, продолжателем которых является современная арктическая держава.

Второй сюжет — это история меняющихся представлений об Арктике, наделяющих разными смыслами имя и его варианты. Средневековый Свальбард искали вдоль реального побережья России и Гренландии, но также и на воображаемой полосе суши, соединявшей Северную Евразию с Гренландией на ментальной карте средневековых мореплавателей и географов. Как и многие другие далекие земли на периферии известного мира, этот Свальбард остается призрачной и недостижимой страной, манящей исследователя в пространство географических мифов.

БИБЛИОГРАФИЯ⁹⁹

- Атласъ Россійской 1745 — Атласъ Россійской, состоящей изъ девятнадцати специальныхъ картъ, представляющихъ Всероссійскую Имперію съ пограничными землями. СПб., 1745.
- Державин 2016 — *Державин В.Л.* Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. // *Российская археология*. 2016. № 4. С. 151–161.
- Джаксон 1997 — *Джаксон Т.Н.* К вопросу о древнескандинавской системе ориентации // *Средние века*. 1997. Вып. 60. С. 254–265.
- Мельникова 1989 — *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986 (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Печуров 1983 — *Печуров Л.В.* Шпицберген. М., 1983.
- Постников 1989 — *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989.

⁹⁹ Исландские имена перечислены в алфавитном порядке личных имен. Р рассматривается как th, æ как ae, ø и ö как oe.

- Старков 1998 — *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. М., 1998. Т. 1: Шпицберген.
- Стурла Тордарсон 2007 — *Стурла Тордарсон.* Сага об исландцах. СПб., 2007.
- Чекин 2014 — *Чекин Л.С.* Расмус Раск и становление российской скандинавистики // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / Под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М., 2011. С. 461–472.
- Adlerbeth 1813 — [*Adlerbeth J.*, за подписью «*R[olf]*», его имя в Гётском союзе]. Om Biarmaland // *Iduna*. 1813. В. 4. S. 78–173.
- Adlerbeth 1825 — [*Adlerbeth J.*]. Ueber das Biarmaland // *St. Petersburgische Zeitschrift*. 1825. В. 18 (Jg. 4. В. 2). S. 220–231.
- Amorosi 1992 — *Amorosi Th.* Climate Impact and Human Response in Northeast Iceland: Archaeological Investigations at Svalbarð, 1986–1988 // *Norse and Later Settlement and Subsistence in the North Atlantic*. Glasgow, 1992. P. 103–138.
- Arlov 1988 — *Arlov Th.B.* Svalbard 1596–1650 i historiografisk lys. Oslo, 1988.
- Arlov 2008 — *Arlov Th.B.* Svalbards historie, 2. reviderte utgave. 2. opplag. Trondheim, 2008.
- Ármann 2006 — *Ármann J.* “Where Do the Giants Live?” // *Arkiv för nordisk filologi*. 2006. В. 121. S. 101–112.
- Berg 2013 — *Berg R.* From ‘Spitsbergen’ to ‘Svalbard’. Norwegianization in Norway and in the ‘Norwegian Sea’, 1820–1925 // *Acta Borealia*. 2013. В. 30 (2). S. 154–173.
<https://doi.org/10.1080/08003831.2013.843322>
- Bjørnbo 1909 — *Bjørnbo A.A.* Adam af Bremens Nordensopfattelse // *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie*. 1909. S. 120–244.
- Bowen 1747 — *Bowen E.* A Complete System of Geography. Being a description of all the countries, islands, cities, chief towns, harbours, lakes, and rivers, mountains, mines, etc., of the known world. London, 1747.
- Burger 1928 — *Burger Jr. C.P.* Een Werk van Willem Barents teruggevonden. Met twee Facsimiles // *Het Boek*. Tweede reeks van het Tijdschrift voor Boek- en Bibliotheekwezen. 1928. В. 17 (8). Blz. 225–240.
- Chronica Rogeri de Houedene 1870 — *Chronica Magistri Rogeri de Houedene* / Ed. by William Stubbs. London, 1870. Vol. 3 (*Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores*. Vol. 51).

- Diplomatarium Islandicum 1893 — *Diplomatarium Islandicum. Íslenzkt Fornbréfasafn, sem hefir inni að halda bréf og gjörninga, dóma og máldaga, og aðrar skrár, er snerta Ísland ea íslenzka men. 2. b. Kaupmannahöfn, 1893.*
- Drivenes 2012— *Drivenes E.-A. Svalbardforskning og svalbardpolitikk 1870-1925: Forskere som politiske aktører // Nordlit. 2012. B. 29. S. 47-57. <https://doi.org/10.7557/13.2300>*
- Drobin; Keinänen 2001 — *Drobin U.; Keinänen M.-L. Frey, Vereiden olmai och Sampo // Festschrift für Anders Hultgård. Berlin; New York, 2001. S. 136-169 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 31).*
- Egede 1741 — *Egede H. Det gamle Grønlands Nye Perustration, eller Naturel-Historie. Kjøbenhavn, 1741.*
- Egede 1818 — *Egede H. A Description of Greenland. A New Edition. London, 1818.*
- Egede 1788 — *Egede P. Efterretninger om Grønland, uddragne af en Journal holden fra 1721 til 1788. Kjøbenhavn, 1788.*
- Egeler 2015 — *Egeler M. Avalon, 66° Nord: Zu Frühgeschichte und Rezeption eines Mythos. Berlin; Boston, 2015 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 95). <https://doi.org/10.1515/9783110448726>*
- Eiríkur Þormóðsson 1972 — *Eiríkur Þormóðsson. Byggð í Þistilfirði (með tveimur línuritum og einu korti) // Saga. 1972. B. 10. Bls. 92-133.*
- Finnur Jónsson 1908 — *Finnur Jónsson. Tilnavne i den islandske Oldlitteratur // Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie 1907. Kjøbenhavn, 1908. S. 161-381.*
- Finnur Jónsson 1926 — *Finnur Jónsson. Svalbarde // Geografisk Tidsskrift. 1926. B. 29. S. 80-90.*
- Fritzner 1973 — *Fritzner J. Ordbog over Det gamle norske Sprog, omarbeidet, forøget og forbedret udgave. Første bind A-Hj. Oslo; Bergen; Tromsø, 1973.*
- Gautier Dalché 2009 — *Gautier Dalché P. La Géographie de Ptolémée en Occident (IVe-XVIe siècle). Turnhout, 2009 (Terrarum Orbis. Histoire des représentations de l'espace: textes, images 9).*
- Geete 1907 — *Geete K.R. Disputation // Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi, ny uppl. Stockholm, 1907. B. 6. S. 515-517.*
- Gesta regis Ricardi 1867 — *Gesta regis Ricardi // Gesta Regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis. The Chronicle of the Reigns of Henry II. and Richard I., A.D. 1169-1192; known commonly under the name*

- of Benedict of Peterborough / Ed. by William Stubbs. London, 1867. Vol. 2. P. 72–252 (*Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores* 49).
- Gordon 1927 — *Gordon E.V.* An Introduction to Old Norse. Oxford, 1927.
- Guðmundar sögur biskups. I. 1983 — Guðmundar sögur biskups. Kaupmannahöfn, 1983. B. I. Aevi Guðmundar biskups, Guðmundar saga A / Stefán Karlsson bjó til prentunar (Editiones Arnamagnæanæ 6.I).
- Halldór Hermannsson 1924 — *Halldór Hermannsson.* Jón Guðmundsson and his Natural History of Iceland. Ithaca, 1924 (*Islandica* 15).
- Halldór Hermannsson 1926 — *Halldór Hermannsson.* Two Cartographers. Guðbrandur Thorláksson and Thórður Thorláksson. Ithaca, 1926 (*Islandica* 17).
- Haraldur Sigurðsson 1978 — *Haraldur Sigurðsson.* Kortasaga Íslands frá lokum 16. aldar til 1848. Reykjavík, 1978.
- Hennig 1950 — *Hennig R.* Terrae incognitae. Zweite Aufl. Leiden, 1950. B. 2: 200–1200 n. Chr.
- Historia Norwegie 2003 — *Historia Norwegie* / Ed. by Inger Ekrem and Lars Boje Mortensen, transl. by Peter Fisher. Copenhagen, 2003.
- Hødnebo 1972 — Ordbog over Det gamle norske Sprog af Dr. Johan Fritzner / Rettelser og tilleg ved Finn Hødnebo. Fjerde bind A–Q. Bergen, 1972.
- Holm 1926 — *Holm G.* De islandske Kursforskrifters Svalbarde // Geografisk Tidsskrift. 1926. B. 29. S. 3–19.
- Isachsen 1907 — *Isachsen G.* Om opdagelsen af Svalbard // Det Norske Geografiske Selskabs aarbok. 1907. B. 18. S. 1–19.
- Islandske annaler 1888 — *Islandske annaler indtil 1578* / Utg. ved Gustav Storm. Christiania, 1888.
- Íslendingabók. Landnámabók 1968 — *Íslendingabók. Landnámabók* / Jakob Benediktsson gaf út. 2 hl. Reykjavík, 1968 (*Íslenzk fornrit* 1).
- Ívar Bárðarson 1930 — *Ívar Bárðarson (Ivar Bárðsson).* Det gamle Grønlands beskrivelse / Utg. Efter håndskrifterne af Finnur Jónsson. København, 1930.
- Jakob Benediktsson 1993 — *Jakob Benediktsson.* Landnámabók // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. New York; London, 1993. P. 373–374.
- Kålund 1900 — [*Kålund K.*]. Katalog over de oldnorsk-islandske håndskrifter i det store kongelige bibliotek og i universitets biblioteket (udenfor den Arnamagnæanske samling) samt den Arnamagnæanske samling tilvækst 1894–99. København, 1900.

- Keilhau 1831 — *Keilhau B.M.* Reise i Öst- og Vest-Finmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen, i Aarene 1827 og 1828. Christiania, 1831.
- Kejlbo 1974 — *Kejlbo I.R.* Nova Delineatio Grønlandiæ Antiquæ. Et hidtil ukendt Hans Egede kort erhvervet til Det kongelige Biblioteks kortsamling // Fund og Forskning. 1974. B. 21. S. 47–70.
- Krawczyk 1987 — *Krawczyk A.* Zagadnienie normańskiego Svalbardu // XIV Sympozjum Polarne. Aktualne problemy badawcze w Arktyce i Antarktyce. Lublin, 1987. S. 223–228
- Lid 1942 — *Lid N.* Ultima Thule // Serta Eitremiana. Opuscula philologica S. Eitrem septuagenario XXVIII. Dec. MCMXLII oblata. Osloae, 1942. S. 51–55. [Репринт: *Lid N.* Trolldom. Nordiske studier. Oslo, 1950. S. 160–164].
- Lid 1943 — *Lid N.* Kring Kalevala-miljøet // Syn og Segn. 1943. B. 49. S. 289–298 [Репринт: *Lid N.* Trolldom. Nordiske studier. Oslo, 1950. S. 165–179].
- Lind 1920–1921 — *Lind E.H.* Norsk-isländska personbinamn från medeltiden. Uppsala, 1920–1921.
- Ljósvetninga saga 1940 — *Ljósvetninga saga með þáttum.* Reykdæla saga ok Víga-Skútu. Hreiðars þátr / Björn Sigfússon gaf út. Reykjavík, 1940 (Íslenzk fornrit 10).
- Magnusen, Rafn 1845 — [*Magnusen F., Rafn C.C.*]. Uddrag af Middelalderens islandske Annaler, vedkommende Grönlands Historie; Middelalderens geographiske Optegnelser om Grönland og dets Omgivelser // Grönlands historiske Mindesmærker. Kjøbenhavn, 1845. B. 3. S. 1–65, 209–441.
- Monumenta historica Norvegiæ 1880 — Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen / Udg. ved Gustav Storm. Kristiania, 1880.
- Murdoch; Read 2004 — *Murdoch B.; Read M.* Introduction // Early Germanic Literature and Culture / Ed. by Brian Murdoch and Malcolm Read. Rochester, 2004. P. 1–24.
- Nansen 1911 — *Nansen F.* Nord i tåkeheimen: Utforskningen av jordens nordlige strøk i tidlige tider. Kristiania, 1911.
- Neikter 1794 — *Neikter J.F.* (præses). Observationes historico geographicæ de terris ad Mare Album, quæ in sagis Islandorum memorantur ... pro gradu p.p. Johannes Wilh. Carlström, Ostrogothus. Upsaliæ, 1794.

- Neikter 1802 — *Neikter J.F.* (præses). Observationum historico-geographicarum particula, quam ... publico examini defert Laur. Dan. Hammarén, Wermelandus. Upsaliæ, 1802.
- Nørlund 1944 — *Nørlund N.E.* Islands kortlægning. En historisk fremstilling. København, 1944 (Geodætisk instituts publikationer 7).
- Óláfs saga 1958 — Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Utg. af Ólafur Halldórsson. København, 1958 (Editiones Arnarnagænar A 1).
- Ólafur Halldórsson 1993 — *Ólafur Halldórsson.* Óláfs saga Tryggvasonar // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. New York; London, 1993. P. 448–449.
- Orkneyinga saga 1965 — Orkneyinga saga / Finnboði Guðmundsson gaf út. Reykjavík, 1965 (Íslenzk fornrit 34).
- Place Names of Svalbard 2003 — The Place Names of Svalbard. Tromsø, 2003 (Norwegian Polar Institute. Rapportserie 122).
- Rafn 1845 — [*Rafn, C.C.*]. Udsigt over Grönlands gamle Geographie // Grönlands historiske Mindesmærker. Kjøbenhavn, 1845. B. 3. S. 845–886. Kjøbenhavn, 1845.
- Reilly 1789 — *Reilly F.J.J.* Schauplatz der fünf Theile der Welt / Gestochen von Ignaz Albrecht. Wien, 1789. B. 1.
- Sædís Gunnarsdóttir 2005 — *Sædís Gunnarsdóttir.* Fornleifar í Svalbarðs-strandarhreppi. Reykjavík, 2005.
- Samsons saga fagra 1953 — Samsons saga fagra / Ed. by John Wilson. Copenhagen, 1953 (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur 65).
- Schøning 1751 — *Schøning G.* Forsøg til de Nordiske Landes, Særdeles Norges, Gamle Geographie. Kiøbenhavn, 1751.
- Seaver 2010 — *Seaver K. A.* The Last Vikings: The Epic Story of the Great Norse Voyagers. London; New York, 2010.
- Siikala 1999 — *Siikala A.-L.* Das Reich Pohjola der kalevalischen Dichtung im Licht der Sagas // Die Aktualität der Saga: Festschrift für Hans Schottmann / Hrsg. Von Stig Toftgaard Andersen. Berlin; New York, 1999. S. 201–214.
<https://doi.org/10.1515/9783110804904.201>
- Simek 1986 — *Simek R.* Elusive Elysia or Which Way to Glæsisvellir? On the Geography of the North in Icelandic Legendary Fiction // Sagnaskemmtun: Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday, 26th May 1986 / Ed. by Rudolf Simek, Jónas Kristjánsson, and Hans Bekker-Nielsen. Wien, 1986. P. 247–275.
- Simek 1990 — *Simek R.* Altnordische Kosmographie: Studien und Quellen zu Weltbild und Weltbeschreibung in Norwegen und

- Island vom 12. bis zum 14. Jahrhundert. Berlin; New York, 1990 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 4). <https://doi.org/10.1515/9783110887570>
- Simek 2016 — *Simek R.* Vinland! Wie die Wikinger Amerika entdeckten. München, 2016. <https://doi.org/10.17104/9783406697210>
- Skúli Þórðarson Thorlacius 1808 — En nordisk Helt fra det 10de Aarhundrede, Thorgils, kaldet Orrabeens-Stifsøns, Historie / Oversat af det gamle Skandinaviske, med en Indledning, af Professor B. Thorlacius (De tilføjede større Anmærkninger ere af Justitsraad S. Thorlacius) // Det skandinaviske Litteraturselskabs Skrifter. 1880. B. 4. S. 194–336.
- Stefán Einarsson 1928 — *Stefán Einarsson.* Review of An Introduction to Old Norse, by E.V. Gordon // Modern Language Notes. 1928. Vol. 43. P. 542–545. <https://doi.org/10.2307/2914418>
- Steinmetz 2006 — *Steinmetz D.* Gender Shifts in Germanic and Slavic: Semantic Motivation for Neuter? // Lingua. 2006. Vol. 116. P. 1418–1440. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2004.06.014>
- Stere 1906 — *Stere W.* A Treatise of Iver Boty a Gronlander // Samuel Purchas, Hakluytus posthumus or Purchas His Pilgrimes: Contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and others. 1906. Vol. 13. P. 163–171. Glasgow; New York, 1906.
- Storm 1890 — *Storm G.* Ginnungagap i Mythologien og i Geografien // Arkiv for Nordisk Filologi. 1890. B. 6 (Ny Føljd B. 2). S. 340–350.
- Storm 1893 — *Storm G.* Columbus på Island og vore forfædres opdagelser i det nordvestlige Atlanterhav // Det Norske Geografiske Selskabs årbok. B. 4. S. 67–85.
- Sturlunga saga 2010 — Sturlunga saga. Árna saga biskups. Hrafn saga Sveinbjarnarsonar hin sérstaka / Ritstjóri Örnólfur Thorsson. Reykjavík, 2010.
- Sturtevant 1952 — *Sturtevant A.M.* Etymological Comments upon Certain Old Norse Proper Names in the Eddas // PMLA. 1952. Vol. 67 (7). P. 1145–1162. <https://doi.org/10.2307/459964>
- Symbolæ 1821 — Symbolæ ad geographiam medii ævi, ex monumentis Islandicis / Ed. Ericus Christianus Werlauff. Hauniæ, 1821.
- Symbolæ 1850 — Symbolæ ad historiam antiquiorem rerum Norvegicarum. 1850. Ed. P.A. Munch. Christianiæ, 1850.
- Pormóður Torfason 1706 — Gronlandia antiqva, seu Veteris Gronlandiæ description / Authore Thormodo Torfæo. Havniæ, 1706.

- Tornøe 1944 — *Tornøe J. Kr. Lysstreif over Noregsveldets historie*. Oslo, 1944 (Norges Svalbard- og Ishavsundersøkelser. Meddelelser 56).
- Trosterud 2006 — *Trosterud T. Gender Assignment in Old Norse // Lingua*. 2006. Vol. 116. P. 1441–1463.
<https://doi.org/10.1016/j.lingua.2004.06.015>
- Zwei Rittersagas 1982 — *Zwei Rittersagas. Die Saga vom Mantel und die Saga vom schönen Samson. Möttuls saga und Samsons saga fagra / Aus dem Altnordischen übersetzt und mit einer Einleitung versehen von Rudolf Simek*. Wien, 1982 (Fabulae mediaevales 2).

Надир Киносьян

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ АРКТИКИ

СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Аннотация: Культурные ландшафты являются «оттиском» социальных отношений, интересов и ценностей. В то же время наблюдатель может интерпретировать и переосмысливать воспринятую визуальную информацию и наделять ландшафт новыми смыслами. Ландшафты, насыщенные читаемыми символами, диктуют зрителю, что можно в них увидеть. С другой стороны, заброшенные, разрушенные, частично стертые и лишённые деятельности, акторов и политического контекста ландшафты представляют собой иную ситуацию. Что из них можно извлечь? Что или кого они представляют? Могут ли нынешние теории помочь уловить их значения? В этой статье делается попытка расширить концептуализацию культурного ландшафта, связав последний с идеей призрака. В качестве примера используются советско-российские поселки Баренцбург, Пирамида и Грумант, расположенные на архипелаге Шпицберген (Норвегия). Понять их частично разрушенные и заброшенные ландшафты можно через взаимодействие с «призраками» — вымышленными агентами, которые выполняют две роли: 1) позволяют наблюдателю ассоциировать себя с призраком через сочувствие и сопереживание; 2) напоминают наблюдателю об ушедших акторах и контекстах, сформировавших данный ландшафт.

Ключевые слова: ландшафт, Шпицберген, Арктика, призрак, наследие

Введение

Идея репрезентации играет центральную роль в теории культурного ландшафта. Она подразумевает, что наблюдатель, смотрящий на ландшафт, получает и интерпретирует

визуальную информацию, придавая ландшафту символическое значение. Согласно Д. Митчеллу, культурные ландшафты «созданы, безусловно, чтобы активно представлять, кто обладает властью, но также и для *упрочения* этой власти путем создания постоянного и неумолимого ее символа»¹. Преобразованные в результате деятельности человека ландшафты являются отпечатком социально-экономических отношений в обществе. Изучение ландшафта означало бы «описание того, что означает данный ландшафт... какие культуры и события он выражает или символизирует»². Таким образом, наблюдатель интерпретирует то, что можно увидеть его «натренированными» глазами, и делает суждения об увиденном.

Описанная выше концептуализация хорошо подходит для символически насыщенных, идеологически окрашенных и упорядоченных ландшафтов, включающих официально признанные объекты культурного наследия. Мы сталкиваемся с другой ситуацией в менее упорядоченных и визуально насыщенных, заброшенных и руинированных ландшафтах, где отношения между элементами неясны, а визуальная информация, которую они несут, не предлагает наблюдателю ясного «послания». Согласно Эденсору³, руинированные места характеризуются «обилием фрагментированных историй, элизий, фантазий, необъяснимых объектов». Благодаря своей неясной эстетической ценности и множеству возможных интерпретаций такие ландшафты вызывают новые размышления и вопросы относительно их значения и того, в какой степени имеющиеся концепции культурных ландшафтов могут помочь уловить эти значения.

Заброшенные ландшафты представляют собой совершенно иные ситуации, чем «живущие». В первом случае люди, которые ранее возделывали землю или заполняли улицы поселений, либо ушли, либо были вытеснены, оставив пустоту, состоящую из заброшенных зданий, руин и утраченных памятников. То, что раньше представляло социальные от-

¹ Mitchell 2000: 109.

² Wylie 2007: 92.

³ Edensor 2005: 834.

ношения, идентичности и экономические процессы, распалось, исчезло, оказалось скрыто под новыми культурными слоями, созданными новыми участниками в структуре, подобной палимпсесту⁴. По мере того как здания и памятники разрушаются и стираются, формируемый ими ландшафт не может передать свое послание и представить первичную социальную и экономическую ткань, которая лежала в его основе. Репрезентация уступает место воображению и конфликтующим нарративам памяти. Вместо того, чтобы диктовать или передавать определенные смыслы, элементы руинированных и частично стертых ландшафтов могут стимулировать воображение и толкования прошлого среди живущих ныне людей.

Цель этой статьи — расширить границы концепции культурного ландшафта, связав его с идеей призрака. Это поможет анализировать частично заброшенные, стертые и деконтекстуализированные ландшафты, обращая внимание наблюдателя на «незримые» компоненты ландшафта. Советско-российские шахтерские поселения Баренцбург, Пирамида и Грумант, расположенные на Шпицбергене, представляют собой интересный пример из-за их расположения на норвежской территории, частичной заброшенности и нынешних усилий по развитию въездного туризма. Сейчас ссылки на романтизированное советское прошлое, советские образы и связанную с ними «инаковость» используются для привлечения туристов⁵. Очевидная уникальность советско-российских поселений (по сравнению с их норвежскими соседями) вызывает дополнительные вопросы, касающиеся значений, скрытых в ландшафтах, отношений между наблюдателем и ландшафтом, а также способов понимания разнообразных типов культурных ландшафтов, помимо привычных примеров.

⁴ Kinossian, Wråkberg 2017.

⁵ Gerlach, Kinossian 2016.

От культурного ландшафта к «ландшафту с призраками»

Культурный ландшафт

Согласно материалистическим представлениям, культурные ландшафты символизируют отношения власти, экономического производства, длительных социальных порядков и коллективной идентичности. Здесь идея репрезентации играет центральную роль⁶. Такой подход предполагает, что интерпретации ландшафтов «являются продуктом социальных контекстов конкретно-исторических и культурно-специфических дискурсов; они созданы интерпретирующими сообществами»⁷. Тем не менее, наблюдателей не следует рассматривать как пассивных получателей сообщений, передаваемых ландшафтом, так как наблюдатели обременены своим культурным багажом, который обуславливает различные ожидания и интерпретации увиденного. Например, Косгроув концептуализирует ландшафт как «способ видения», подразумевая взаимовлияние между наблюдателем и ландшафтом⁸.

Государство играет центральную роль в формировании упорядоченных и символически насыщенных ландшафтов. Государственные органы и учреждения культуры выборочно отбирают и сохраняют определенные элементы прошлого и одновременно удаляют из официальных регистров памяти те элементы, которые признаются ненужными⁹. Механизмы управления наследием и соответствующие действия основаны на «авторизованном дискурсе наследия» — официальной доктрине прошлого, которая устанавливает «канон» и отсекает другие, конкурирующие интерпретации¹⁰. Создание объекта культурного наследия также требует организованных усилий по планированию, организации доступа, обеспе-

⁶ Duncan, Duncan 1988; Mitchell 2003.

⁷ Duncan, Duncan 1988: 120.

⁸ Cosgrove 1998: 1.

⁹ Ashworth et al. 2007; Zerubavel 2003.

¹⁰ Smith 2006.

чению безопасности, предоставлению услуг посетителям, а также выработки официальных нарративов.

Люди могут оспаривать официальные версии памяти, участвуя в обсуждениях или протестах, требуя признания иных версий, посещая или благоустраивая места непризнанной памяти. Процессы создания культурных ландшафтов вовлекают различных участников и могут привести к напряженности и конфликтам из-за противоречивых интерпретаций прошлого и сегодняшнего использования культурных ландшафтов и их элементов. Недавние столкновения вокруг советских памятников в Восточной Европе или вокруг памятников генералам Юга в США ясно показывают, что культурный ландшафт содержит скрытые вопросы, которые могут спровоцировать общественные дискуссии по поводу конкретных событий, персон и более фундаментальных ценностей¹¹.

Причины вовлечения в дебаты о памяти могут быть связаны с интеллектуальным интересом, семейной историей или коллективными уровнями ассоциации. Так называемые «мнемонические сообщества» объединяют своих членов на основе общего понимания определенных исторических событий и того, что следует помнить и забывать¹². Более непосредственные связи с прошлым, например, через родство с жертвами тоталитарных режимов, подразумевают, что у наблюдателя есть более очевидная причина интересоваться конкретными событиями и местами, такими как места заключения или казни. Такой неоспоримый особый интерес составляет одну возможность, в то время как другие люди могут посетить памятные места в силу интуитивной прозорливости, любопытства, а также руководствуясь существующим маршрутом или авторитетной рекомендацией¹³. Не все посещения могут быть случайны; их нельзя объяснить необходимостью добиться признания, восстановления справедливости или поиска истины.

¹¹ Fortin 2017; Lehti et al. 2008.

¹² de Brito 2010: 362.

¹³ Lennon, Foley 2010: 23.

Что, если ландшафты менее упорядочены, наглядны и артикулированы? Такой культурный ландшафт не может представлять собой «оттиск» властных отношений, поскольку многие видимые элементы могут отсутствовать или быть стерты. Традиционные социологические подходы, основанные на видении и описании «реальности некоторых очевидных вещей», могут закрывать нам глаза «на то, как эти вещи производятся и становятся возможными благодаря истории потерь и репрессий. Таким образом, социология не уделяет должного внимания следам и воспоминаниям об утраченных и исчезнувших»¹⁴. Есть ли способ восстановить «истинное» значение ландшафта? Даниэлс и Косгроув предполагают, что, возможно, такого пути не существует, ссылаясь на «внутреннюю нестабильность значения» и «нашу способность изобретать знаки и символы, перерабатывать их в другом контексте и таким образом преобразовывать их значение»¹⁵.

Концепция остаточного (*left over*) культурного ландшафта частично решает эту проблему. Она утверждает, что ландшафт представляет собой наследие предыдущих режимов¹⁶. Это означает, что ныне живущие могут по-прежнему ассоциировать себя с прошлым режимом, отвергая или принимая его, что может объяснить их интерес к его культурному ландшафту. Концепция остаточного ландшафта обнажает суть резких общественных изменений, таких, например, как крах государственного социализма¹⁷. Между изменениями в политических институтах, которые часто меняются в одночасье, и изменениями в материальных структурах, включая структуру землепользования, здания и архитектуру, существует временной разрыв. Элементы культурного ландшафта, представляющие ушедшую эпоху, остаются на месте, становятся заброшенными, перемещенными или перепрофилированными, но остаются видимыми, несмотря на разрыв связей с создавшим их социальным контекстом.

¹⁴ Radway 2008: ix.

¹⁵ Daniels, Cosgrove 1988: 7–8.

¹⁶ Light, Young 2013; Light, Young 2014.

¹⁷ Czepczyński 2008.

Воспоминания пространственно привязаны, в связи с чем создание мест памяти и зрелищ является важным способом запоминания и воспоминания¹⁸. Поэтому физическое стирание памятников и зданий — это способ вывести из памяти нежелательное прошлое¹⁹. Перемещение памятников может переформулировать нарратив их легитимности²⁰. Однако существует риск эссенциализма в уравнивании памяти с ее материальным контекстом. Хотя материальные объекты связаны с историческими событиями и людьми, они не «содержат» память. Эта сосредоточенность на материальном отвлекает наше внимание от понимания механизмов коллективной и индивидуальной памяти. В ситуациях, когда материальные элементы ландшафта стираются, переделываются или видоизменяются, память может сохраняться и продолжать формировать идентичности и определять выбор ныне живущих. Вместо того, чтобы сосредотачиваться на материальных факторах, исследования должны уделять больше внимания тому, как создаются и воспроизводятся нарративы памяти.

Существует ряд причин, по которым видимые элементы культурного ландшафта не следует принимать «за чистую монету». Ландшафты постоянно трансформируются за счет удаления или перепрофилирования существующих элементов и новых дополнений. Нарративы прошлого также находятся в постоянном движении. «Производство» исторического наследия включает в себя как изменения физической оболочки (посредством сноса и нового строительства), так и стирание определенного прошлого при выработке новых версий, которые лучше соответствуют интересам современной политической элиты²¹.

¹⁸ Johnson 2012; Till 2005; Ladd 1998.

¹⁹ Light, Young 2015: 236.

²⁰ Forest, Johnson 2018: 4.

²¹ Kinossian 2012.

Ландшафты с призраками

Когда ландшафт заброшен, очищен от знаков или лишен церемониальных правил, функция репрезентации затрудняется и ландшафт не может рассматриваться как «посланик», передающий ясное сообщение наблюдателю²². В такой ситуации воображение и интерпретации начинают играть более важную роль. Это указывает на ограниченность современных концепций, основанных на идее репрезентации, и указывает на потенциал расширения концептуализации ландшафта за счет использования идеи «призрака» в ландшафтных исследованиях.

Призрак означает неожиданное и нежелательное присутствие лиц, которые не принадлежат к реальному контексту (помещению, месту, ландшафту), хотя и имеют право там находиться. В литературе такой прием используется для введения альтернативного нарратива, диалога между призраком и действующим лицом. Достаточно вспомнить стихотворение «Железная дорога» Н.А. Некрасова, в котором призраки погибших при строительстве дороги крестьян взывают к справедливости.

По словам А. Гордон, призрак — это «ни архаичное суеверие, ни индивидуальный психоз; это обобщаемый социальный феномен»²³. Посредством призраков мы узнаем о «подавленном или неразрешенном социальном насилии», жертвы которого не были признаны или отмечены или были забыты²⁴. Людей, подвергшихся насилию, выселенных или убитых, уже нет, их невозможно увидеть. Они остались бы в своей среде обитания, если бы не подверглись такому насилию. Они имеют право требовать своего места, права на признание, утешение и память.

«Призрак — это просто знак или, если хотите, эмпирическое свидетельство, говорящее о том, что происходит исследование. Призрак — это не просто мертвый или пропавший без вести, но социальная фигура, и его изучение может

²² Kinossian 2018.

²³ Gordon 2008: 7.

²⁴ Gordon 2008: xvi.

привести к тому моменту, где история и субъективность создают социальную жизнь. Призрак, или привидение — это одна из форм, с помощью которой что-то потерянное, или едва видимое, или, казалось бы, отсутствующее для наших якобы хорошо натренированных глаз, делает себя узнаваемым или очевидным для нас ... Призраки притягивают нас аффективно, иногда против нашей воли и всегда немного волшебным образом, в структуру ощущения реальности, которую мы переживаем, не как холодное знание, а как преобращающее признание»²⁵.

Призраки — это не материальные объекты, они считаются частью нашего воображения. Будучи воображаемыми фигурами, они играют неоднозначную роль, когда возвращаются, чтобы преследовать живых. С одной стороны, они являются частью идентичности места: призраки помогают «создать специфику исторических мест, мест, к которым мы чувствуем, что мы принадлежим и не принадлежим, границ владения, по которым мы определяем право собственности и родства»²⁶. С другой стороны, такие «визиты» нежелательны. Люди хотят избежать контакта с такими призраками, так как они оживляют травмирующие воспоминания непосредственного или вторичного характера. Травма требует внимания; жертвы насилия и несправедливости требуют упокоения и справедливости. Живые должны обращать внимание на таких призраков и прислушиваться к ним. Призраки не свободны от политики. Вопрос о том, кто кого преследует, включает в себя властные отношения, которые могут затруднить видимость определенных групп (сделать их похожими на призрак) или усилить их видимость в акте освобождения²⁷. Примирение возможно, когда травма оглашается, когда называются имена жертв и преступников.

Взаимодействие с ландшафтом заброшенного поселения вызывает интерес или восхищение, которые посетители (сознательно или неосознанно) стремятся испытать. Такое взаимодействие включает в себя различные органы чувств,

²⁵ Gordon 2008: 8.

²⁶ Bell 1997: 813.

²⁷ Cameron 2008: 390.

включая зрение, слух и обоняние. Ландшафты с призраками не могут передать ясное сообщение, за исключением отдельных, фрагментированных сигналов, которые наблюдатель распознает с трудом. Следовательно, включается воображение, открывая тем самым ландшафт для интерпретации. Представление о призраке как о вымышленном собеседнике связывает наблюдателя и ландшафт. Призрак преследует посетителей, беспокоит их, просит внимания, вступает в беседу и вызывает вопросы. Призрак действует двояко. Во-первых, он позволяет наблюдателю соотнести себя с ним через «телесную эмпатию»²⁸. Люди, которые посещают заброшенные места, задумываются о том, какой могла быть жизнь бывших жителей. Места лишений, насилия или смерти вызывают мысли о том, что люди могли пережить, и как они выжили или погибли. Это включает размышления о возможном поведении человека, оказавшегося в аналогичных условиях или стоящего перед аналогичным жизненным выбором. Во-вторых, призрак напоминает посетителям о прошлых событиях и людях, которые были забыты, проигнорированы или стерты из памяти. Эти два механизма стимулируют саморефлексию и размышления об идентичности и принадлежности, заставляя человека задавать такие вопросы, как: «Если бы я был здесь и тогда, что бы я делал?» Это может привести к более широким размышлениям, например, о природе человеческого опыта и человечности в бесчеловечных условиях угнетения, принудительного труда или голода.

Урбанизированный Шпицберген предлагает интересные примеры для изучения культурных ландшафтов. Место лишений, голода и смерти в первые годы колонизации, в настоящее время Шпицберген превращается в туристический курорт и исследовательскую базу²⁹. Хотя Шпицберген остается местом тяжелого труда и неумолимой природы, норвежские и российские поселения, похоже, конкурируют в предоставлении туристических услуг, ресторанов, предлагающих почти гедонистический стиль потребления. В этом

²⁸ Edensor 2005: 840.

²⁹ Viken 2011.

стремлении к современности, «нормальности» и комфорту, кажется, что-то теряется в «истинной» сущности Шпицбергена. Советско-российские поселения показывают, как утрата и пустота проявляют себя в культурном ландшафте.

Российские поселения на Шпицбергене

Примеры советско-российских угледобывающих поселений на Шпицбергене (Пирамида, Баренцбург и Грумант) иллюстрируют как физические, так и символические преобразования культурных ландшафтов. Физические изменения в Пирамиде и Груманте были резкими: первое было заброшено в 1998 году, а второе — в 1961 году. Добыча угля в шахтах Баренцбурга продолжается с 1920-х годов (с перерывом во время Второй мировой войны). У трех поселков теперь есть уникальные символические роли. В то время как Грумант — типичное руинированное место, Пирамида и Баренцбург недавно подверглись «переработке» своих образов³⁰. Первый сейчас представляет советскую Арктику, а второй — современную российскую Арктику, в то время как оба удовлетворяют растущее любопытство российских и иностранных туристов, которые, кажется, озадачены присутствием ненорвежских поселений на территории Норвегии.

Российские поселения на Шпицбергене кажутся несколько чужими в контексте архипелага, не в последнюю очередь потому, что они являются продуктом иной политической системы и принципов планирования. Советские компании начали приобретать угольные месторождения и угледобывающие поселения на Шпицбергене в конце 20-х годов XX века, включая Грумант-Сити, угольное месторождение Пирамида и Баренцбург³¹. В октябре 1931 года советское правительство учредило государственный трест «Арктикуголь» (далее «Арктикуголь») для разработки месторождений и поставки угля в промышленные центры Мурманска и Архангельска³². Российские поселения по-прежнему управ-

³⁰ Gerlach, Kinossian 2016.

³¹ Avango et al. 2011: 36.

³² Зингер 2014: 185.

ляются из Москвы через Арктикуголь, который отвечает за эксплуатацию шахт, поддержание технической и социальной инфраструктуры, поиск рабочей силы и, во все большей степени, развитие новых видов экономической деятельности, таких как туризм, для замещения угледобычи как причины российского присутствия на архипелаге.

Добыча полезных ископаемых возле Пирамиды была начата в 1911 году шведской компанией³³. После Второй мировой войны в 1946 году Арктикуголь начал строительство шахты и поселка³⁴. Как советское поселение на норвежской территории, он находился на «линии фронта» холодной войны и в то же время представлял собой ориентированный на запад фасад советской системы. Помимо пропагандистских целей, существовали фундаментальные различия между подходами рыночной и централизованной экономики. Например, норвежский посетитель не может скрыть своего восхищения Пирамидой, которая построена «... со всеми признаками образцово-показательного советского города. Великолепный Дворец культуры. Хорошая библиотека. Современная больница. Спортивный зал. Плавательный бассейн. Школа. Детский сад. Больница. Музей. Пирамида выглядит так, как будто она выстроена навечно, или, по крайней мере, до Победы Социализма, а не для временного размещения людей, которые за несколько десятилетий опустошат одно месторождение и уедут отсюда опустошать другое»³⁵.

Туристы могут добраться до Пирамиды на катере, снегоходе или вертолете. По прибытии туроператоры передают туристов российским гидам из арктической туристической компании «Груммант», дочерней компании «Арктикуголя», которые проводят для них экскурсию. Двухчасовая экскурсия обычно включает прогулку по поселку и посещение нескольких зданий, в том числе гостиницы «Тюльпан», где находятся сувенирный магазин, почта и бар. Многие другие здания, включая больницу, школу, мастерские и общежития для рабочих, недоступны во время короткой экскурсии.

³³ Арлов 2016: 292.

³⁴ Арлов 2016: 417.

³⁵ Флегстад 2008: 92.

Илл. 1

Бюст Ленина перед Домом культуры в Пирамиде.
Фото автора, 2018 г.

Бюст Ленина возвышается над центральной площадью и огромным газоном — излюбленным пастбищем арктических оленей (Илл. 1). Экскурсовод сообщает посетителям, что грунт был привезен из Украины, чтобы трава хорошо росла. В здании бывшего Дома культуры расположены конференц-зал, баскетбольный зал, библиотека и различные студии. В здании идет медленный ремонт, некоторые его части уже отремонтированы, а другие ждут своей очереди. Посетители проходят через темные коридоры, попадая в студии, где когда-то проходили занятия музыкой, танцами и изобразительным искусством. Здесь представлены многочисленные «артефакты»: книги, музыкальные инструменты, советские агитационные плакаты, оборудование, пустые бутылки, предметы одежды, засохшие растения и расписания различных мероприятий (Илл. 2). Здание спорткомплекса находится рядом с Домом культуры и включает в себя бассейн и крытый тир — сегодня все это заброшено. Вестибюль столо-

вой украшен большой мозаикой, изображающей природные арктические мотивы, такие как белый медведь. Кухня полна ржавого оборудования и сломанной мебели. Кухонное оборудование, установленное для приготовления сотен блюд в день, не было эвакуировано — как будто жители собирались вернуться.

Илл. 2

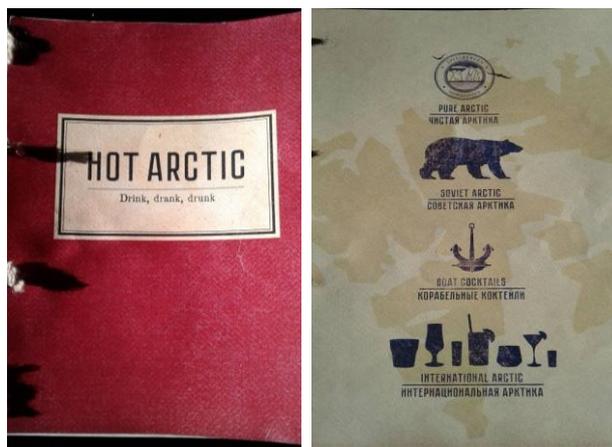
Внутри Дома культуры поселка Пирамида.
Фото автора, 2018 г.

Поселок Баренцбург был основан в 20-х годах прошлого века. В 1932 году «Арктикуголь» приобрел Баренцбург у голландского владельца³⁶. В отличие от заброшенного поселения Пирамида, Баренцбург кажется полным жизни. Где-то рабочие ремонтируют фасады зданий и надземные трубы, горняки идут на смену, женщины ходят по магазинам, машины развозят товары в магазины и гостиницы. Туристы — в группах и индивидуально — гуляют, фотографируются, бродят по музею, сувенирным лавкам, барам и ресторанам.

³⁶ Арктикуголь 2018.

За пять лет (2013–2018) Баренцбург претерпел заметные изменения. Отремонтированы многие здания. В новых фасадах используются современные материалы, устойчивые к суровым арктическим условиям. Яркие и полихромные, новые фасады оживляют жилую среду в темное время полярной зимы. В новом сувенирном магазине продаются товары арктической тематики, Шпицбергена и Арктикугля. Некоторые изделия производятся в Баренцбурге, в мастерской, где жены шахтеров могут найти работу.

Баренцбургская пивоварня «Красный медведь» открылась в 2012 году. До 2015 года она была самой северной пивоварней в мире, пока *Svalbard Bryggeri AS* не начала производить пиво в Лонгйире. Ресторан «Красный Медведь» предлагает замечательный выбор блюд и напитков, в том числе местные драфты «Красный медведь», «Бельгийский блонд», «Янтарь» и «Темный». Ресторан предлагает карту бара «Горячая Арктика», оформленную в стиле ретро, с темами: *Pure Arctic*, *Soviet Arctic*, *Boat Cocktails* и *International Arctic* (Илл. 3).

Илл. 3

Карта бара «Горячая Арктика»
ресторана «Красный Медведь», Баренцбург.
Фото автора, 2018 г.

Погруженный в погоню за современностью и экономической жизнеспособностью, Баренцбург теряет свою уникальную советскую ауру. Отреставрированные фасады напоминают те, что есть повсюду в провинциальной России. Некоторые элементы коммунистической монументальной пропаганды недавно исчезли — либо намеренно снесены, либо прикрыты новыми фасадами. Например, был снесен бетонный обелиск, стоявший у памятника «Шахтерский труд». Сам памятник находится под угрозой сноса как ненужный. На Илл. 4 показан памятник в 2013 году, а на Илл. 5 — в 2018 году.

Илл. 4

Памятник «Шахтерский труд» в Баренцбурге в 2013 году. Бетонный обелиск, символически увенчанный глыбой угля, стоит рядом со стелой, изображающей шахтера в индустриальном пейзаже. Фото автора, 2013 г.

Илл. 5

Монумент «Шахтерский труд» в Баренцбурге в 2018 году.

Обелиск снесен.

Фото автора, 2018 г.

На фасаде спортивного зала Баренцбурга в центре большой композиции, несущей темы советских промышленных пейзажей и фигуры инженеров и рабочих, были изображены трое рабочих (двое мужчин и женщина). На Илл. 6 фасад показан по состоянию на 2013 год. Эта примечательное панно исчезло после того, как здание приобрело более современный вид, лишив отреставрированный фасад его неповторимого советского облика. Снесен ряд зданий. Только прямоугольные контуры фундаментов, покрытые кирпичным щебнем, говорят о том, что эти участки ранее были застроены. Советское наследие города исчезает не только в результате целенаправленного сноса и модернизации, но и из-за суровых природных условий. Заброшенные здания разваливаются, памятники, построенные на вечной мерзлоте, оседают, а некогда красочные фрески теряют свою яркость.

Менеджеры «Арктикуголя», похоже, нашли соломоново решение проблемы советского наследия: Пирамида продвигается как «советский» поселок, а Баренцбург - как «современный» российский поселок, что означает игнорирование ненужных советских символов. Тем не менее, такое разделение ролей не совсем четкое. Если туристический маркетинг Пирамиды явно основан на использовании ее советского имиджа, то у Баренцбурга как туристического направления нет такого отличительного признака. У него сложный, композитный образ, основанный на рассказах о поморской торговле, исследованиях Арктики, героическом советском прошлом и современных возможностях для активного отдыха.

Илл. 6
Триптих с изображением рабочих.
Фото автора, 2013 г.

И в Баренцбурге, и в Пирамиде присутствуют советские символы и нарративы. Бетонная стела с надписью «Наша цель — коммунизм!» по-прежнему находится в центре Баренцбурга. В обоих поселках стоят бюсты Ленина. В сувенирных магазинах продаются различные товары с советской символикой, в том числе футболки «Назад в СССР»; «Добро пожаловать в нашу арктическую машину времени» — говорится в сообщении, напечатанном на лицевой стороне.

Илл. 7

Футболка «Назад в СССР»
в сувенирных магазинах Пирамиды и Баренцбурга.
Фото автора, 2018 г.

Гиды компании дословно повторяют идентичный текст, объясняя престиж работы на Шпицбергене в советские времена. Гид, который, по всей видимости, родился после распада СССР, заявляет: «Проработав здесь пару лет, шахтеры могли накопить достаточно денег, чтобы купить квартиру на материке». Это утверждение сомнительно, учитывая отсутствие рынка недвижимости в СССР, хотя верно, что шахтерам на Шпицбергене платили несколько лучше, чем тем, кто работал на материке.

Сложно представить Грумант как популярное туристическое направление, учитывая его плохую доступность и состояние построек. Скорее всего, он останется заброшенным, постепенно сдаваясь суровому климату. Поскольку его угольные запасы были исчерпаны, Советское правительство решило прекратить работы еще в 1961 году. В настоящее время осталось только несколько зданий в плохом состоянии. Большинство туристов видят Грумант только с катеров, курсирующих по туристическому маршруту между Лонгйиром и Баренцбургом. Более «отчаянные» туристы могут заказать тур, который даёт возможность высадиться в Колсбее и дойти до Груманта по заброшенной железной дороге, которая ранее связывала шахты Груманта с терминалом отгрузки угля в Колсбее (в Груманте невозможно было устроить гавань).

Ландшафты советско-российских посёлков посылают запутанное сообщение, в котором рассказы об Арктике, истории освоения и «рае» для рабочих появляются в форме, напоминающей палимпсест. Некоторые символы государственного социализма были удалены; другие воспроизводятся и коммерциализируются. Некоторые мифы о социализме в СССР легли в основу современных нарративов поселков. Призраки прошлого словно пробиваются сквозь новые попытки создать современный образ этих российских поселков.

Размышления

Советско-российские поселения на Шпицбергене несут элементы как упорядоченных, так и разрушенных, частично стертых и реконструированных ландшафтов. Эта двусмысленность открывает возможности их переосмысления и интерпретации различными субъектами, в том числе любопытными посетителями, членами местных сообществ, политиками и исследователями. Концепция призрака может помочь исследовать глубину и временную динамику ландшафтов Шпицбергена, распознавая, вспоминая и фиксируя память о людях, которые когда-то создавали эти ландшафты. Такой опыт дает повод для многократного прочтения прошлого; новые интерпретации и нарративы могут создавать-

ся и продвигаться наблюдателями, которые выбирают одни (и забывают или стирают другие) элементы прошлого.

Советско-российские поселки на Шпицбергене отличаются как архитектурно, так и символически от норвежских. Советская традиция планирования отчетливо просматривается в Пирамиде, а советская монументальная пропаганда заметна как в Пирамиде, так и в Баренцбурге. В наши дни это оказалось частью «переработанного» образа российских поселений³⁷. Коммунистическая идеология превозносила рабочий класс, отмечая его героизм и самоотверженность. Монументальная пропаганда создала романтизированный образ советского рабочего: торжествующего, молодого и сильного, воспевающего достижения коммунистической системы. Он(а) изображен(а) в воображаемом индустриальном пейзаже, который мало говорит о реальных условиях труда и быта большинства рабочих, которым был поручен трудный и часто опасный физический труд.

Изображения норвежских рабочих менее графичны, но гораздо более реалистичны. Скульптура шахтера в Лонгйире изображает человека, работающего на угольном пласте; он лежит на боку, зажатый в узком забое. Памятник Неизвестному горняку перед центром *Lompen Senteret* в Лонгйире изображает горняка скромной фигурой в рабочем снаряжении. Интерьер паба *Karlsberger* украшен фотографиями местных шахтеров. Норвежский подход к образу рабочего более естественен и реалистичен. Он теплее, чем идеализированные и стилизованные героические образы советского рабочего. Учитывая, что условия труда в норвежских и советско-российских поселениях были схожими, эти различия в изображении рабочего являются чисто идеологическими. В Баренцбурге на доске почета, на которой когда-то висели фото лучших рабочих, теперь не видно фотографий (Илл. 8). Похоже, что современные управленцы не видят особой роли рабочего класса. Отсутствие изображений (как героических советских, так и реальных современных) делает фигуру шахтера «призрачной». Таким образом, нынешние рабочие ста-

³⁷ Gerlach, Kinossian 2016.

новятся маргинализированными и не вписываются в контекст места, в котором угледобыча теряет экономическую значимость.

Илл. 8

«Призрачно» выглядящая доска почета, Баренцбург.
Фото автора, 2018 г.

В отличие от других мест, советские поселения были продуктом плановой экономики СССР. Даже после окончания холодной войны старые границы, похоже, не сдаются под натиском сил глобализации. Российские поселения остаются «советскими» по составу населения, поскольку большинство рабочих — выходцы из Украины и России, Лонгйир остается преимущественно норвежским (хотя там много иммигрантов). В этом смысле глобализация на Шпицбергене протекает неравномерно и регулируется режимами, установленными со времен «холодной войны».

Местные рабочие и туристы представляют два параллельных мира, которые, как кажется, не пересекаются. Те,

кто приехал в Баренцбург зарабатывать деньги, а не тратить их, принадлежат к определенным профессиональным и социальным группам. Цены в туристических барах и ресторанах не для шахтерского кармана. Один вечер в ресторане, обслуживающем туристов, может стоить месячной зарплаты рабочего. С другой стороны, туристы могут не решиться зайти в рабочую столовую или магазины, хотя они открыты для всех. Таким образом, места, созданные для получения прибыли от туризма, и места, предназначенные для рабочих, в основном привязаны к своей собственной клиентуре.

Гиды (или текст, который они используют) повторяют историю о счастливой и беспроблемной жизни рабочих в советские времена и о продолжении такой жизни сейчас. «Несмотря на то, что между Россией и Украиной может быть конфликт на материке, здесь мы живем мирно», — поясняет гид, продолжая: «Это территория, свободная от политики. У нас здесь нет политических дискуссий». Ясно, что такие заявления нельзя понимать как приглашение задать какие-либо дополнительные вопросы. Продвижение этого несколько наивного подхода к отсутствию политики в таком месте как Шпицберген не может быть личной интерпретацией гидов, поскольку они дословно повторяют один и тот же текст.

Эти идентичные монологи экскурсоводов, экспозиции, представленные в местном музее, и рассказы, опубликованные в замечательном издании «Русский Вестник Шпицбергена», наводят на мысль, что советско-российские поселения — это не только «наследие» или «разрушенный» ландшафт, но во многих отношениях «официальный» ландшафт, разработанный в соответствии с докториной российского присутствия в Арктике. В рамках этого нарратива мифологизируется не только прошлая повседневная жизнь, невзгоды и созданные государством комфортные условия; сегодняшние представления о различных группах рабочих, живущих в гармонии, без напряженности или политических мнений, используются и вставляются в старый нарратив о советских рабочих в «раю».

Поскольку добыча угля заменяется другими формами экономической деятельности, такими как туризм и исследование, ценность и необходимость шахт становятся сомнительными. В реальной или воображаемой конкуренции за ресурсы Арктики присутствие на Шпицбергене рассматривается как стратегическое преимущество. Россия, как и Норвегия (а также другие страны), стремится сохранить свое присутствие на Шпицбергене, даже если угледобыча больше не является целесообразной. Эта экономическая трансформация превращает оставшихся горняков в еще одну группу зрителей, наблюдающих за развитием новой функции Шпицбергена — служить «воротами» в Арктику как арену новых экономических процессов и интересов. В прошлом советские поселения на Шпицбергене создавали образ «советского рая». В новых условиях угледобыча происходит «по инерции», поскольку инвестиции и усилия смещаются в сторону туризма, а угледобывающие поселения становятся декорациями для любопытных посетителей. Предыдущий ландшафт горной промышленности был отражением реальных функций и целей сообществ (хотя и идеологически мотивирован), тогда как нынешний ландшафт — это анахронизм. Шахты превратились из актива в пассив, но они сохраняются как средство поддержания присутствия на Архипелаге.

Заключение

Посещение Шпицбергена производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, это часть Арктики — сравнительно недавно открытая европейцами, еще недавно колонизированная и удаленная от крупных городов. Все поселения в Арктике возникли ради одной цели — добычи природных ресурсов. В этом смысле Шпицберген по-прежнему существует в «подвешенном состоянии», обслуживая интересы внешних центров политической власти и отвечая на вызовы, возникшие в других местах. Несмотря на сходство физических условий, идентичность поселений на Шпицбергене по-прежнему определяется разделением времен «холодной войны». Политические и культурные различия означают, что российские поселения не вписываются в контекст норвеж-

ского Шпицбергена. Спроектированные и построенные в соответствии с другими принципами, они когда-то были заселены рабочими, посланными туда советским правительством для «построения коммунизма» — как в местном масштабе, так и (как предполагалось в конечном итоге) в планетарном. После краха коммунизма потеря общего политического и экономического контекста и физический отказ от некоторых поселений создали особое ощущение места с привидениями.

Мы полагаем, что нынешние способы концептуализации культурных ландшафтов как «текста» или «остаточного» ландшафта подразумевают, что наблюдатель по-прежнему руководствуется «оригинальным» или «вписанным» сообщением, хотя и в искаженном, приглушенном или искаженном виде. Эта точка зрения лучше всего подходит для ландшафтов, которые символически богаты, упорядочены или связаны с увековечиванием памяти. Однако заброшенные, разрушенные и частично стертые ландшафты представляют собой иную ситуацию. Они могут быть деконтекстуализированными, лишенными акторов, претендентов на наследство или жертв, требующих памяти и справедливости. Хотя такие ландшафты могут не вызывать воспоминаний о триумфе или травме, они, тем не менее, предлагают интересную обстановку для изучения отношений между наблюдателем и ландшафтом. Руинированные ландшафты могут предложить больше свободы для воображения и интерпретации, в том числе благодаря взаимодействию с ушедшими создателями, которые теперь представлены призраками.

Советский рабочий прежних времен исчез вместе с СССР. Воспоминания живших тогда людей постепенно уходят, уступая место письменным свидетельствам. Повествования о «рае» советских рабочих в Арктике, хотя и лишены особого смысла, стали центральным элементом официального культурного ландшафта, созданного нынешней администрацией и туроператором, выступающим в роли уполномоченного толкователя истории. Поскольку добыча угля теряет (или уже утратила) свою экономическую привлекательность, Норвегии, как и России, нужны другие способы сохранения своего

присутствия на архипелаге. Норвежская доктрина предполагает трансформацию Лонгйира в сторону более стабильного городского сообщества. Правительство России, действуя через «Арктикуголь», реализует программу реструктуризации с целью внедрения новых видов экономической деятельности, таких как туризм, чтобы заменить добычу угля в качестве «якорной» деятельности.

Коммерциализация трансформирует городской Шпицберген: в Лонгйире и Баренцбурге появляется все больше отелей и ресторанов. В товарах, продаваемых на норвежской стороне, кажется, полностью преобладает тема белых медведей — как будто Шпицберген был ни чем иным, как колонией белых медведей. На российской стороне есть больше фантазии, ведь помимо вездесущего белого медведя тут имеются изделия, изображающие советское прошлое. Коммерциализацию прошлого, особенно коммунистического прошлого, можно рассматривать как вызывающее беспокойство и некритическое использование нарратива тоталитаризма в маркетинговых целях. Товары в советском стиле призваны внести вклад в новую экономику российских поселений. Местные рабочие и платящие туристы принадлежат к разным вселенным, будучи чужими друг для друга.

Среда поселков, когда-то полных жизни и смысла, ставит наблюдателей в непростое положение. С одной стороны, наблюдатели являются «непрощеными гостями» в среде, к которой они не принадлежат, которую они не создавали и с которой большинство знакомо лишь поверхностно (если вообще знакомо). Несмотря на заброшенность и пустоту, наблюдателям постоянно напоминают о присутствии призрака различные здания, руины, оставшиеся объекты, изображения и рассказы. С другой стороны, эти непрощенные гости могут захотеть занять пустоту, общаясь с призраком, испытывая сочувствие и воображая себя теми, кто ранее жил и работал в этой среде. Присутствие призрака ощущается, давая посетителям возможность поразмышлять о судьбе места и судьбе ушедших жителей, которые когда-то его занимали. Этот контакт или диалог с призраком как вымышленным

персонажем может быть способом ответить на вопросы, которые вызывают призрачные ландшафты Шпицбергена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арктикуголь 2018 — Арктикуголь. Баренцбург. М., 2018. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.arcticugol.ru/index.php/rudniki/barentsburg>, дата обращения — 26.03.2020].
- Арлов 2016 — Арлов Т. История архипелага Шпицбергена. М., 2016.
- Зингер 2014 — Зингер Е. Путь на Шпицберген. М., 2014.
- Флэгстад 2008 — Флэгстад Х. Пирамида. Портрет заброшенной утопии. М., 2008.
- Avango et al. 2011 — Avango D., Hacquebord L., Aalders Y., De Haas H., Gustafsson U., Kruse F. Between markets and geo-politics: Natural resource exploitation on Spitsbergen from 1600 to the present day // Polar Record. 2011. Vol. 47. No. 1. P. 29–39. <https://doi.org/10.1017/S0032247410000069>
- Ashworth, Graham, Tunbridge 2007 — Ashworth G.J., Graham B., Tunbridge J.E. Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multi-cultural Societies. London, 2007.
- Bell 1997 — Bell M. The ghosts of place // Theory and Society. 1997. Vol. 26. P. 813–836. <https://doi.org/10.1023/A:1006888230610>
- Cameron 2008 — Cameron E. Indigenous spectrality and the politics of postcolonial ghost stories // Cultural Geographies. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 383–393. <https://doi.org/10.1177/1474474008091334>
- Cosgrove 1998 — Cosgrove D.E. Social Formation and Symbolic Landscape. Madison, WI, 1998.
- Czepczyński 2008 — Czepczyński M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities. London, 2008.
- Daniels, Cosgrove 1998 — Daniels S., Cosgrove D. Introduction: iconography and landscape // The Iconography of Landscape / Ed. by D. Cosgrove and S. Daniels. Cambridge, 1988. P. 1–10.
- de Brito 2010 — de Brito A.B. Transitional justice and memory: Exploring perspectives // South European Society and Politics. 2010. P. 359–376. <https://doi.org/10.1080/13608746.2010.513599>
- Duncan, Duncan 1988 — Duncan J.S., Duncan N. (Re)reading the landscape // Environment and Planning D: Society and Space. 1988. Vol. 6. P. 117–126.

- Edensor 2005 — *Edensor T.* The ghosts of industrial ruins: Ordering and disordering memory in excessive space // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005. Vol. 23. P. 829–849.
- Fortin 2017 — *Fortin J.* The Statue at the Center of Charlottesville's Storm // *The New York Times*, August 13 2017. — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.arcticugol.ru/index.php/rudniki/barentsburg>, дата обращения — 2.09.2018].
- Forest, Johnson 2018 — *Forest B., Johnson J.* Confederate monuments and the problem of forgetting // *Cultural Geographies in Practice*. 2018. P. 1–5. <https://doi.org/10.1177/1474474018796653>
- Gerlach, Kinossian 2016 — *Gerlach J., Kinossian N.* Cultural landscape of the Arctic: 'Recycling' of Soviet imagery in the Russian settlements on Svalbard (Norway) // *Polar Geography*. 2016. Vol. 39. No. 1. P. 1–19. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2016.1151959>
- Gordon 2008 — *Gordon A.* *Ghostly Matters. Haunting and the Sociological Imagination (New Edition)*. Minneapolis, 2008.
- Johnson 2012 — *Johnson N.C.* The contours of memory in post-conflict societies: Enacting public remembrance of the bomb in Omagh, Northern Ireland // *Cultural Geographies*. 2012. Vol. 19. No. 2. P. 237–258. <https://doi.org/10.1177/1474474011422026>
- Kinossian 2012 — *Kinossian N.* Post-socialist transition and remaking the city: political construction of heritage in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 5. P. 879–901.
- Kinossian 2018 — *Kinossian N.* Cities as haunted landscapes // *City and Society*. 2018. <https://doi.org/10.1111/ciso.12151>
- Kinossian, Wråkberg 2017 — *Kinossian N., Wråkberg U.* *Palimpsests // Border Aesthetics. Concepts and Intersections* / Ed. by J. Schimanski and S.F. Wolfe. New York; Oxford, 2017. P. 90–110.
- Ladd 1998 — *Ladd B.* *The Ghosts of Berlin. Confronting German History in the Urban Landscape*. Chicago; London, 1998.
- Lehti et al. 2008 — *Lehti M., Jutila M., Jokisipilä M.* Never-ending Second World War: Public performances of national dignity and drama of the bronze soldier // *Journal of Baltic Studies*. 2008. Vol. 39. No. 4. P. 393–418. <https://doi.org/10.1080/01629770.802461175>
- Lennon, Foley 2010 — *Lennon J., Foley M.* *Dark Tourism. The Attraction of Death and Disaster*. Andover, 2010.
- Light, Young 2013 — *Light D., Young C.* Urban space, political identity and the unwanted legacies of state socialism: Bucharest's problematic Centru Civic in the post-socialist era // *Nationalities Papers*:

- The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2013. Vol. 41. P. 515–535.
<https://doi.org/10.1080/00905992.2012.743512>
- Light, Young 2014 — *Light D., Young C.* Habit, memory, and the persistence of Socialist-era street names in postsocialist Bucharest, Romania // *Annals of the Association of American Geographers*. 2014. Vol. 104. No. 3. P. 668–685.
<https://doi.org/10.1080/00045608.2014.892377>
- Light, Young 2015 — *Light D., Young C.* Public memory, commemoration and transitional justice: Reconfiguring the past in public space // *Post-Communist Transitional Justice: Lessons from Twenty-Five Years of Experience* / Ed. by L. Stan and N. Nedelsky. New York, 2015. P. 233–251.
- Mitchell 2000 — *Mitchell D.* Cultural Geography. A Critical Introduction. Oxford, 2000.
- Mitchell 2003 — *Mitchell D.* Dead Labor and the Political Economy of Landscape — California Living, California Dying // *Handbook of Cultural Geography* / Ed. by K. Anderson, M. Domosh, S. Pile, N. Thrift. London, 2003. P. 233–248.
- Radway 2008 — *Radway J.* Foreword // *Ghostly Matters. Haunting and the Sociological Imagination (New Edition)* / Ed. by A. Gordon. Minneapolis, 2008.
- Smith 2006 — *Smith L.* Uses of Heritage. Abingdon, 2006.
- Till 2005 — *Till K.* The New Berlin. Memory, Politics, Place. Minneapolis; London, 2005.
- Viken 2011 — *Viken A.* Tourism, research, and governance on Svalbard: A symbiotic relationship // *Polar Record*. 2011. Vol. 47. No. 4. P. 335–347. <http://doi.org/10.1017/S0032247410000604>
- Wylie 2007 — *Wylie J.* Landscape (Key Ideas in Geography). London; New York, 2007.
- Zerubavel 2003 — *Zerubavel E.* Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. Chicago, 2003.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Ю.В. СТЕПАНОВА, М.В. КАРПОВА

ПЕРЕВАРЫ — ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XV–XVI ВЕКОВ

СПЕЦИФИКА РАЗМЕЩЕНИЯ И ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ¹

Аннотация: В статье представлены результаты историко-географического исследования перевар — территориальных объединений, существовавших на западных окраинах Русского государства — в Торопецком уезде и в Задней Кореле — в конце XV–XVI в. На основе писцовых описаний произведена локализация перевар, выявлены общие черты поселенческой структуры — «гнезда» поселений. Особенностью перевар в Кореле было чересполосное расположение деревень в переварах Сердовольского и Иломанского погостов, не образывавших самостоятельных анклавов. Выявленные пространственные особенности позволяют предполагать, что население перевар было занято в промыслах (в случае Торопца — в бортном) еще в домосковский период (для Торопца — литовский, для Корелы — новгородский) и являлось частью служебной организации великокняжеского хозяйства. После вхождения Торопца и Новгородской земли в состав Московского государства деление на перевары некоторое время сохранялось. В Торопце оно постепенно исчезает несколько раньше в связи с развитием поместного землевладения и разрушением традиционной поселенческой структуры, в Задней Кореле — вероятно, с формированием новой территориально-административной структуры в составе Шведского государства.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-28-01089).

Ключевые слова: перевара, погост, волость, уезд, деревня, сельское расселение, писцовые книги

В XVI–XVII веках в Московском государстве, по мере расширения его территории, складывалась более или менее единая система административного деления. Основными территориальными единицами были уезды, волости и станы. В то же время, существовали и другие виды территориальных единиц. В Новгородской земле это были погосты-округа, а также волостки, объединявшие земли, принадлежавшие одному владельцу в период независимости Новгорода. На западной окраине Русского государства, в Торопецком уезде, в Деревской и Водской пятинах Новгородской земли письменные источники конца XV–XVI в. зафиксировали перевары — специфические территориальные объединения, природа возникновения которых и смысл фиксации в писцовых описаниях остаются не вполне ясными.

В настоящей статье представлены результаты историко-географического изучения перевар Торопецкого уезда и Водской пятины на основе подробных писцовых описаний, сохранившихся для этих территорий. Локализация перевар была произведена с применением ГИС-технологий².

Переварам как территориальным единицам уделялось относительно мало внимания в научной литературе. На основе писцовой книги Водской пятины рубежа XV–XVI столетий они трактовались Г.А. Тихомировым как территориальная единица, крестьяне которой вместе несут дань великому князю и все пошлыны княжескому наместнику. Название этой единице могло дать медо- и пивоварение, но для конца XV в. перевары имели уже другое значение. В переварах доходом облагался двор, а не земля или количество людей³. А.М. Гневушев рассматривал их как податные хозяйственные единицы, с которых в пользу владельца шел определенный налог⁴.

² Подробно методика локализации на примере территории Торопецкого уезда представлена в статье: Степанова, Карпова 2021.

³ Архимандрит Сергей (Тихомиров) 1905: 170.

⁴ Гневушев 1915: 127.

Л.А. Бассальго и В.Л. Янин предположили, что торопецкие перевары XVI века были унаследованы от более раннего периода, когда Торопец находился в составе Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ)⁵. С.З. Черновым были локализованы «вари» — места, где из меда изготавливался хмельной напиток, в московских городских станах⁶.

Перевара трактуется также как крепкий напиток, приготовленный из пива и меда, или количество пива или медового напитка, сваренного за один раз. Медовые дани неоднократно упоминаются в княжеских духовных грамотах и договорах Великого Новгорода с князьями, как Северо-Восточной Руси, так и литовскими. Соответственно, переварами могли называться территориальные единицы хозяйственного происхождения, население которых занималось сбором и переработкой меда. Контроль за этими территориями, вероятно, уже с раннего времени, находился в руках князей⁷.

Перевары Корельского уезда конца XV – начала XVI в. рассматривались также как землевладение крестьянских общин на государственных землях⁸.

В писцовой книге Торопецкого уезда 1540 г. описания перевар содержатся внутри разделов, посвященных отдельным волостям, и включают перечни деревень с указанием размеров сельскохозяйственных угодий и собираемых налогов⁹. Внутри перевар есть указания на дворы бортников и бортные знамена, изображения которых приведены в книге. В целом размещение волостей и основных пунктов перевар Торопецкого уезда было определено Л.А. Бассальго и В.Л. Яниным¹⁰.

Торопецкий уезд на момент описания включал Торопецкую, Старцову, Любутскую, Турскую, Столопенскую, Данковскую, Стрежинскую волости, которые объединяли земли, населенные черносошным крестьянством, а также Казаринскую волость и области на севере уезда, не имеющие четкой

⁵ Бассальго, Янин 1998: 192–193.

⁶ Чернов 2005.

⁷ Подробнее об этом см.: Прыжов 1868: 18–24.

⁸ Жуков 2011: 74.

⁹ Писцовая книга Торопецкого уезда 2004.

¹⁰ Бассальго, Янин 1998.

волостной принадлежности, в которых располагались помещные земли. Соответственно, перевары находились преимущественно в области расселения черносошного крестьянства. Лишь на севере уезда в Замошской и Желинской переварах отмечено помещное землевладение¹¹.

Перевары зафиксированы в Торопецкой, Данковской, Старцевой и Стрежинской волостях Торопецкого уезда (Илл. 1). Торопецкая волость располагалась вокруг самого Торопца и включала в себя обширную территорию, содержащую пять перевар: Порецкую (с приписанной Зимецкой), Збутцкую, Струскую, Торопецкую, Лаширскую и Кудинскую и Меденскую и Язвецкую.

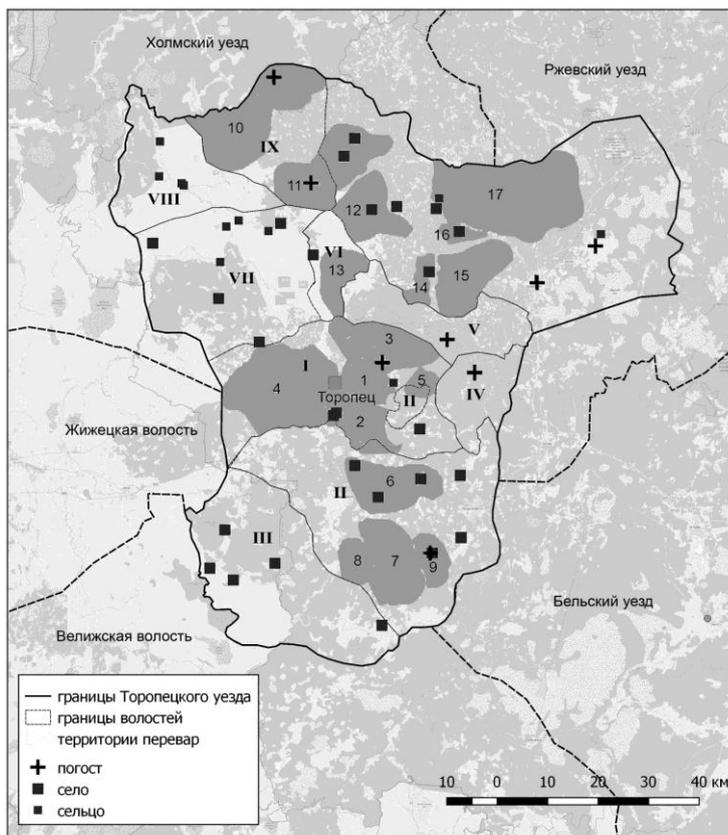
В Данковской волости находилось две перевары — Данковскую и Сережскую. Самой большой переварой Данковской волости являлась Сережская перевара, состоявшая из 72 населенных пунктов и пустошей, 69 дворов, 117 человек. Вероятно, Сережская перевара частично выходила за рамки Данковской волости. В Старцевой волости имелось четыре перевары: часть Зимецкой, Всхонскую, Бенецкую, Соловскую. Неясным остается соотношение Стрежинской перевары с волостным делением. Возможно, Стрежинская перевара образовывала самостоятельную Стрежинскую волость.

На севере уезда располагались Сережская волость или перевара, Замошская, Желинская, Болобинская, Пантелеевская перевары. Их соотношение с волостями здесь не прослеживается, так как в описании северной части уезда отсутствует рубрикация по волостям, на что уже обратили внимание В.Л. Янин и Л.А. Бассальго¹².

Локализация торопецких перевар показала, что они образовывали самостоятельные территориальные анклав. Крупнейшими по территории были Замошская, Збутцкая и Данковская перевары. Наиболее населенной при этом являлась Збутцкая, примыкавшая к Торопцу, в которой насчитывалось 86 поселений и пустошей и 147 дворов. В ней находи-

¹¹ Подробнее см: Карпова, Степанова 2020.

¹² Бассальго, Янин 1998: 193.

Илл. 1

Волости и перевары Торопецкого уезда
по данным писцовой книги 1540 года

Волости: I — Торопецкая, II — Старцова, III — Нежелская, IV — Турская, V — Любутская, VI — Стрежинская, VII — Казаринская, VIII — Столопенская, IX — Данковская

Перевары: 1 — Торопецкая, 2 — Порецкая, 3 — Лаширская и Кудинская и Меденская и Язвецкая, 4 — Збутцкая, 5 — Зимецкая, 6 — Всхонская, 7 — Соловская, 8 — Бенская, 9 — Вережунская, 10 — Данковская, 11 — Серожская, 12 — Желинская, 13 — Стрежинская, 14 — Пантелеевская, 15 — Болобинская, 16 — Лобинская, 17 — Замошская

лось 86 поселений и пустошей, 147 дворов, 195 человек. Самая маленькая перевера — Зимецкая — включала всего три деревни. Однако большинство перевар Торопецкого уезда — территории с численностью населенных пунктов от 20 до 40 в среднем. Есть свидетельства, что в одной и той же деревне могли проживать крестьяне как «переварские», так и не относившиеся к перевару. Например, в Збуцкой переваре в д. Рябцово, состоявшей из четырех дворов, для одного двора имеется уточнение: «а переварских хрестьян»¹³. Волчьи рыбные ловли имелись у волостных и переварских крестьян Стрешинской волости (перевары)¹⁴, что свидетельствует о статусе крестьян перевар, отличном от остальных волостных крестьян.

Бортным промыслом в Торопецком уезде могли заниматься не только жители перевар. Горожане Торопца также владели бортными угодьями. Подтверждением этому служат бортные знамена, принадлежавшие жителям г. Торопца¹⁵. Доказательства похожей практики с охотничьими угодьями обнаруживаются в других землях восточной части ВКЛ, в частности, в Полоцке¹⁶.

Территория чернокунских деревень в рамках перевар была рассмотрена в работах И.А. Черняковой¹⁷ и М.И. Петровой¹⁸. Русские и шведские названия деревень перевар Задней Корелы были сопоставлены И. Ронимусом¹⁹. М.И. Петровой и С.А. Кочкуркиной были локализованы деревни перевар Кирьяжского погоста²⁰.

В писцовой книге Водской пятины 1499/1500 г. описания перевар содержатся внутри рубрик, посвященных погостам Задней Корелы: Кирьяжскому, Сердовольскому и Иломанскому²¹. Эти территории отнесены к фонду земель,

¹³ Писцовая книга Торопецкого уезда 2004: 303.

¹⁴ Писцовая книга Торопецкого уезда 2004: 334.

¹⁵ Писцовая книга Торопецкого уезда 2004: 547.

¹⁶ Дворниченко 1993: 47–48.

¹⁷ Чернякова 1998: 14–15.

¹⁸ Петрова 2020.

¹⁹ Ronimus 1906: 36–44, 115–117.

²⁰ Петрова 2021; Кочкуркина, Петрова 2019.

²¹ Переписная окладная книга 1851: 1–188.

управлявшихся наместниками Корельского уезда. Лишь отдельные деревни находились в совместном владении с монастырями и своеземцами. Ряд деревень в переварах Задней Корелы отмечены как населенные чернокунцами. Еще одна перевара — Свяцкая — находилась в Михайловском Сакульском погосте. К ней в источнике отнесены всего две деревни, находившиеся в статусе оброчных и числившиеся за Мартемьяном Феоктистовым²².

Деревни перевар Водской пятины характеризуются луковым налогообложением. В общей сложности в переварах Задней Корелы насчитывалось 1565 дворов, 2064 человека, 2060 луков²³.

В Кирьяжском погосте насчитывалось девять перевар: Куллаская, Петкольская, Кирьяшская, Островская, Кокольская и Островская, Очелашская, Кезвелашская. К Сердовольскому погосту относились Островская, Рекальская, Лахтинская, Арендежская, Ососькая, Кересюрская, Ундояльская, Лигольская, Вастеевская перевары. К Иломанскому погосту относились Иломанская и Новдлашская перевары.

Соральская и Лапилашская и Сошковская перевары одновременно относились к Кирьяжскому и Иломанскому погостам, Чангольская и Пяльгиярвская — к Иломанскому и Сердовольскому погостам. Как видим, деление на перевары в Карелии не всегда совпадает погостским, как и в Торопце оно не всегда сопрягается с волостным.

И в Торопецком уезде, и в Карелии некоторые перевары имели составное название, например, Лапилашская и Сошковская, Кокольская и Островская перевары Кирьяжского погоста, Лаширская и Кудинская и Меденская и Язвецкая перевара Торопецкой волости. Возможно, ранее эти территории существовали как отдельные единицы, имевшие собственное наименование, а впоследствии были объединены в одну. На более позднее формирование Кокольской и Островской перевары как податного округа, в сравнении с более

²² Переписная окладная книга 1851: 33–34.

²³ Архимандрит Сергей (Тихомиров): 72.

древними Кюлолашской и Островской, и выделение Кокольской перевары из Кюлолашской указала М.И. Петрова²⁴.

Размеры перевар в Карелии, как и в Торопецком уезде, различны. Так, Островская перевара в Сердовольском погосте включала 27 деревень, насчитывавших в общей сложности 182 двора, Новдлашская перевара на Иломанце — всего три деревни и 16 дворов.

На первый взгляд, по сравнению с торопецкими карельские деревни в основном были гораздо крупнее. Если в Торопецком уезде деревни состояли в среднем из 2–3 дворов, в Карелии имелись деревни, насчитывавшие 20–40 и более дворов. 60% деревень насчитывали более 4 дворов.

Однако, такое различие, возможно, связано с тем, как поселенческая структура отражена в источниках. Торопецкая писцовая книга 1540 г. зафиксировала скопления поселений, объединенных общим названием, например, «в Речанех деревня над Торопицою Палки Дмитрова да сына его Ивашка», «в Речанех жо Сергейка Фалелейкова», в Речанех жо Ески Мокеева з братьею»²⁵; «Старина Олферовская Кузмина», «Старина ж Олешковская Якушова», «Старина ж Фофанова»²⁶. Большинство «гнезд» поселений с одинаковыми названиями находится на черных землях Торопецкого уезда. Число населенных пунктов в «гнездах» различно — от 2 до 26. Дворность поселений в «гнездах» на черных землях — в среднем 1,6 двора²⁷. Локализация «гнезд» поселений показала, что в них одно-двудворные деревни размещались в пространственной близости, например, по берегам озера или реки (Илл. 2), образуя компактное обжитое пространство.

В Карелии тоже была распространена «гнездовая» система расселения²⁸. М.В. Витов определил «гнездо» поселений как мелкие деревни, разбросанные небольшими группами на значительном расстоянии друг от друга, разделенные пространствами незаселенной территории. Постоянные патро-

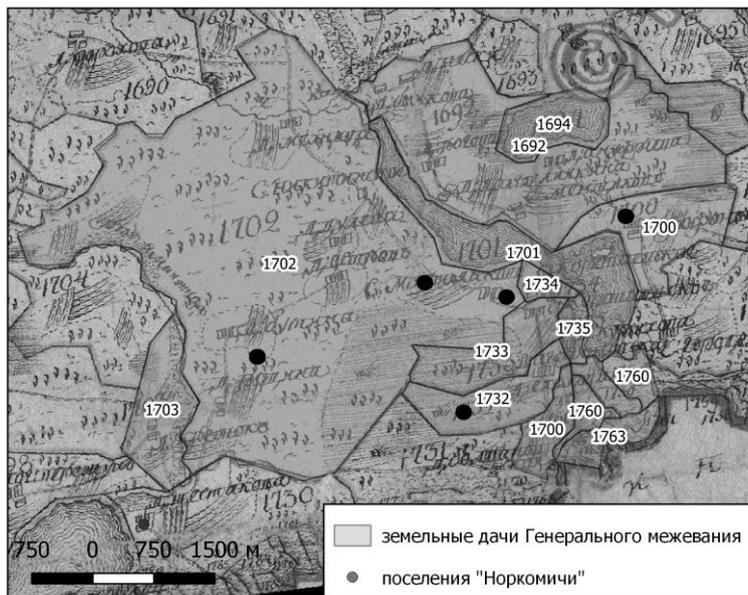
²⁴ Петрова 2020: 139.

²⁵ Писцовая книга Торопецкого уезда: 526.

²⁶ Писцовая книга Торопецкого уезда: 534.

²⁷ Степанова, Карпова 2021.

²⁸ Карелы 1983: 116–117.

Илл. 2

«Гнездо» деревень Норкомичи на одноименном озере в Торопецком уезде, локализованное на основе привязки дач Генерального межевания Торопецкого уезда в GIS: дача 1701 — оз. Вережун (Норкомиче)

нимические гнезда распадаются через отселение отдельных его членов. При этом по замечанию М.В. Витова, вновь выделенные деревни осознают свое семейное единство, что проявляется в сохранении общего названия²⁹.

Таким образом, можно предположить, что «гнезда» поселений в Торопецком уезде в пространственном отношении были сходны с поселенческой структурой Северного Приладожья.

Последовательность описания перевар Карелии в писцово-вой книге соответствует их размещению с запада на восток и северо-восток. Компактное расположение прослеживается для сравнительно небольших Куллаской, Кирьяжской, Пет-

²⁹ Витов 1962: 166–167.

кольской, Островской, Кокольской и Островской, Лапилашской и Сошковской перевар Кирьяжского погоста (Илл. 3).

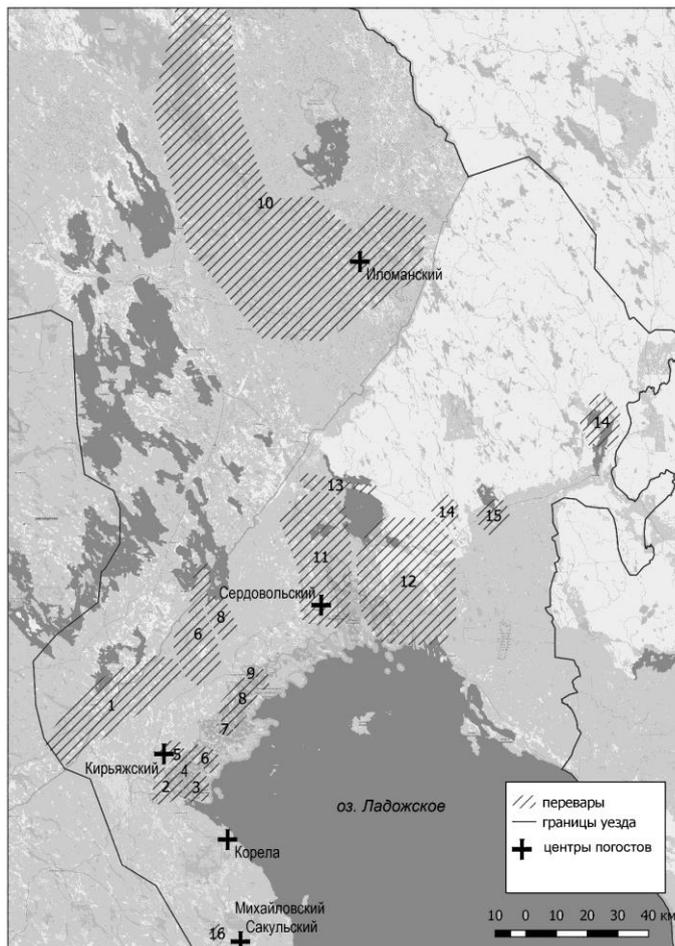
В Сердовольском и Иломанском погостах наблюдается иная картина. Здесь деревни перевар располагались чересполосно и не образовывали единых компактных территорий. Накладывались друг на друга Островская, Вастеевская, Кересюрская, Лигольская перевары. Так же чересполосно размещались деревни Лахтинской, Рекальской, Арденжской, Ундояльской перевар. Кроме того, иногда один и тот же населенный пункт относился к нескольким переварам. Например, дворы д. Гелюля (Хелюля) относились к Лахтинской, Лигольской и Чангольской переварам; д. Кересюрья — к Рекальской, Островской и Кересюрской переварам. Дворы в Лексе, на северо-востоке уезда, относились к Иломанской, Чангольской и Пяльгиарвской переварам и т.д. (Илл. 4).

Следует отметить также, что иногда к одной переваре отнесены деревни, находившиеся на огромном расстоянии друг от друга (иногда более 100 км). Так, к одной (Пяльгиарвской) переваре отнесены дворы в Лексе в Иломанском погосте и д. Сулакша, находившаяся на берегу Ладожского озера в Сердовольском погосте.

Таким образом, перевары Сердовольского и Иломанского погостов не образовывали единых компактных территорий. Чересполосное расположение деревень было характерно не только для перевар, но и в целом для погостов Карелии³⁰. В то же время, названия перевар, вероятно, свидетельствуют о наличии центров перевар, находившихся в соответствующих деревнях, однако не все эти центры достоверно локализируются.

Итак, в территориальном отношении перевары в Сердовольском и Иломанском погостах обладают своеобразием, отличаясь от торопецких и кирьяжских. Выявленные пространственные особенности позволяют понять цели составителей описаний, зафиксировавших отношение деревень к переварам, и природу последних в конце XV – первой половине XVI века.

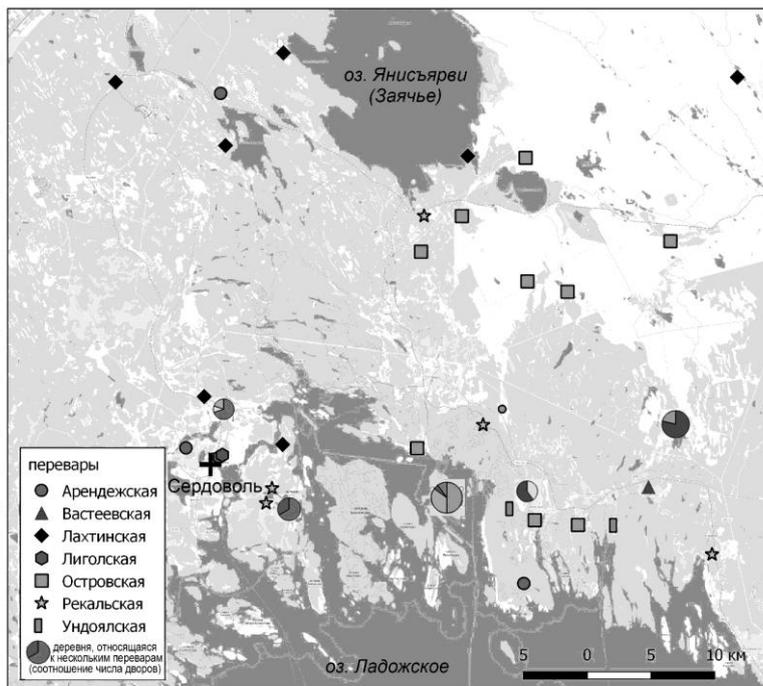
³⁰ Жуков 2011: 76.

Илл. 3

Перевары в погостах Задней Корелы
по данным писцовой книги 1499/1500 г.

1 — Кокольская и Островская, 2 — Куллаская, 3 — Островская в Кирьяжском погосте, 4 — Петкольская, 5 — Кирьяшская, 6 — Лапилашская и Сошковская, 7 — Кезвелашская, 8 — Соральская, 9 — Очелашская, 10 — Иломанская и Чангольская, 11 — Лахтинская, Рекальская, Ардендежская, Ундояльская, 12 — Островская Сердовольского погоста, Вастеевская, Кересьбрьская, Лиголская, 13 — Пяльгизерская, 14 — Лахтинская, 15 — Островская Сердовольского погоста, 16 — Свяцкая Михайловского Сакульского погоста

Илл. 4

Чересполосное расположение деревень
в переварах Сердовольского погоста

Как уже отмечалось в историографии, перевары были связаны с промысловым хозяйством, прежде всего, бортничеством. Перевары также были связаны с княжеским хозяйством. Кроме того, население ряда перевар Задней Корелы (Кересюрской, Ундояльской, Лигольской, Новдлашской, Иломанской, Чангольской, Пяльгиярвской) отнесено в писцовом описании к чернокунцам. В историографии чернокунство трактуется как сбор пушниной, поступавший в Литву (к ней до начала XVI в. относился и Торопец) согласно новгородско-литовским соглашениям, а феномен чернокунства рассматривается как остатки служебной организации, обслуживавшей великокняжеское хозяйство, известной по материалам

Восточной Европы³¹. Кроме того, на землях чернокунцев в Деревской пятине Новгородской земли прослежены специфические формы территориальной организации — «гнезда» поселений, аналогичные существовавшим в Торопецком уезде (как отмечалось выше, возможно, подобная система была и в переварах Задней Корелы). В описании волости Березовец чернокунцев Деревской пятины упоминаются и перевары. Приведенные факты и характеристики позволяют считать перевары, зафиксированные в Торопецком уезде и Задней Кореле источниками конца XV–XVI в., территориальными объединениями населения, вовлеченного в промысловое хозяйство. В Торопецкой земле это было, прежде всего, бортное хозяйство. В Задней Кореле это могли быть иные виды промысловой деятельности — рыболовство, охота на пушного зверя³², но нельзя исключить и бортничество и приготовление медовых напитков и пива³³. Пиво входило в состав натуральных платежей, взимавшихся с крестьян Корельского уезда на рубеже XV–XVI вв.³⁴, однако в контексте описания перевар оно упоминается лишь для описания дохода с крестьян Свяцкой перевары Михайловского Сакульского погоста³⁵. Вероятно, население в переварах Корелы сохраняло свой специфический податный статус, о чем свидетельствует чересполосное размещение деревень перевар. В Торопецкой земле какой-то особый податный статус жителей перевар практически не отражен в источниках. Поэтому можно заключить, что торопецкие перевары к середине XVI в. выступали преимущественно как территориальные объединения.

Очевидно, что перевары и в Торопце, и в Кореле были связаны с великокняжеским хозяйством в ВКЛ и Новгородской земле и восходят к домосковскому периоду. Вероятно, их можно рассматривать как остатки служебной организации, как и чернокунство. После вхождения в состав Московского государства население перевар Задней Корелы про-

³¹ Подробнее об этом: Флоря 1987; Фролов 2013б.

³² Кочуркина, Петрова 2019: 17.

³³ Архимандрит Сергей (Тихомиров) 1905: 141.

³⁴ Переписная окладная книга 1851; Чернякова 1998: 19–20.

³⁵ Переписная окладная книга 1851: 34.

должало обслуживать хозяйство наместников. Актуальность деления на перевары в Торопце, вероятно, свидетельствует о сохранении этого хозяйства и здесь.

В Торопецком уезде постепенное разрушение перевар и их специфической поселенческой структуры, вероятно, шло уже в первой половине XVI века. Прежде всего, оно было связано с поместными раздачами в уезде. Торопецкая писцовая книга упоминает небольшие доли поместного землевладения в переварах. «Гнездовая» система расселения на поместных землях размывалась: внутри поместий чаще встречаются поселения с индивидуальными названиями и более крупного размера. Аналогичные процессы отмечены в то же время в соседних волостях Деревской пятины Новгородской земли³⁶.

Писцовая книга 1540 г. отразила упадок бортных угодий. Источник указывает на запустевшие деревни в составе перевар. Например, в Старцовой волости в «гнезде» поселений у оз. Норкомичи в с. Норкомичи было семь населенных дворов и четыре пустых двора, за которыми числилось три бортных «знамени». В д. Норкомичи из четырех дворов три были пустыми, еще в двух деревнях зафиксированы одно и два пустых дворовых места³⁷. В с. Прилуки Нежелской волости, жители которого имели четыре «знамени» в бортном лесу, на 10 тяглых жилых дворов приходилось 11 пустых дворовых мест³⁸. Исчезновение поселений бортников отражают более поздние источники. Так в 1580-х гг. оброк с бортного леса собирался только с одной волости Торопецкого уезда³⁹.

Описание 1620-х гг. упоминает на территории Торопецкого уезда лишь три перевары: Столопенскую, Желинскую и Лобенскую. Бывшие перевары образовали новые волости: Избудецкую, Порецкую, Струскую. Поселения бортников в писцовой книге 1627–1631 гг. вообще не упоминаются⁴⁰. Вероятно, деление на перевары в Торопце в XVII в. почти утра-

³⁶ Фролов 2013а: 153-201.

³⁷ Писцовая книга Торопецкого уезда 2004: 577–578.

³⁸ Писцовая книга Торопецкого уезда 2004: 546.

³⁹ Побойнин 1902: 63.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 888, № 8156.

тило свой первоначальный смысл и превратилось в топонимическое обозначение.

Волостная структура в Карелии менялась на протяжении XVI века. Появлялись новые приходы внутри старых погостов⁴¹. Однако, перевары Задней Корелы продолжали существовать во второй половине XVI в., хотя обыск 1571 г. и отразил запустение ряда деревень, связанное с опричным и «немецким» разорением⁴². Очевидно, что деление на перевары и специфика хозяйства в них сохранялись в Кореле несколько дольше, чем в Торопце. Однако, шведская административно-территориальная система, сформировавшееся в Карелии в конце XVI в., уже не учитывала деление на перевары⁴³.

Сходная территориальная организация, происхождение которой связано с промысловым деятельностью и княжеских хозяйством, существовала не только на западных, но и на юго-восточных окраинах Московского государства — в мордовских землях. Здесь источники XVII в. зафиксировали беляки — территориальные единицы, население которых, подобно торопецким, занималось бортничеством. В историографии представлены различные интерпретации беляка, в том числе как территории, принадлежавшей тому или иному татарскому или мордовскому князю⁴⁴, как налогового (ясачного, податного) округа⁴⁵. По мнению А.В. Белякова, мордва XVII в. в правовом смысле была сходна с черносошными крестьянами Русского Севера⁴⁶.

Сравнительный анализ рассмотренных окраинных территорий Русского государства позволит более детально охарактеризовать специфику их поселенческой структуры и более четко выявить черты, унаследованные от предшествующих этапов развития.

⁴¹ Жуков 2011: 75.

⁴² Самоквасов 1909: 57-59.

⁴³ Жуков 2011: 78.

⁴⁴ Смирнов 1895.

⁴⁵ Гераклитов 1926; Гераклитов 2011; Ямушкин 1963.

⁴⁶ Беляков 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архимандрит Сергей (Тихомиров) 1905 — *Архимандрит Сергей (Тихомиров)*. Черты церковно-приходского и монастырского быта в Писцовой Книге Водковской пятины 1500 года (в связи с общими условиями жизни). СПб., 1905.
- Бассалыго, Янин 1998 — *Бассалыго Л.А., Янин В.Л.* Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // *Янин В.Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 104–214.
- Беляков 2016 — *Беляков А.В.* Восточная Мещера рубежа XVI–XVII вв. Специфика расселения и хозяйственной деятельности татар и мордвы // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2016. № 1. С. 65–72.
- Витов 1962 — *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Герасимов 1926 — *Герасимов А.А.* Саратовская мордва: к истории мордовской колонизации в Саратовском крае. Саратов, 1926.
- Герасимов 2011 — *Герасимов А.А.* Мордовский «беляк» // *Герасимов А.А.* Избранное. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 64 – 76.
- Гневушев 1926 — *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1: Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 г. Ч. 1.
- Дворниченко 1993 — *Дворниченко А.Ю.* Русские земли великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
- Жуков 2011 — *Жуков А.Ю.* Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 72–79.
- Карелы 1983 — Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.
- Карпова, Степанова 2020 — *Карпова М.В., Степанова Ю.В.* Историко-географическое исследование Торопецкого уезда XVI в. с применением геоинформационных технологий // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. М., 2020. С. 278–284.

- Кочуркина, Петрова 2019 — *Кочуркина С.И., Петрова М.И.* Археология и история Кирьяжского погоста. Формирование поселенческой структуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 11–18.
- Переписная окладная книга 1851 — Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. 7008 // Временник Московского Общества истории и древностей Российских. М., 1851. С. 1–188.
- Петрова 2020 — *Петрова М.И.* Чернокунские волости Кирьяжского погоста Корельского уезда к концу XV в. // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2020. Вып. 16. С. 111–126.
- Петрова 2021 — *Петрова М.И.* Монастыри Карелии в Кирьяжском погосте к концу XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1(83). С. 26–45.
- Писцовая книга Торопецкого уезда 2004 — Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // Писцовые книги Новгородской земли. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530-х – 1540-х гг. / Сост. К.В. Баранов. С. 501–682.
- Побойнин 1902 — *Побойнин И.И.* Торопецкая старина: исторические очерки г. Торопца с древнейших времен до конца XVII в. М., 1902.
- Прыжов 1868 — *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб., М., 1868.
- Самоквасов 1909 — *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. II.
- Смирнов 1895 — *Смирнов И.Н.* Мордва: Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
- Степанова, Карпова 2021 — *Степанова Ю.В., Карпова М.В.* «Гнездовая» система расселения в Торопецком уезде по данным писцовой книги 1540 г. // Исторический журнал: научные исследования. 2021. № 5. С. 52–72.
- Флоря 1987 — *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» у восточных славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 142–151.
- Фролов 2013а — *Фролов А.А.* Волости Буйцы и Лопастницы: опыт соотнесения топонимов обыскной книги 1562 г. со сведениями письма 1495–1496 гг. и проблема «домосковского» земельного кадастра // Очерки феодальной России / Ред. С.Н. Кистев. М.; СПб., 2013. С. 153–201.

- Фролов 2013б — *Фролов А. А.* Феномен «чернокунства» новгородско-литовских соглашений XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 143–144.
- Чернов 2005 — *Чернов С.З.* Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы (Акты Московской Руси. Микрорегиональные исследования. Т. 2) / Отв. ред. В.Л. Янин, В.Д. Назаров. М., 2005 (Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. В 3-х тт. Т. 2).
- Чернякова 1998 — *Чернякова И.А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998.
- Ямушкин 1963 — *Ямушкин В.П.* О ясаке и мордовском беляке // Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (МНИИЯЛИЭ). 1963. № 24. С. 100–115.
- Ronimus 1906 — *Ronimus J.V.* Novgorodin Vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalan silloinen asutus. Kirjoittanut // Historiallinen Arkisto. Joensuussa, 1906. P. 1–135.

Н.Л. Конюшихина

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ В ИСПАНИИ В XVI ВЕКЕ

Аннотация: В статье дается краткий обзор трех корпусов документов эпохи первых испанских Габсбургов, относящихся к земельным описаниям: «Итинерарий» Фернандо Колумба (1517–1523), «Топографические донесения Филиппа II» (1574–1581) и ценз 1591–1594 годов. При их сравнении учитываются следующие параметры: географический охват, цели создания, авторство, организационная сторона дела, процесс составления и сообщаемые сведения. Несмотря на различия в форме и содержании, все три инициативы преследовали одну общую цель — получить достоверную информацию о территории для осуществления более эффективного управления. Три рассмотренных памятника свидетельствуют о государственном запросе на выработку инструмента для получения сведений о разных сторонах жизни испанского общества. Необходимость в той или иной информации обуславливала разные методы ее сбора и организации, будь то ценз, анкетирование или топографические заметки о местности. Наиболее успешными в плане реализации оказались проекты, преследовавшие фискальные цели, поскольку они напрямую затрагивали интересы государства.

Ключевые слова: Испания XVI века, Корона Кастилии, «Итинерарий» Фернандо Колумба, «Топографические донесения Филиппа II», ценз 1591–1594 гг., территория, населенные пункты

В XVI столетии Испания превратилась в одну из самых могущественных держав в мире, объединив под властью Габсбургов обширные территории в Старом и Новом Свете. В связи с необходимостью обеспечения контроля над ними

возрастала потребность в более эффективном управлении. Это касалось не только заморских владений, но и земель метрополии, не имевших внутреннего единства: каждое королевство обладало собственным территориально-административным делением, своими фуэро и законами, своей налоговой системой и органами местного управления. Для унификации управления разрозненными территориями власть остро нуждалась в достоверных географических, статистических, экономических и других сведениях о стране. Эта потребность в информации обусловила появление всякого рода инициатив по сбору социоэкономических (и не только) данных, нашедших самое разнообразное воплощение. Речь идет об итинерариях, сообщениях, донесениях, цензах, описях, переписях, реестрах, кадастрах и других источниках схожего типа, которые в той или иной степени можно отнести к описаниям земель.

В данной статье мы рассмотрим некоторые из начинаний, которые были предприняты в этом направлении испанскими Габсбургами. Поскольку цензов по учету тех или иных статистических параметров в разных частях испанской монархии было великое множество¹, охватить их все не представляется возможным. Наша выборка ограничена только теми земельными описаниями, которые соответствуют сле-

¹ В отдельных населенных пунктах в разные годы XVI в. специальными людьми составлялись так называемые *averiguaciones* (от исп. *averiguar* — выяснять, удостоверять, расследовать) — своеобразные справки о количестве населения. Бытовали также *memoriales* (памятные записки) — списки округов (или других единиц), на которые делилась территория в определенный момент. Каждый округ (или другая единица) включал(а) список населенных пунктов, которые в него (нее) входили; *vecindario* (реестр жителей) — прототип ценза, в котором приводились города с количеством жителей, согласно административно-территориальному делению; *relaciones* (сообщения) — описания самого разного характера, зачастую содержащие сведения о населении; *conteos* (учетные данные) и *estimados* (оценочные данные) — локальные подсчеты населения. Довольно часто цензы составлялись на определенных территориях (на землях военных орденов, толедского архиепископа или диоцезов). В них учитывались лишь какие-то отдельные социальные группы.

дующим критериям: всеохватность и полнота, хорошая сохранность и доступность для исследователя, государственный масштаб предприятия. Исходя из заданных условий, локальные описи, которые создавались для определенных хозяйственно-административных нужд по инициативе отдельных лиц, нами не рассматривались, так же как и очень ограниченные по территориальному охвату сообщения цензового характера. Более того, вне фокуса нашего внимания остались документы, содержащие очень большие лакуны, нарушающие целостность восприятия и не дающие общей картины. Кроме того, мы не анализировали картографический и иллюстративный материал, а также труды по исторической и географической мысли того времени². Хотя многие из них включали пространные земельные описания, они задумывались совершенно с иными целями и несли на себе слишком большой авторский отпечаток.

Вышеизложенным критериям соответствуют три корпуса документов: «Итинерарий» Фернандо Колумба (1517–1523 гг.), «Топографические донесения Филиппа II» (1574–1581 гг.) и ценз 1591–1594 годов. Стоит отметить, что не все из них являются источниками хозяйственного значения. Так, к инвентарю в строгом смысле слова можно отнести только перепись 1591–1594 гг., в которой впервые были учтены практически все категории населения, а не только податное сословие. В свою очередь, «Итинерарий» представляет собой перечень топонимов с указанием расстояний до ближайших населенных пунктов и краткими топографическими сведениями. «Донесения» идейно близки к труду Фернандо Колумба, поскольку они также состоят из описаний населенных пунктов Испании, однако информация, содержащаяся в них, несопоставима по объему с небольшими заметками сына адмирала. Речь идет о развернутых ответах респондентов, назначенных из числа наиболее авторитетных жителей испанских населенных пунктов, на королевскую анкету в редакци-

² См., например: Atlas de El Escorial. Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial. Ms. K-I-1; Kagan 2008; Morales 2012; Ocampo 2015; Medina 1944.

ях 1575 года (57 вопросов) и 1578 года (45 вопросов)³. «Донесения» являются исчерпывающим источником сведений по самым разным аспектам жизни испанского общества во второй половине XVI века, своеобразной «энциклопедией» испанской жизни эпохи Филиппа II. Именно из-за масштабности и не очень ясных целей создания их очень сложно отнести к какому-то определенному типу источников. На настоящий момент версия о фискальной природе этого памятника не пользуется большой популярностью среди научного сообщества. Скорее, они рассматриваются в русле географических и историографических проектов короны⁴. Несмотря на различия в форме и содержании, все три инициативы Габсбургов преследовали одну общую цель — получить достоверную информацию о подвластных им территориях.

Географически анализируемые источники охватывают, прежде всего, земли Короны Кастилии. Лишь в «Итинерарии» можно найти несколько упоминаний о населенных пунктах королевств Арагона и Валенсии и княжества Каталонии, входивших в состав Короны Арагона, а также о паре португальских городков. Изначально Фернандо Колумб планировал описать весь Пиренейский полуостров, не ограничиваясь лишь территориями Короны Кастилии. Однако из-за плохой сохранности документа из 6 682 сделанных им записей до нас дошли только 4280. Тем самым, 2400 топонимов с описаниями, среди которых могли быть населенные пункты Арагонской Короны или Португалии, утеряны⁵. Несмотря на эти лакуны, имеющиеся в нашем распоряжении сведения довольно многочисленны и дают представление об очень значительных территориях. В «Итинерарии» представлены преимущественно Старая и Новая Кастилия, Эстремадура, Страна Басков и Андалусия. Меньше данных приводится по северным регионам Короны Кастилии (Кантабрии, Галисии и Астурии). Сочинение Фернандо Колумба впервые было опубликовано

³ См. перевод анкет: Конюшихина 2021.

⁴ Alvar Ezquerro 2010: 79-98; Alvar Ezquerro 1992a; Arroyo Ilera 1998a; Arroyo Ilera 1998b.

⁵ Цифру в 2400 утерянных топонимов и их описаний приводит Аренас Фрутос: Arenas Frutos 1988: 65.

А. Бласкесом в трех томах в 1908–1915 гг.⁶ и позднее переиздано в 1988 г.⁷ под названием «Описание и космография Испании».

Сходным образом, и в отношении «Донесений» планы были шире, нежели то воплощение, которое они в итоге получили. В Мемориале от 26 октября 1583 года (когда все дошедшие до нас «Донесения» были собраны) Хуан Лопес де Веласко, космограф-хронист Индий, писал о необходимости продолжить их сбор по другим регионам Испании, для чего он предложил создать специальные советы, в том числе для территорий Арагона и Португалии⁸. Однако никаких ответов от этих регионов получено не было. И здесь, в отличие от «Итинерария», не вопрос сохранности выходит на первый план, а, скорее, свертывание деятельности по сбору ответов. Без сомнения, какие-то отдельные «Донесения» могли быть утрачены, однако не в массовом порядке. Так, поиск гипотетически утерянных документов в рамках государственной архивной политики в 1840 году, не дал результатов: новых «Донесений» найдено не было⁹. Наиболее полно ответы респондентов охватывают территорию Новой Кастилии с провинциями Мадрида, Толедо, Сьюдад Реалья, Куэнки, Гвадалахары. И лишь совсем небольшая часть (около 12% от общего числа) приходится на Саламанку, Эстремадуру, Альбасете, Аликанте, Хаэн и Мурсию. Всего в распоряжении исследователей имеется 721 «Донесение». Все они практически полностью были транскрибированы и опубликованы с 1903 по 2014 год, согласно делению на провинции, актуальному на момент их издания¹⁰.

Ценз 1591–1594 гг. представляет собой наиболее полный для XVI века регистр, содержащий сведения о населении и административно-территориальном делении Короны Кастилии за исключением ее баскских территорий (Алавы, Ги-

⁶ Colón 1910; Colón 1908; Colón 1915.

⁷ Colón 1988.

⁸ Мемориал 1583 года опубликован А. Альваром Эскеррой в книге: Alvar Ezquerro 1993a: 38.

⁹ Campos y Fernández de Sevilla 1986: 8 (сноска 60).

¹⁰ Конюшихина 2017.

пускуи, Бескайи), а также королевств Наварры и Гранады (которые к тому времени уже стали ее составной частью). В общей сложности он включает информацию о приблизительно 1340000 «весино»¹¹, 12 тысячах населенных пунктах и 39 провинциях¹². Для XVI века это единственный ценз столь широкого масштаба. Впервые он был опубликован в 1829 году Т. Гонсалесом¹³. В 1984 году новое расширенное издание с другим принципом подачи материала подготовил Национальный институт статистики с вступительным комментарием А. Молинье Бертран¹⁴. Структура манускрипта строится на основе деления на провинции, каждая из которых рассматривается отдельно. Сначала приводятся общие данные о населении по административным или территориальным единицам, входящим в провинцию, а также некоторым территориям, которые с ними не соотносятся (исп. *relación por mayor*). Затем они даются в более развернутом виде уже по населенным пунктам, попадающим конкретно в эти административные или территориальные единицы (исп. *relación por menor*). Далее следуют списки монастырей с указанием числа монахов и монахинь и религиозных орденов, к которым они принадлежат (исп. *relación de monasterios*). Если в провинции сравнительно небольшое количество населенных пунктов, то какой-то из этапов описания пропускается, и вместо трехчастной структуры документ может иметь одночастную или двухчастную (исп. *relaciones de pueblos*). Издание

¹¹ Весино (исп. *vecino* — житель, сосед) — «дома» или «домохозяйства». В зависимости от местности полноценного «весино» определяли по-разному. Так, в одних случаях вдовы и неженатые приравнивались к половине «весино», в других — считались за одного. Иногда три несовершеннолетних шли за одного «весино», в иных случаях — четыре. В некоторых местах клир попадал под категорию «весино», в других — нет. В связи с этим возникают трудности в подсчете населения. В XIX в. Паскуаль Мадос предложил использовать коэффициент 5 для расчета численности населения, однако современные исследователи считают его завышенным. В целом, большинство ученых ориентируются на коэффициенты 4,75; 4,5 или 4. См.: Camacho Cabello 1996: 171.

¹² См. подробнее: Ulloa 1977: 10.

¹³ González 1829.

¹⁴ Instituto Nacional de Estadística 1984.

Национального института статистики сильнее приближено к оригиналу, поскольку в нем учтены все данные ценза, тогда как Т. Гонсалес опубликовал только те сведения, которые касаются общей информации о населении (исп. *relación por mayor*)¹⁵.

Инициатором всех трех начинаний было государство. И если в отношении «Донесений» и ценза нельзя назвать какого-то одного человека, ответственного за их реализацию, то в случае «Итинерария» это был вышеупомянутый Фернандо Колумб. Для осуществления королевского замысла он предпринимал поездки в разные части Испании, во время которых вел записи. Именно они и составили дошедший до нас корпус «Итинерария». Стоит отметить, что Фернандо Колумбу удалось воплотить в жизнь лишь малую часть из того, что он задумывал. По сути, он лишь успел собрать данные для своей основной цели — топографического словаря всей Испании, который так никогда и не был составлен. Помимо словаря, в его изначальные планы входило создание топографической карты страны. По свидетельству Хуана Переса, его библиотекаря, Фернандо Колумб «имел намерение составить космографию Испании и в ней должен был описать все особенное и примечательное, что есть в Испании»¹⁶, а также «объединить в этом труде все рисунки или изображения, которые возможно было найти» для «лучшего чтения»¹⁷. С этой целью «нужно было отправить во все концы Испании людей, которые бы собирали информацию о числе жителей и обо всем остальном, что там имелось достойного памяти». Собранную же информацию должны были подтверждать «писцы и люди, заслуживающие доверия»¹⁸.

Как видно, в организационном плане реализация топографического проекта Колумба требовала государственного участия и использования властных ресурсов: сын кардинала нуждался в целой команде помощников и специалистов разного профиля, сопроводительных письмах к представителям

¹⁵García España 1984: 41.

¹⁶ Marín Martínez 1970: 47.

¹⁷ Marín Martínez 1970: 49.

¹⁸ Marín Martínez 1970: 47.

местной администрации, серьезной финансовой поддержке. Всем этим он обладал до 13 июня 1523 года, когда вышел указ совета Вальядолида, отменявший дарованные ему и его людям полномочия для сбора необходимой информации, после чего его деятельность была прекращена¹⁹. В испанской историографии дается несколько интерпретаций данного запрета, которые в основном сводятся к трудностям, связанным с осуществлением столь масштабного предприятия²⁰, и намерениям Карла V привлечь Фернандо Колумба к участию в 1524 году в «совещании в Бадахосе» для измерения долготы Филиппинских и Молуккских островов²¹. Однако выдвинутые аргументы оставляют ряд вопросов. Во-первых, любые королевские мероприятия по описанию земель были сопряжены с финансовыми затратами и организационными трудностями. Во-вторых, ничего не мешало Карлу V позволить Колумбу вернуться к работе над топографическим словарем после совещания в Бадахосе. Тем не менее, этого не произошло. Наоборот, в указе использовалась формулировка «ни сейчас, ни потом», которая исключала возможность продолжения его работы над своим проектом в будущем.

В этой связи нам представляется наиболее интересной версия издателя «Итинерария» А. Бласкеса. По его мнению, Карл V рассматривал сочинение Колумба, прежде всего, как документ государственного характера, а не авторский текст. Для получения необходимых статистических сведений король мог обратиться непосредственно к представителям власти на местах, а не Фернандо Колумбу, который, кроме того, не занимал никакого официального государственного поста²². Не являясь чиновником, он не мог осуществлять подобного рода деятельность. На наш взгляд, этот запрет не означал, что Карл V отказался от идеи получения данных о своих владениях, скорее, его не устраивал формат, при котором их сбор оказался в руках одного человека с группой помощников.

¹⁹ Castillo 1898: 193; Fernández Duro 1899.

²⁰ Marín Martínez 1970: 167.

²¹ Marín Martínez 1970: 170; Reguera Rodríguez 2010: 127.

²² Blázquez 1904: 10.

Примечательно, что через пять лет после вальядолидского указа началась работа по составлению первого общего ценза для территорий, входящих в Корону Кастилии (исп. *Recuento de población*). Закончен он был в 1536 году, а в 1541 пересмотрен (поэтому он также известен как ценз 1541 года). В данной статье мы не будем подробно на нем останавливаться, а лишь коснемся нескольких общих моментов. Ценз распространялся на земли королевств Кастилии, Леона, Галисии, Толедо, Мурсии, двух фискальных провинций Эстремадуры (Трухильо и провинцию Леон ордена Сантьяго), а также королевств Андалусии — Севилью, Кордову и Хаэн. Баскские земли и королевство Гранада не были в него включены²³. Таким образом, речь идет практически о тех же самых территориях, что были охвачены реестром 1591–1594 гг., однако в отличие от более позднего ценза здесь учитывались только «весино печеро» (исп. *vecino pechero* — налогоплательщики), поскольку идальго (дворяне) и представители церкви освобождались от уплаты налогов, установленных кортесами за исключением некоторых провинций (Мадрид, Сория, Оканья, Кампо де Монтбель и округа Алькарас). Этот ценз был составлен для получения фискальной информации о налогоплательщиках для последующего распределения между ними нового налога, который планировал ввести Карл V на все возрастающие нужды государства (исп. *servicio de su majestad*). Так же как и ценз 1591–1594 гг., он был составлен исходя из деления на провинции. Королевскую администрацию интересовали следующие вопросы: статус населенного пункта, общее число «весино печеро» за исключением вдов, несовершеннолетних детей и неимущих, сколько и какие налоги они платят, основные продукты сельского хозяйства и животноводства, наличие имущества в других местах, занятия, приносящие доход местным жителям, увеличение или сокращение населения и частных владений (исп. *hacienda*)²⁴. Примечательно, что некоторые из этих во-

²³ Carretero Zamora 2008: 428.

²⁴ Carretero Zamora 2008: 84.

просов позднее встретятся в опросниках для «Топографических донесений».

Анкета 1575 года рассылалась вместе с королевским письмом, инструкцией и памятной запиской по составлению донесения. В сопровождающих документах сообщалось и о целях получения необходимых сведений. Так, в письме говорилось об отсутствии подробного описания испанских королевств, «подобающего их величию и достоинству», а в инструкции и памятной записке — о том, что донесения «должны быть сделаны и посланы Его Величеству для составления Описания и Истории испанских городов и селений» «для славы и возвышения этих королевств»²⁵. В более поздней редакции 1578 года уточнялось, что корона, отправляя новую версию анкеты, не имела «какого-либо другого умысла, кроме как узнать о всем значительном и примечательном, чем селения могут гордиться для написания их истории»²⁶, тем самым пытаясь убедить адресатов в отсутствии фискальных притязаний со стороны монархии.

Деятельность по отправке опросников на места и получению ответов предполагала активное вовлечение государственных служащих в этот процесс. Свой окончательный вид анкета 1575 года приобрела благодаря совместным усилиям картографов и хронистов, среди которых особая роль принадлежала Лопесу де Веласко и Амбросио де Моралес. Ответственность за ее распространение лежала на королевских секретарях, а за процесс составления донесения и его обратную отправку отвечали местные власти. Механизм отправки документов выглядел следующим образом: сначала королевское письмо, напечатанная анкета, инструкция и памятная записка рассылались коррехидорам или губернаторам — представителям короля в наиболее крупных городах, которые затем отправляли их представителям местной власти — ординарным алькальдам, рехидорам или иным должностным лицам, составлявшим верхушку муниципального управления и возглавлявшим местные консехо (исп. *consejo* — со-

²⁵ Конюшихина 2021: 96, 98.

²⁶ Конюшихина 2021: 88.

вет) (при отсутствии коррехидора и губернатора или совмещении должностей — сразу верхушке муниципальной администрации). Те, после составления общего списка населенных пунктов, как подвластных, так и не подвластных их юрисдикции, собирали консехо и назначали двух или более «сведущих и интересующихся делами своего селения жителей» для дачи свидетельства. Стоит особо подчеркнуть тот факт, что в «Донесениях» содержится информация, полученная практически из первых уст в отличие от «Итинерария» и цензов, содержащих в основном сведения, предоставленные местными властями. Готовое донесение вместе с анкетой отправлялось обратно по такому же пути, по которому была прислана анкета, на имя королевского секретаря Хуана Васкеса де Саласар²⁷.

Процесс составления донесения, таким образом, во многом зависел от местных властей, поскольку именно они интерпретировали королевские указания, собирали консехо для совместного выбора респондентов или назначали их самостоятельно, а нередко и сами отвечали на вопросы анкеты, организовывали работу писца. За невыполнение королевского предписания предполагался штраф в размере от 10 до 50 тысяч мараведи, однако вряд ли он взимался, учитывая то, сколько селений не ответило на анкету 1575 года. Король не имел рычагов прямого воздействия на селения, поскольку все издержки, которые могли возникнуть при создании «Донесений», несли сами населенные пункты. Многие из них медлили с ответами, поскольку не верили в искренность намерений центральной власти, видя в анкете потенциальную угрозу и властный инструмент для получения информации фискального характера. Принимая во внимание это обстоятельство, в редакцию 1578 были внесены изменения. Отныне стали назначать специальных уполномоченных, задача которых заключалась в том, чтобы проследить, в каких населенных пунктах уже были составлены донесения, а какие должны были получить новую версию анкеты. Кроме того, они могли действовать наравне с представителями местной

²⁷ Колюшихина 2021: 89.

власти: назначать респондентов и контролировать процесс отправки готового донесения королю. На них, таким образом, возлагалась работа наблюдателей и координаторов всего процесса²⁸.

Последнее донесение было составлено в Сересо (запад провинции Гвадалахары) в самом конце марта 1581 года²⁹. Несмотря на увещевания Лопеса де Веласко, их сбор был прекращен, и все полученные ответы отправились в архив Эскориала. «Донесения», тем самым, постигла та же самая участь, что и «Итинерарий». По одной из версий, приостановка деятельности по сбору новых ответов была связана с трудностями финансового характера и отсутствием нужного количества подготовленных людей³⁰. Не последнюю роль сыграли и личные обстоятельства Филиппа II: на фоне разнообразных ударов судьбы его энтузиазм падал. Кроме того, король довольно скептически относился к написанию современной ему истории, занятие которой он считал уделом будущих поколений, а не современников³¹. На наш взгляд, отказ от дальнейшей реализации проекта во многом был связан с профессионализацией научного знания. Достижение поставленных задач — создание комплексного исторического и географического описания Испании — было теперь возложено на отдельных специалистов. Имея слабое практическое применение, «Донесения» могли служить подспорьем для таких научных трудов. Территория Новой Кастилии, охваченная анкетированием, стала своеобразным опытным полигоном для Филиппа II, где он претворял в жизнь свои грандиозные проекты с целью «посмотреть, как выйдет»³². К 1581 году полученных данных стало более, чем достаточно для удовлетворения амбиций короля. «Донесения» выполнили возложенную на них функцию и уступили место новым инициативам монарха.

²⁸ Конюшихина 2021: 90.

²⁹ Campos y Fernández de Sevilla 2003: 446-447.

³⁰ García-Badell y Abadía 1948.

³¹ Kagan 2010: 154.

³² Alvar Ezquerro 1993a: 38.

Поражение Непобедимой армады в 1588 сильно пошатнуло финансовое положение испанского государства. Филипп II нуждался в огромных средствах для восстановления испанского флота и поддержания военной мощи. В этой связи кортесы Кастилии установили новый налог в размере восьми миллионов дукатов (исп. *servicio de Millones*), который планировалось собрать в течение шести лет. Нововведение состояло в том, что бремя его уплаты ложилось на плечи всех социальных слоев за исключением монахов францисканцев³³. Именно благодаря охвату практически всех групп населения данные ценза 1591–1594 гг. считаются наиболее репрезентативными для XVI века. Изначально для распределения налоговой нагрузки власти планировали использовать предыдущий реестр 1528–1536 гг., однако уже скоро стало ясно, что информация в нем устарела и не соответствует текущему положению дел. Тем самым, возникла потребность в составлении нового ценза. Ответственность за сбор сведений была возложена на администрацию Филиппа II, которая действовала через специальных уполномоченных, запрашивавших информацию у местных консехо, а не напрямую у населения³⁴. В отличие от «Итинерария» и «Донесений», оставшихся незаконченными или замороженными, составление нового ценза было завершено за три года, а налог окончательно утвержден.

Теперь перейдем к содержательной стороне рассматриваемых нами источников. В «Итинерарии» используется следующий порядок описания: название населенного пункта, его статус — город (исп. *ciudad*), вилья³⁵ (исп. *villa*), деревня (исп. *aldea*) или местечко (исп. *lugar*), число «весино» и расстояние в лигах до соседних селений. Помимо этих основных характеристик иногда присутствует информация о юридическом статусе территории (под чьей юрисдикцией находится: частного сеньора, короля, церкви, ордена и др.), о характере

³³ Molinie Bertrand 1984: 12.

³⁴ Molinie Bertrand 1984: 11–12.

³⁵ Вилья — тип поселения, который сочетал черты городского и сельского поселения. Могла представлять собой как довольно крупный город, так и средний или небольшой городок.

местности (гористая или ровная), о ручьях и реках с указанием мостов, если они есть. Отдельно говорится о наличии в населенном пункте крепости. Типичная запись выглядит так: «Альба де Тормес — вилья герцога Альбы с 1500 весино, располагается на ровной местности, имеется крепость, находится на берегу реки Тормес; до Серны одна прямая лига, до Матерралы половина прямой лиги, до Террадилъос — половина лиги, ... до Турры две маленькие прямые лиги и по правую сторону остается Матеррала, на расстоянии одного арбалетного выстрела, до Коки две полные лиги и по правую сторону пути будет Серна...»³⁶.

Особый колорит сочинению Фернандо Колумба придают любопытные подробности про некоторые населенные пункты, изредка встречающиеся среди стандартизированных записей. Так, в Порриньо (юго-запад Галисии) репы очень сладкие, большие и толстые, как кувшин весом в половину арробы (ок. 11,5 кг)³⁷; Авила (центр провинции Авила) славится своей плодородной долиной, одной из лучших во всей Кастилии³⁸, Вильянуэва (на границе провинций Мадрида и Гвадалахары) — огромными полями хлеба³⁹. Колокола селения Санта Байя де Фиор (предположительно юг Галисии) слышно за четыре лиги⁴⁰, в Сафре (юг Эстремадуры) проводят по две ярмарки в год⁴¹. Не остались без внимания Фернандо Колумба и города. В Барселоне его удивили оросительные каналы, «потому что как бы ни шел дождь, никогда нет грязи», а также каменные дома⁴². Кордова, по его наблюдениям, — «город, где много апельсиновых деревьев», «с очень древним храмом, у которого столько колонн, сколько дней в году» (имеется в виду Кордовская мечеть. — *Н. К.*)⁴³. Описывая Гранаду, Колумб упоминает Альгамбру и гробницу Като-

³⁶ Colón 1910: 22.

³⁷ Colón 1910: 20.

³⁸ Colón 1908: 70.

³⁹ Colón 1910: 356.

⁴⁰ Colón 1910: 64.

⁴¹ Colón 1910: 233.

⁴² Colón 1908: 299.

⁴³ Colón 1908: 114.

лических королей⁴⁴, Мадрид же у него ассоциируется, прежде всего, с мощами святого Исидора⁴⁵.

Примечательно, что упоминания о некоторых «курьезах», встречающихся в «Итинерарии», спустя более полувека, можно обнаружить и в «Донесениях», иногда с подробностями или уточнениями. Так, согласно Фернандо Колумбу, в Ильескасе (находится в провинции Толедо на границе с провинцией Мадрида) — «самые лучшие вишни в Кастилии»⁴⁶. Точно такое же упоминание о знаменитых вишнях Ильескаса встречается в донесении по провинции Толедо с более обширным комментарием: «...там произрастает лучшая в Испании вишня, и там много виноградников и рощ, и это самое примечательное, что есть в этом королевстве»⁴⁷. Помимо вишни упоминаются разные виды яблонь, сливовые деревья и мускатная груша, которые «дают так много фруктов, что даже необходимо связывать им ветки»⁴⁸. В заключении говорится, что из Ильескаса фрукты везут в Толедо, Мадрид и другие селения комарки.

Гордостью Мораты (юго-восток провинции Мадрида) по «Итинерарию» являются «лучшие хлебные поля и конопляник, которые есть на этой земле⁴⁹». Более подробный комментарий мы находим в «Донесениях», где этот населенный пункт обозначен под своим современным названием — Мората де Тахунья: «Здесь не хватает древесины, и во всей комарке нет лесов, откуда ее брать, и обычно жгут костру, получаемую из конопляника, который здесь собирают в большом количестве»⁵⁰. Упоминаются в донесении также хлебные поля, на которые так богата местность.

В отношении Вальдарасете (юго-восток провинции Мадрида) Фернандо Колумб дает краткое упоминание о том,

⁴⁴ Colón 1910: 240.

⁴⁵ Colón 1910: 39.

⁴⁶ Colón 1908: 270.

⁴⁷ Viñas y Mey, Paz 1951: 493.

⁴⁸ Viñas y Mey, Paz 1951: 494.

⁴⁹ Colón 1910: 348.

⁵⁰ Alvar Ezquerro 1993b: 488.

что «все здания домов построены из гипса»⁵¹. Схожая запись встречается в донесении: «Все дома, которые есть в этой вилле сделаны из гипса и камня, и в этом нет ничего удивительного, поскольку их здесь очень много»⁵².

Селение Вильянуэва де Фуэнте эль Фресно (к северу от Мадрида), согласно Фернандо Колумбу, известно тем, «что в этом месте выращивают самых крепких быков во всей Кастилии». На момент составления донесения ситуация изменилась, поскольку у жителей осталось только одно пастбище и небольшой лес, что они объясняют отсутствием общинных полей, нехваткой земли и захватническими устремлениями соседей: «Здесь очень маленькая территория, потому что с одной стороны в половине лиги находится графство де Мансанарес и пастбище Вильяфранка, а с другой, меньше, чем за поллиги отсюда — пастбище Брунете, принадлежащее графу Чинчону, а с другой стороны Кихорна, того же графа», и «селение такое узкое, и так мало здесь земли, и нет скотины, и общинных полей...»⁵³.

Как видно, содержательная составляющая «Донесений» гораздо богаче «Итинерария». Ввиду того, что анкеты охватывают очень широкий круг вопросов, условно их можно разделить на несколько групп⁵⁴: расположение населенного пункта в пространстве и времени (географическое положение, топонимика, сведения о названии, времени основания и основателях, соседние населенные пункты), администрация и юрисдикция (гражданская и церковная юрисдикция, сеньор, привилегии), природные и экономические ресурсы (лесные и водные ресурсы, полезные ископаемые, выращиваемые сельскохозяйственные культуры), религия и культ (церковь, религиозные праздники, ордена и братства), необычные и выдающиеся явления (люди, события, природные явления), покинутые селения.

Опросники включали в том числе и все те параметры, на основе которых строилось описание Фернандо Колумба.

⁵¹ Colón 1908: 357.

⁵² Alvar Ezquerra 1993c: 768.

⁵³ Alvar Ezquerra 1993c: 876–877.

⁵⁴ Alvar Ezquerra 1993a: 21.

Спрашивалось «название селения, о котором составляется донесение; как оно сейчас называется, и почему оно так названо; и называлось ли раньше по-другому, а также почему оно так называлось, если известно»⁵⁵. В отношении статуса населенного пункта респондентам предлагалось сообщить «город ли это, вилья или деревня, и если это город или вилья, то с какого времени, и как именуется; и если это деревня, то в юрисдикцию какого города или вильи она попадает»⁵⁶. По крайней мере два пункта анкеты посвящены населению. Королевских хронистов интересовало общее число «весино», динамика численности населения, причины сокращения населения, если такая тенденция наблюдалась, количество землепашцев и идальго⁵⁷. Что касается пространственных категорий, то в четырех последовательных пунктах спрашивалось название первого селения к востоку, югу, западу и северу от того места, о котором составлялось донесение с указанием количества лиг до него⁵⁸.

Приведем в качестве примера ответы на эти вопросы респондентов из Лос Сантос де ла Умоса (восток провинции Мадрида), чье донесение датировано 14 мая 1576 г. Франсиско де Торрес, Хуан Санчес (по совместительству еще и писец) и Мартин Санчес сообщают, что первоначально селение было основано к востоку от нынешнего, на берегу реки Энарес. Называлось оно Умоса и принадлежало Алькале (совр. Алькала де Энарес). И были там замучены за христианскую веру двое детей — Хусто и Пастор, чьи мощи хранятся в Алькале. И так, поскольку святые Хусто и Пастор происходили из Умосы, новое поселение было названо в их честь (исп. *los santos* — святые). В заключение респонденты отмечают, что по другой версии они были родом из Алькалы или Тьельмеса»⁵⁹. Что касается статуса населенного пункта, то по свидетельству отвечающих, их селение обладает титулом вильи «в

⁵⁵ Конюшихина 2021: 100.

⁵⁶ Конюшихина 2021: 100.

⁵⁷ См. пункты 39 и 40. Конюшихина 2021: 106.

⁵⁸ См. пункты 13–16. Конюшихина 2021: 103.

⁵⁹ Alvar Ezquerro 1993c: 719, 720.

течение 300 лет»⁶⁰. Численность населения оценивается ими в 200 «весино» и 190 домов, при этом раньше здесь проживало меньше людей, чем сейчас⁶¹. Первым местом, если выйти из селения Лос Сантос де ла Умоса на восток, в летнее время будет вилья Эль Посо, которая располагается на расстоянии одной большой лиги от него по прямой дороге, а зимой — местечко Пиос. На расстоянии обычной полулиги к югу от Лос Сантос де ла Умоса первым населенным пунктом является Анчуэло. На западе ближайшим селением в летнее время оказывается Меко, которое находится в одной большой лиги, если идти прямым путем, а в зимнее — Алькала, что в полутора лиги окольным путем. Одна большая лига разделяет Лос Сантос де ла Умосу от Асукеки на севере, при этом часть пути проходит по реке Энарес⁶².

Стоит отметить, что в анкете для «Донесений» встречаются некоторые вопросы, в которых запрашивается информация фискального характера, интересовавшая составителей цензов 1528–1536 и 1591–1594 годов. Так, например, спрашивается, что преимущественно сеют на пахотной земле местные жители и какой урожай она им приносит, какой скот они содержат, какие доходы имеют от сельского хозяйства, торговли и других занятий, бедны ли они или богаты⁶³. Не удивительно, что респонденты неохотно отвечали на эти вопросы, стараясь представить окружающую их действительность в неприглядном свете. Именно поэтому следует очень осторожно использовать те данные «Донесений», которые содержит количественные показатели. Можно с уверенностью сказать, что при ответе на вопрос о количестве «весино», респонденты приводили явно заниженные цифры. Это хорошо видно в сравнении с цифрами ценза 1591 года. Если сопоставить данные «Донесений» и ценза применительно к 418 населенным пунктам, то число «весино» по «Донесениям» составит 104 612 тыс. и 121 129 тыс. по цензу соответственно, с коэффициентом роста численности населения 10,1 %

⁶⁰ Alvar Ezquerra 1993c: 720.

⁶¹ Alvar Ezquerra 1993c: 723.

⁶² Alvar Ezquerra 1993c: 720.

⁶³ См. пункты 26, 42. Конюшихина 2021: 105, 106.

на тысячу человек за 1578–1591 годы⁶⁴. Такой скачок населения за 13 лет в аграрном обществе был невозможен, что свидетельствует о занижении показателей численности населения в «Донесениях» на 13–16 %⁶⁵ и объясняется страхом респондентов перед введением нового подушного налога.

В цензе 1591–1594 гг. учитывались следующие категории населения: «весино» (общее число всех), «весино печеро», идальго, священники, монахи и францисканцы⁶⁶. В опроснике помимо общего числа «весино» и идальго спрашивалось о наличии мужских и женских монастырей, о количестве насельников и получаемых ими доходах. Также нужно было сообщить, если селение принадлежало какому-либо из орденов Сантьяго, Калатравы, Алькантары или Сан Хуана. Специального вопроса про францисканцев в анкете не было, так же как и про число священнослужителей. Вместо этого предлагалось доложить в целом о наличии соборных, коллегияльных и приходских церквей с указанием их доходов и привилегий⁶⁷.

В реестре 1591–1594 гг. содержится много данных об административно-территориальном делении Испании того времени. Отметим, что в конце XVI века оно еще складывалось, и зачастую разные уровни территориальной и судебной организации накладывались друг на друга. Если в «Донесениях» спрашивалось о принадлежности того или иного населенного пункта к королевству, провинции, комарке, приорату и округу⁶⁸, то в цензе терминология значительно шире: помимо перечисленных территориальных единиц встречаются более мелкие и специфические, которые мы приводим на языке оригинала — *tierra, sesmo, cuadrilla, valle, junta, monta, cuarto, campo, ochavo, mediana, tercia, roda*,

⁶⁴ Camacho Cabello 1996: 220, 222.

⁶⁵ Camacho Cabello 1996: 223.

⁶⁶ Molinie Bertrand 1984: 12.

⁶⁷ См. пункты 8, 48, 53. Конюшихина 2021: 103, 108, 109.

⁶⁸ См. пункт 4, 12. Конюшихина 2021: 100, 103. По факту респонденты называли большее количество административно-территориальных единиц.

merindad и др.⁶⁹. Разнообразнее в нем представлен и юридический статус населённых пунктов: наряду с городами, вильями, деревнями и местечками упоминаются такие термины как *coto, arrabal, barrio, granja, venta, caserío, alquería, término*⁷⁰. Информация о заброшенных селениях и пустошах присутствует как в реестре, так и в «Донесениях». То же самое касается и сеньориального землевладения. В цензе, например, приводятся сведения о землях коннетабля Кастилии, графа Бенавенте, графа Тревиньо, бывшие земли Рамиро Нуньеса де Гусман, графа Пуньорростро, земли Педро Гонсалеса де Мендоса, графа Пернии и др. В «Донесениях» в отдельном пункте анкеты спрашивается о сеньоре, «будь то король или какой-либо его подданный или же один из орденов». Если же селение было бегетрией⁷¹, то нужно было сообщить «почему, и когда оно было отчуждено от короны и попало во владение того хозяина, которому принадлежит»⁷². Информация о сеньориальном режиме в «Донесениях» представлена практически по каждому селению, поэтому этот источник можно использовать для изучения разных типов землевладения, будь то королевские земли, церковные, военных орденов или светских сеньоров.

Подводя итоги, скажем, что мы осветили лишь малую часть из всех тех масштабных инициатив, которые были превращены в жизнь во время правления Карла V и Филиппа II. Три рассмотренных нами памятника свидетельствуют о государственном запросе на выработку инструмента для получения сведений о разных сторонах жизни испанского общества. Корона нуждалась в том, чтобы описать, измерить и учесть территории, которые ей принадлежали, с проживающим на них населением. Необходимость в той или иной информации обуславливала разные методы ее сбора и организации, будь то ценз, анкетирование или топографические

⁶⁹ Molinie Bertrand 1984: 14.

⁷⁰ Molinie Bertrand 1984: 16.

⁷¹ Бегетрия — здесь: разновидность сеньориального владения, при котором жители свободно выбирали себе сеньора из какого-то определенного рода.

⁷² См. пункт 7. Конюшихина 2021: 101.

заметки о местности. Тем самым, способ описания земель напрямую зависел от того, какие сведения интересовали власть в данный момент. Наиболее успешными в плане реализации оказались проекты, преследовавшие фискальные цели, поскольку они напрямую затрагивали интересы государства. Со временем именно такие инициативы станут основным властным рычагом для сбора данных, однако в XVI в. корона только нащупывала опытным путем наиболее эффективный способ их получения. Отсюда — то многообразие форматов организации информации, которые оставила нам эпоха первых испанских Габсбургов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Atlas de El Escorial. Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial. Ms. K-I-1.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Конюшихина 2017 — *Конюшихина Н.Л.* «Топографические донесения Филиппа II»: предыстория и контекст // Средние века. 2017. Вып. 78 (3). С. 143–166.
- Конюшихина 2021 — *Конюшихина Н.Л.* Анкеты 1575 и 1578 годов для «Топографических донесений Филиппа II» // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2021. Т. 5. С. 79–125.
- Alvar Ezquerro 1993a — *Alvar Ezquerro A.* Estudio introductorio a las Relaciones Topográficas de Felipe II, Madrid. Madrid, 1993. Vol. III.
- Alvar Ezquerro 1993b — Relaciones topográficas de Felipe II, Madrid / Ed. por A. Alvar Ezquerro. Madrid, 1993. Vol. I.
- Alvar Ezquerro 1993c — Relaciones topográficas de Felipe II, Madrid / Ed. por A. Alvar Ezquerro. Madrid, 1993. Vol. II.
- Alvar Ezquerro 2010 — *Alvar Ezquerro A.* Sobre la descripción de los pueblos de España y su ambiente historiográfico // La Historia sin complejos: la nueva visión del Imperio Español. Madrid, 2010. P. 79–98.

- Arenas Frutos 1988 — *Arenas Frutos I. Conclusión // Colón F. Descripción y cosmografía de España. Edición facsímil de la 1517–1523. Sevilla, 1988. Vol. 3. P. 65.*
- Arroyo Ilera 1998a — *Arroyo Ilera F. Agua, paisaje y sociedad en el siglo XVI. Madrid, 1998.*
- Arroyo Ilera 1998b — *Arroyo Ilera F. Las Relaciones geográficas y el conocimiento del territorio en tiempos de Felipe II // Estudios geográficos. 1998. Vol. 59. № 231. P. 169–200.*
- Blázquez 1904 — *Blázquez A. El itinerario de don Fernando Colón y las relaciones topográficas. Madrid, 1904.*
- Camacho Cabello 1996 — *Camacho Cabello J. La población del arzobispado de Toledo en los Tiempos Modernos: (tesis doctoral). Madrid, 1996.*
- Campos y Fernández de Sevilla 1986 — *Campos y Fernández de Sevilla F.J. La mentalidad en Castilla la Nueva en el siglo XVI. Religión, Economía y Sociedad, según las “Relaciones Topográficas” de Felipe II. Madrid, 1986.*
- Campos y Fernández de Sevilla 2003 — *Campos y Fernández de Sevilla F.J. Las Relaciones Topográficas de Felipe II: índices, fuentes y bibliografía // Anuario jurídico y económico escorialense. 2003. № 36. P. 439–574.*
- Carretero Zamora 2008 — *Carretero Zamora J.M. La averiguación de la Corona de Castilla (1525–1540): los buenos vecinos pecheros y el dinero del Reino en época del emperador Carlos V. Valladolid, 2008. T. II.*
- Castillo 1898 — *Castillo R. Documento inédito del siglo XVI referente a D. Fernando Colón // Boletín de la Sociedad Geográfica. 1898. T. XL. P. 114–122.*
- Colón 1908 — *Colón F. Descripción y cosmografía de España / Ed. por A. Blázquez. Madrid, 1908. T. II.*
- Colón 1910 — *Colón F. Descripción y cosmografía de España / Ed. por A. Blázquez. Madrid, 1910. T. I.*
- Colón 1915 — *Colón F. Descripción y cosmografía de España / Ed. por A. Blázquez. Madrid, 1915. T. III.*
- Colón 1988 — *Colón F. Descripción y cosmografía de España. Edición facsímil de la 1517–1523. Sevilla, 1988. Vol. 1–3.*
- Fernández Duro 1899 — *Fernández Duro C. Los orígenes de la carta o mapa geográfico de España // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1899. Vol. 35 (6). P. 502–525.*

- García Badell y Abadía 1948 — *García Badell y Abadía G.* Felipe II y los estudios geográficos y estadísticos de los pueblos de España / Boletín de la Real Sociedad Geográfica. 1948. № 84. P. 54–77.
- García España 1984 — *García España E.* Introducción // Censo de Castilla de 1591. Vecindarios / Ed. Instituto Nacional de Estadística. Madrid, 1984. P. 37–49.
- González 1829 — *González T.* Censo de población de las provincias y partidos de la corona de Castilla en el siglo XVI. Madrid, 1829. — Электронный ресурс [режим доступа: https://bibliotecadigital.jcy.es/es/catalogo_imagenes/grupo.do?path=10071326, дата обращения — 11.10.2022].
- Instituto Nacional de Estadística 1984 — Censo de Castilla de 1591. Vecindarios / Ed. Instituto Nacional de Estadística. Madrid, 1984. — Электронный ресурс [режим доступа: https://www.ine.es/prodyser/pubweb/censo_corona/Censo Corona T2.pdf, дата обращения — 11.10.2022].
- Kagan 2008 — *Ciudades del siglo del oro. Las vistas españolas de Anton van den Wyngaerde* / Ed. por R. Kagan. Madrid, 2008.
- Kagan 2010 — *Kagan R.* Los cronistas y la corona: la política de la historia en España en las Edades Media y Moderna. Madrid, 2010.
- Marín Martínez 1970 — *Marín Martínez T.* “Memoria de las obras y libros de Hernando Colón” del bachiller Juan Pérez. Madrid, 1970.
- Medina 1944 — *Medina P. de.* Libro de grandezas y cosas memorables de España. Madrid, 1944.
- Molinie Bertrand 1984 — *Molinie Bertrand A.* Comentario // Censo de Castilla de 1591. Vecindarios / Ed. por Instituto Nacional de Estadística. Madrid, 1984. P. 9–29.
- Morales 2012 — *Morales A. de.* Las antigüedades de las ciudades de España / Ed. por J.M. Abascal. Madrid, 2012.
- Ocampo 2015 — *Ocampo F. de.* Los cinco libros primeros de la Cronica general de España que recopila el maëstro Florian do Campo. La Coruña, 2015.
- Reguera Rodríguez 2010 — *Reguera Rodríguez A.* Los geógrafos del rey. León, 2010.
- Ulloa 1977 — *Ulloa M.* La hacienda real de Castilla en el reinado de Felipe II. Madrid, 1977.
- Viñas y Mey, Paz 1951 — Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II: Reino de Toledo / Ed. por C. Viñas y Mey, R. Paz. Madrid. 1951. Pt.1.

И.Е. СУРИКОВ

СКИЛАК КАРИАНДСКИЙ — ДРЕВНЕЙШИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АНТИЧНОЙ ДЕСКРИПТИВНОЙ ГЕОГРАФИИ?

Аннотация: Статья посвящена Скилаку Кариандскому (последняя четверть VI – начало V в. до н.э.) — путешественнику, географу, историку, к сожалению, малоизвестному даже специалистам (во многом потому, что его наследие сохранилось очень плохо). Автор рассматривает свидетельства источников о Скилаке, приводит и комментирует сохранившиеся фрагменты его трудов. В статье делается вывод, что именно Скилак (а не Гекатей Милетский, как обычно считается) был древнейшим представителем древнегреческой дескриптивной географии, а также вторым античным географом после Анаксимандра.

Ключевые слова: дескриптивная география, античная Греция, Скилак Кариандский, Гекатей Милетский, перипл, периегеза, Индия, карты

Представители древнегреческой географической науки создали два основных вида текстов, которые можно охарактеризовать, соответственно, как теоретико-географические и дескриптивные (описательные)¹; в связи с последними приходится вести речь прежде всего о жанрах периегезы и перипла (см. ниже). Крупнейшим автором теоретических трактатов был, естественно, знаменитый ученый Эратосфен Киренский², вычисливший окружность земного шара и сде-

¹ Суриков 2020а: 13.

² См. о нем и о значении его многогранной деятельности: Möller 2005; Bianchetti 2016; Molina Marín 2017; Matthaios 2018.

лавший много других замечательных открытий; из географов второго типа наиболее известен, разумеется, Страбон³.

Однако нас в рамках данной статьи будут интересовать ученые гораздо более раннего времени — эпохи самых первых шагов античной географии. Первым, кто работал в этой области, традиционно (и вполне обоснованно) признается Анаксимандр Милетский (середина VI в. до н.э.), вторым же, как правило, называют его земляка Гекатея (конец VI – начало V в. до н.э.), но вот справедливость данного утверждения нам в дальнейшем как раз предстоит попытаться верифицировать и, возможно, даже оспорить. Такая картина развития этой научной дисциплины (от Анаксимандра — непосредственно к Гекатею Милетскому) сложилась уже в самой античности (судя по всему, она восходит к Эратосфену). Приведем соответствующие свидетельства источников.

Strab. I. 1. 1: «Мы считаем, что это занятие достойное философа — если уж какое-либо другое, то и география... Ведь и первыми дерзнувшими ее коснуться стали люди такого рода: и Гомер⁴, и Анаксимандр Милетский, и Гекатей, его согражданин...». Strab. I. 1. 11: «А теперь пусть будет достаточно сказанного о том, что Гомер основал географию. Известны и мужи, последовавшие за ним, достойные упоминания и причастные философии; из них Эратосфен называет первыми после Гомера двух — Анаксимандра, являвшегося приятелем и согражданином Фалеса, и Гекатея Милетского: один из них ведь первым-де издал географическую карту, а Гекатей оставил сочинение, свидетельство подлинности которого берется из других его писаний». Agathem. I. 1: «Анаксимандр Ми-

³ Литература о Страбоне колоссальна, так что не имеет и смысла ее здесь перечислять. Пожалуй, укажем лишь на тот малоизвестный факт, что Страбон начинал как историк (к огромному сожалению, не сохранился его исторический труд, который сам он считал главным в своем наследии; о нем см. Malinowski 2017), а уже потом вступил на стезю географа, в качестве какового он ныне в первую очередь и прославлен – вплоть до того, что его часто называют Географом (с прописной буквы), как Гомера — Поэтом.

⁴ Гомер для Страбона — первый географ; но это, само собой, его личная точка зрения.

летский, слушатель Фалеса, первым дерзнул начертить на карте ойкумену. После него Гекатей Милетский, муж, много путешествовавший, так ее усовершенствовал, что плодом его труда восхищались. Ведь Гелланик Лесбосский⁵, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование⁶». Schol Dion. Perieg. p. 428, 7 Muell.: «Кто прежде того изобразил на карте ойкумену? Первым — Анаксимандр, вторым — милетянин Гекатей, третьим — Демокрит, ученик Фалеса⁷, четвертым — Евдокс» (Здесь и далее перевод наш. — И. С.).

Сразу следует оговорить, что география как отдельная, изолированная наука «в своем праве» сформировалась у греков достаточно поздно. Думаем, не преувеличим, если скажем, что профессиональные географы, географы, которых можно назвать специалистами в конкретной области, в полной мере стали распространенным явлением только с эллинистического времени. Да и эти специалисты не были узкими, наряду с географическими изысканиями они параллельно занимались исследованиями в сфере и других научных дисциплин (как тот же Эратосфен).

Так что же говорить о более ранней эпохе — о конце периода архаики, о времени так называемой ионийской географии? К ней констатированное выше обстоятельство, само собой, относится *a fortiori*. Географическими изысканиями (в качестве своеобразного хобби?) занимались люди, которые остались в культурной памяти человечества в иной связи. Часто как о крупном представителе ионийской географии вспоминают о Геродоте⁸.

⁵ О Гелланике (одном из главных, наряду с Гекатеем, предшественников Геродота и Фукидида на поприще историописания) см.: Суриков 2021а; Суриков 2021б (со ссылками на предшествующую литературу).

⁶ По контексту — в отличие от Гекатея, который сопровождал свой труд картой.

⁷ Фалес здесь упомянут явно некстати. Если имеется в виду Демокрит Абдерский (а хронологическая последовательность перечисленных в свидетельстве авторов говорит именно об этом), то он был учеником Левкиппа, а Фалес жил гораздо раньше.

⁸ Например: Bichler 2016; Bichler 2018.

Итак, среди древнейших географов — выдающийся философ Анаксимандр. В сущности, можно сказать, что именно он был и *первым* греческим философом. Правда, в трудах по истории античной философии в качестве такового обычно фигурирует его учитель Фалес, но несколько иначе считали в самой античности: Фалеса относили еще к «мудрецам», а череду философов начинали с Анаксимандра (см.: Diog. Laert. I. 21–22; II. 1). Сохранившийся фрагмент сочинения Анаксимандра «О природе» (Anaximand DK. 12. B1) выдающийся немецкий мыслитель XX в., глубокий знаток и тонкий ценитель архаической досократовской философии Мартин Хайдеггер назвал «древнейшим изречением западного мышления»⁹. Далее, в данной группе перед нами виднейший историк — Гекатей¹⁰.

Мы начали статью тезисом о существовании двух типов древнегреческой географии — теоретического и дескриптивного. Из авторов, упомянутых в предыдущем абзаце, к «теоретикам» следует отнести первого, к «описателям» — второго. В цитированных выше источниках говорилось о том, что Гекатей «усовершенствовал» карту Анаксимандра. В чем же заключалось это усовершенствование? Карта Анаксимандра, насколько можно судить, была предельно простой, чуждой какой-либо детализации. Именно такой представляют ее современные реконструкции¹¹. Главной целью этой карты было не приводить подробности о странах, народах, городах и т.п., а продемонстрировать некий общий принцип, согласно которому Земля имеет форму плоского диска (точнее, очень невысокого цилиндра), как представлял ее милетский мыслитель. Соответственно, при взгляде сверху она будет вы-

⁹ Хайдеггер 1991: 28.

¹⁰ Именно с него, как правило, начинается изложение в общих трудах по истории древнегреческой исторической мысли (например: Lendle 1992). О Гекатее как историке и мифографе см. еще: Heidel 1987; West 1991; Armayor 2004; Bertelli 2007; Alganza Roldán 2012; Fowler 2013: 658–681. Не утратила значения также посвященная Гекатею глава в: Pearson 1975. О Гекатее как географе см.: Herrmann 1911; Hansen 1987; Braun 2004; Мусбахова 2014; Суриков 2021в.

¹¹ См., например, реконструкцию: Munn 2006: 187.

глядеть круглой. «Карта Анаксимандра изображала круглую Землю, симметрично разделенную на два полукруглых континента, отделенных друг от друга водами Средиземного моря... и все обрамляется кругом Океана»¹². Иными словами, Анаксимандр подходил к картографированию исключительно как натурфилософ, а дескриптивная география его нисколько не интересовала. И характерно, что собственно географических фрагментов от его труда «О природе», не дошло.

Совсем другое дело — Гекатей. По колоссальному количеству топонимов и этнонимов, упоминающихся во фрагментах его периегезы (таких фрагментов сохранилось более трех сотен), можно судить, насколько подробной, насыщенной, информативной была его карта. В этом и заключалось усовершенствование: «голая идея» Анаксимандра была, так сказать, насыщена плотью и кровью. Карта, несомненно, составляла единое целое с периегезой Гекатея. С одной стороны, можно назвать ее иллюстрацией к периегезе, приложением к ней; но, с другой стороны, можно ведь посмотреть на вещи и под другим углом, воспринимая трактат-периегезу как, в сущности, развернутый комментарий к карте.

В этот же ряд древнейших географов-непрофессионалов входит мореплавателю Скилак Кариандский, автор перипла (или, скорее, двух периплов). Об этом ученом и путешественнике конца VI – начала V в. до н.э., от трудов которого тоже сохранились только фрагменты, написано очень мало¹³, он значительно реже привлекает к себе внимание специалистов, чем два вышеупомянутых. Из специально посвященных ему работ следует назвать прежде всего англоязычные статьи Д.В. Панченко, опубликованные в журнале *Hyperboreus*¹⁴. В основном же, когда пишут о перипле Скилака, как правило, имеют в виду полностью сохранившийся перипл Псевдо-Скилака¹⁵, созданный кем-то в IV в. до н.э. (судя по всему, с использованием некоторой информации из подлинного

¹² Munn 2006: 186.

¹³ Основную литературу о нем см.: Shipley 2021: 1301.

¹⁴ Panchenko 1998; Panchenko 2002; Panchenko 2003.

¹⁵ Наиболее фундаментальное исследование об этом памятнике: Shipley 2011.

перипла Скилака) и, таким образом, не относящийся к самым ранним географическим текстам. Соответственно, нас будет интересовать не он, а то, что дошло до нас от самого Скилака.

Городок Карианды, бывший его родиной, находился в Кариин, больше ничем особым не прославился, и у позднейших авторов он упоминается по большей части именно в связи с этим своим знаменитым уроженцем. Например: «А между ними (городами Миндом и Баргилиями в Кариин. — *И. С.*) Карианды — гавань, остров и город¹⁶, одноименный с ним, в котором живут кариандийцы. Оттуда же — и Скилак, древний прозаик» (Strab. XIV. 2. 20 = Scyl. FGrHist. 709. T2a).

Впрочем, похоже, что во времена жизни самого Скилака, в последней четверти VI в. до н.э., город этот носил еще название «Карианда», а не «Карианды». Объясним этот нюанс. Начальная форма данного топонима в обоих случаях пишется одинаково (Καρίανδα), а вот склоняться он будет по-разному: соответственно, по парадигмам I и II склонений. Иными словами, в первом случае он воспринимался как существительное женского рода в единственном числе, а во втором — как существительное среднего рода во множественном числе. О том, что произошло такое изменение, мы узнаем из следующего свидетельства со ссылкой на Гекатея Милетского, писавшего в той же самой последней четверти VI в. до н.э.: «Карианды. Город и гавань, одноименная с ним, близ Минда и Коса. Гекатей называет этот город Кариандой... Оттуда был и Скилак, древний прозаик» (Steph. Byz. s.v. Καρίανδα = Scyl. FGrHist. 709. T2b). Вообще говоря, к интересным наблюдениям приводит сопоставление Гекатея и Скилака, и на этом мы еще остановимся далее.

А предварительно затронем вкратце проблему этнической принадлежности последнего. Коль скоро он был родом из Кариин, возможно, он являлся не греком, а эллинизованным карийцем или выходцем из смешанной семьи (увы, неизвестен его патронимик). Впрочем, вопрос этот, по большому счету, праздный. Весьма вероятно, что эллинизованным

¹⁶ «И город» — необходимая вставка издателей (без нее получается анаколупф).

карийцем был и Геродот (на это указывают имена его отца и дяди), а другой видный представитель раннего историописания — Ксанф Лидийский¹⁷ — происходил из семьи эллинизованных лидийцев. Однако сам тот факт, что сочинения свои все эти авторы создавали по-гречески, показывает с полной ясностью: кем бы ни были они «по крови», по своей культурной самоидентификации (а она в плане этничности несравненно важнее, чем пресловутая «кровь») они принадлежал к эллинскому миру¹⁸. Как бы то ни было, имя Скилака — вполне греческое (хотя и несколько необычное: в его качестве взято существительное, обозначающее щенка).

Скилак состоял на службе у Дария I. В связи с этим необходимо привести важнейшее свидетельство о нем, являющееся также и самым ранним, несравненно более ранним, чем все остальные, и, собственно, не так уж далеко хронологически отстоящим от времени жизни его самого. Принадлежит оно Геродоту (Herod. IV. 44 = Scyl. FGrHist. 709. T3a): «Многое в Азии было открыто Дарием, который, желая знать, где река Инд (она — одна из двух рек во всем мире, где водятся крокодилы¹⁹) впадает в море, посылает на кораблях людей, в которых был уверен, что они скажут правду, и в их числе, конечно же, Скилака, мужа-кариандийца. А они, отправившись из города Каспатира (?)²⁰ и пактийской земли, плыли по реке на восток, в сторону восходящего солнца, до моря, а по морю, плывя на запад (διὰ θαλάσσης δὲ πρὸς ἑσπέρην πλέοντες), на тридцатый месяц прибывают в ту страну, откуда царь египтян послал финикийцев, о которых я говорил раньше, чтобы обогнуть Ливию. После того, как было совершено это плавание, Дарий покорил и индийцев и стал пользоваться этим морем. Так и в Азии, кроме областей, простирающихся в сторону солнца, все остальные были открыты, подобно тому, как обстоит дело и с Ливией».

¹⁷ О нем см. Pearson 1975: 109–138; Lendle 1992: 25–28; Mehl 2004.

¹⁸ Суриков 2022а.

¹⁹ Второй такой рекой в понимании Геродота был, естественно, Нил.

²⁰ Название города испорчено. Речь идет, понятно, о каких-то индийских топонимах.

Здесь мы имеем, в сущности, единственный надежно известный биографический факт о Скилаке. Итак, он участвовал в индийском походе Дария, а затем совершил свое знаменитое плавание. Маршрут его, судя по всему, был следующим. Судя по тому, что путешественники двигались «по реке на восток, в сторону восходящего солнца», началось оно либо где-то в нижнем течении Инда (на любой карте можно увидеть, что направление Инда в основном южное и юго-западное и только в самых низовьях поворачивает на юго-восток), либо отправной пункт находился не на самом Инде, а на каком-то притоке, текущем на восток, Геродот же этого не оговорил (сам он в Индии не бывал и не мог хорошо знать топографию страны). Далее, выйдя в Индийский океан, экспедиция обогнула Аравию и попала в Красное море, дойдя до Египта²¹.

Впрочем, Д.В. Панченко, видимо, тоже озадаченный указанием на восточный курс плавания, выдвинул (в своих статьях, указанных выше, в прим. 14) достаточно экзотическую гипотезу, согласно которой оно проходило не по Инду, а по Гангу. Это представляется в высшей степени маловероятным. Дарий не поставил под свой контроль Восточную Индию (она и в дальнейшем никогда не входила в состав Ахеменидской державы), и делать там его «порученцам» было совершенно нечего. Далее, если бы корабли Скилака действительно прошли по Гангу, а затем отправились в Египет, им, получается, пришлось бы обогнуть Индостан. Однако еще в эпоху походов Александра Македонского знания греков об основной части этого огромного полуострова были, можно сказать, ничтожны. Индия представлялась им несравненно меньше своего действительного размера; отсюда — наивные надежды Александра на скорое достижение «края земли». Подобной аберрации не могло бы возникнуть, если бы маршрут Скилаковой экспедиции был таким, каким его видит

²¹ Не знаем, чем объяснить странную ошибку, допущенную недавно таким серьезным специалистом, как Г. Шипли (Shipley 2021: 1300). Он утверждает, будто бы экспедиция Скилака плыла по Инду до моря, а потом вернулась обратно в Каспатир. В море, стало быть, не выходила. Но см. вышеприведенное свидетельство Геродота.

Д.В. Панченко. Наконец, город, фигурирующий у Геродота как Каспатир, находился в Гандхаре (об этом будет сказано ниже), что уже начисто исключает вариант с Гангом.

Покорение Дарием I северо-западной части Индии датируют временем около 517 г. до н.э. Значит, примерно тогда же состоялось и плавание Скилака. Или, возможно, несколько позже: судя по тому, что наш автор довольно много рассказывал об Индии, он познакомился со страной, то есть пожил там какое-то время, скорее всего, не слишком малое.

Приведем теперь статью о Скилаке из «Суды», византийского лексикона X в. (Suid. s.v. Σκύλαξ = Scyl. FGrHist. 709. T1): «Скилак. Кариандиец (Карианды — это город в Кари, близ Галикарнасса); математик и знаток музыки²². [Написал:] “Перипл мест, что за Геракловыми столпами”, “События при Гераклиде, царе милассян²³”, “Очерк Земли”, “Возражение на “Историю” Полибия”».

Как нередко бывает в этом позднем лексикографическом памятнике, в статье немало разного рода путаницы. Естественно, Скилак не мог ничего писать о Полибии — выдающемся греческом историке, работавшем во II в. до н.э. Более того, не мог о нем писать даже и Псевдо-Скилак, перипл которого относят, повторим, к IV в. до н.э. Иными словами, здесь перед нами совсем уже грубая ошибка лексикографа.

Прокомментируем остальное. Сочинение «Перипл мест, что за Геракловыми столпами» Ф. Якоби связывает с индийским плаванием Скилака²⁴. Резонный взгляд: Индийский океан и Красное море с точки зрения греков действительно находились за Геракловыми столпами. Заметим, кстати, что трактат с точно таким же названием указывается «Судой» в статье о Хароне Лампсакском, авторе более позднем. Вполне допустимо, что Харон опирался на данные Скилака.

²² Или искусств в целом. Эта характеристика (как и данная перед ней) применительно к автору периода поздней архаики отдает некоторым анахронизмом.

²³ Милассы (чаще Миласы) — город в Кари.

²⁴ Jacoby 1958: 589.

Соответственно, труд Скилака «Очерк Земли» (Γῆς περίοδος), с точки зрения Якоби²⁵, являлся, видимо, периплом более традиционного типа, описывавшим побережья «Внутреннего», или «Нашего», моря, — иными словами, средиземноморский бассейн. Причем, скорее всего, вкупе с понтийским: во всяком случае, материал по зоне Черноморских проливов в сохранившихся фрагментах имеется.

Еще один упомянутый в статье «Суды» трактат Скилака является по содержанию не географическим, а историческим, но он все же заслуживает того, чтобы сказать о нем хотя бы несколько слов. Заглавие его — «События при Гераклиде, царе милассян», — выглядит несколько загадочно. Что же за персонаж перед нами? Нам представляется практически несомненным, что он должен быть отождествлен с карийским военачальником Гераклидом из Милас, которого упоминает Геродот (Herod. V. 121), рассказывая о восстании против персидского владычества в Кариин в самом начале V в. до н.э. (как известно, карийцы подняли его, узнав о том, что ранее так же поступили ионийцы). Прочитав соответствующее место из «отца истории»: «Получив известие, что персы выступили против карийских городов, они (карийцы. — И. С.) устроили засаду на пути у Педаса: персы попали ночью в засаду и были уничтожены. Пали также и военачальники их: Даврис, Аморг и Сисимак, а с ними погиб и Мирс, сын Гигеса. Начальником же в этой засаде был Гераклид, сын Ибаноллия, из Милас (курсив наш. — И. С.).

Итак, Гераклид нанес персидскому отряду поражение. У Геродота, правда, он не назван царем, но это, скорее всего, не принципиально (возможно, Гераклид был тираном). Иными словами, вырисовывается важная деталь: в данном сочинении Скилака речь шла о событиях начала V в. до н.э., первого этапа Греко-персидских войн. Следовательно, автор был еще жив, по крайней мере, в первом десятилетии этого века. На лицо полная параллель с Гекатеем Милетским. Итак, здесь мы имеем дело с историческим трактатом, причем посвященным делам, которые происходили буквально на памяти

²⁵ Jacoby 1958: 591.

автора. Это даже как-то необычно. Традиционно считается, что что в среде ранних историков мифографическая тематика сменилась интересом к недавним событиям в V в. до н.э., но в основном ближе к его середине (Харон Лампсакский, Дионисий Милетский). Выходит, Скилак опередил свое время? И даже время Геродота, который писал все-таки о событиях, несколько отдаленных от него во времени, свидетелем которых он сам не был?

Все это несколько настораживает, закрадывается мысль: не может ли данное произведение быть поздним фальсификатом, приписанным реально раннему автору? Исключать нельзя ничего, однако же в любом случае озадачивает то, что какому-то фальсификатору могло понадобиться сочинять (и приписывать Скилаку) трактат о Гераклиде — деятеле сугубо третьестепенном. Все-таки одно дело — «События после Дария» (название одного из трудов Дионисия Милетского²⁶), а совсем другое — «События при Гераклиде, царе милассян». Всесильный владыка персов — и Гераклид, о котором, полагаем, и тогда мало кто слышал. Ситуация усугубляется тем, что от сочинения, о котором идет речь, не дошло ни одного фрагмента. Остается, как говорится, развести руками и оставить вопрос открытым.

Следующее свидетельство об этом писателе, к которому мы переходим, содержится в схолиях к периплу Псевдо-Скилака. Большая часть того, что говорится о Скилаке в пассаже из схолий, который сейчас будет процитирован, не обладает большой информативностью, а главное — относится все-таки в основном к Псевдо-Скилаку. Однако привлекает к себе внимание последняя фраза свидетельства, которое мы, впрочем, приведем полностью (Schol. Ps.-Scyl. Peripl. § 1 = Scyl. FGrHist. 709. T4):

«Скилак Кариандский — это муж древнейший. В то время как большинство частей нашей ойкумены и моря в пределах Геракловых столпов были многим неизвестны, он решил написать перипл ойкумены. Ведь все восточные области сделал знакомыми людям македонянин Александр, а облас-

²⁶ О котором см.: Суриков 2021г.

ти западных племен — доблесть римлян, одолевшая их войной. И так, по названным причинам Скилак не был в состоянии достичь точного знания всех этих местностей, но большинство частей ойкумены описал прекрасно и последовательно, в том числе Ионический или Адриатический залив²⁷, а кроме того — Аттику и весь Пелопоннес с обитающими на нем племенами, а еще ясно представил другие части моря и тех, кто там живет. Кажется, он из-за незнания большинства местностей прибежал к краткости — как бы в оправдание, — желая провести исследование или узнать о весьма немногих местах, по большей части выбранных случайно. Ясный же признак древности этого мужа — в том, что он не знает ни Александра, царя македонян, ни кого-либо из²⁸ тех, кто жил незадолго до его времени, так что не ошибется тот, кто почитает достойным восхищения, что этот человек смог столь многого достичь. Элий Дий²⁹ в первой книге сочинения “Об Александрии” говорит, что Скилак посвятил свой труд Дарию.

Когда схолиаст говорит о «древности этого мужа», древним он считает, собственно, не самого Скилака, а того Псевдо-Скилака, чей текст он комментировал. То ведь тоже писал еще до времен Александра Македонского. А вот приведенное в конце сообщение Элия Дия весьма интересно. Эта информация относится, конечно, уже не к Псевдо-Скилаку, а к «настоящему» Скилаку, причем она вполне может быть аутентичной. Вполне логично, что наш писатель-мореплаватель, будучи лояльным персидским подданным и пользуясь доверием Дария I, который давал ему ответственные поручения, поставил на своем трактате посвящение царю.

В качестве параллели можно припомнить еще одного эллина на персидской службе — самосского инженера Мандрокла, построившего для того же Дария знаменитый мост

²⁷ «Или» здесь не очень уместно, поскольку порождает впечатление, что речь идет о двух названиях одного залива, в то время как Ионическое и Адриатическое моря, естественно, являются разными, хотя и сообщающимися бассейнами.

²⁸ «Кого-либо из» — добавление издателей.

²⁹ Элий Дий — малоизвестный историк, обычно датирующийся II веком до н.э.

через Боспор³⁰. Процитируем Геродота (Herod. IV. 88): «Дарий остался весьма доволен сооружением моста и строителя его Мандрокла самосца осыпал дарами. На часть этих богатств Мандрокл велел написать картины с изображением всего строительства моста через Боспор; на берегу сидящим на троне был изображен Дарий и его войско, переходящее по мосту через Боспор. Картину эту Мандрокл посвятил в храм Геры на Самосее со следующей надписью:

Чрез многорыбный Боспор перекинув мост, посвятил я
Гере картину сию в память о мосте, Мандрокл.
Славу самосцам стяжал, себе же венец лишь почетный,
Царскую волю свершив, Дарию я угодил».

Это, судя по всему, не подхалимаж перед персидским царем (и картина, и эпиграмма находились в самосском Герайоне, который Дарий вряд ли посещал), а проявление искренней благодарности за высокую оценку труда Мандрокла. Почему бы такую же благодарность не испытывать и Скилаку? Он ведь, несомненно, тоже был награжден ахеменидским владыкой за совершенное им плавание.

Есть еще два свидетельства о Скилаке, но они совсем уже малоинформативны. Одно взято из ученой поэмы «Морские берега» Руфа Феста Авиена, римского географа IV в. н.э. (Avien. Or. Mar. 32 sqq. = Scyl. FGrHist. 709. T5); в нем интересующий нас автор просто упомянут. Другое сохранил Маркиан Гераклеяский — еще один позднеантичный географ (видимо, IV–V вв. н.э.), издавший эпитому «Перипла Внутреннего моря», написанного более ранним географом Мениппом Пергамским (I в. до н.э.). Marcian. Epit. Peripl. Menipp. 2 = Scyl. FGrHist. 709. T6: «А пишу я это, познакомившись со многими периплами... Конечно, те, кто решил исследовать это посредством письменных сочинений, — Тимосфен Родосский, бывший главным кормчим второго Птолемея³¹, и с ним Эратос-

³⁰ Судя по всему, именно при постройке этого моста Дарием были установлены стелы с надписями, фрагмент одной из которых недавно обнаружился в таком неожиданном месте, как Фанагория: Рунг, Габелко 2018.

³¹ Таким образом, этот автор датируется III веком до н.э.

фен... А вдобавок к ним — Пифей Массалийский³², Исидор Харакский³³ и Сосандр, кормчий, написавший книги об Индии, а также Симмей, изложивший³⁴ перипл ойкумены, а еще Апеллас Киренский, Евфимен Массалийский, Филей Афинский, Андросфен Фасосский, Клеон Сицилийский, Евдокс Родосский и Аннон³⁵ Карфагенский; одни из них написали периплы каких-то частей моря, другие — всего внутреннего моря, третьи — внешнего. Впрочем, были также Скилак Кариандский и Ботфей³⁶; они оба указали расстояния в море в днях плавания, а не в стадиях. Есть и другие, в еще большем количестве, перечислять которых я считаю излишним».

Относятся ли сведения о том, что Скилак указывал расстояния не в стадиях, а в днях плавания, к подлинному периплу Скилака? Вопрос не вполне ясен. С одной стороны, мог ли текст этого подлинного перипла быть доступен поздним авторам? В те времена под видом «перипла Скилака» давно уже имел хождение перипл Псевдо-Скилака, являющийся сочинением позднеклассического времени. А с другой стороны — про этот последний нельзя сказать, что в нем расстояния указаны «в днях плавания, а не в стадиях», ибо в нем, в разных местах, встречаются *и* дни плавания, *и* стадии.

* * *

Перейдем к рассмотрению сохранившихся фрагментов Скилака. Таковые дошли от двух его сочинений. Во-первых,

³² Знаменитый мореплатель, совершивший в конце IV в. до н.э. путешествие в Атлантическом океане (тем самым сломав «культурный барьер»: Cruz Andreotti 2016: 277) и оставивший его описание.

³³ Незначительный географ, видимо, времен Августа. Большинство далее перечисленных имен тоже принадлежит очень малым или просто неизвестным фигурам, и их нет смысла комментировать, тем более что к периплу Скилака, о котором здесь идет речь, они не имеют отношения.

³⁴ Текст несколько испорчен.

³⁵ Так в тексте. В действительности этого карфагенского мореплателя первой половины V в. до н.э. звали, конечно, Ганноном.

³⁶ Имя испорчено; предлагались различные эмендации, вплоть до «Гекатей» (что вряд ли верно).

это «Перипл мест, что за Геракловыми столпами», из которого имеем почти исключительно пассажи, повествующие об Индии. Они показывают, что данный труд сильно отличался от тех периплов, которые писались в более поздние эпохи и строились по схеме «от такого-то пункта до такого-то — такое-то расстояние», а прочую информацию содержали лишь в минимальном количестве. Тематика же трактата, который сейчас перед нами, гораздо более широка. Здесь и естествознание, и экскурс в область государственного устройства, и, если так можно выразиться, «фантастическая этнография» (таковой, пожалуй, особенно много). Впрочем, пусть тексты говорят сами за себя.

Scyl. FGrHist. 709. F3 = Athen. II. 82, p. 70a-c: «Артишок³⁷: Софокл в “Колхах” называет его кинарой³⁸, в “Фениксе” же пишет: “Песий терн заполонил всю ниву”³⁹. А Гекатей Милетский в “Описании Азии”... говорит, что и вокруг реки Инда родится кинара. Также Скилак (или Полемон) пишет, что “земля там влажная от источников и каналов; в горах же растет кинара и другая трава”. «Скилак (или Полемон)» — несколько странный способ выражения; поэтому предлагались поправки «и Полемон» (но тогда получается несогласованность в числе) либо «по словам Полемона». Имеется в виду Полемон Илионский, периегет рубежа III–II вв. до н.э., то есть автор заведомо более поздний по сравнению со Скилаком. У последнего же, несомненно, речь идет об индийском ландшафте.

Далее Афинея продолжает цитировать нашего географа (Scyl. FGrHist. 709. F4 = Athen. II. 82, p. 70c-d: «И далее: “Оттуда протянулась гора по обеим сторонам реки Инда⁴⁰, высокая и поросшая диким лесом и колючей кинарой”. А грамматик Дидим⁴¹, толкуя слова Софокла “песий терн”, заявляет: “Уж не о

³⁷ Это один из вариантов понимания, о каком растении здесь идет речь. Допустимы и иные возможности, но, чтобы сделать правильный выбор, нужно быть профессиональным ботаником.

³⁸ Этимология — от греческого слова, обозначающего собаку.

³⁹ Софокл цитируется в переводе Ф.Ф. Зелинского (здесь речь идет о двух его несохранившихся драмах).

⁴⁰ Слово «Инда» некоторые издатели удаляют.

⁴¹ Знаменитейший эллинистический филолог.

шиповнике ли он говорит? Ведь растение это колюче и жестко. И поэтому пифия назвала его древесным псом, и Локр, получив прорицание — основать город там, где он будет укушен древесным псом, — и оцарапав голень о шиповник, основал город”. Шиповник — нечто среднее между кустом и деревом, как говорит Феофраст, и плод имеет красный, подобный цвету граната; а лист у него колючий». Опять описывается природа Индии; видимо, Скилак делал это в контексте рассказа о своем плавании по Инду. Не случайно тут как раз упоминаются местности близ этой реки. Ничего недостоверного в этих фрагментах нет, все вполне реалистично. В худшую сторону в плане фактологии отличаются от них дальнейшие. Один из них, между прочим, сохранен самим Аристотелем (в «Политике»).

Scyl. FGrHist. 709. F5 = Arist. Pol. VII. 13. 1–2, p. 1332b12 sqq.: «А поскольку всякое политическое сообщество составляется из властвующих и подвластных, следует, конечно, рассмотреть, должны ли властвующие и подвластные меняться друг с другом или пожизненно оставаться одними и теми же. Ведь ясно, что и воспитание должно будет следовать одному из этих решений. Если бы те были настолько отличающимися от других, насколько боги и герои, как мы считаем, отличаются от людей (они, прежде всего, имеют большое телесное превосходство, а кроме того — и душевное), так что преимущество властвующих было бы для подвластных неоспоримым и очевидным, ясно, что лучше было бы раз и навсегда одним властвовать, а другим быть подвластными. Но, поскольку этого нелегко достичь и люди не бывают таковы, каковы у индийцев, говорит Скилак, цари, настолько вот отличающиеся от подвластных, очевидно, что по многим причинам всем необходимо в равной степени и поочередно быть и среди властвующих, и среди подвластных».

Как видно отсюда, Скилак писал о некоторых аспектах жизни индийцев, в частности, о царской власти у них. Жаль, что Аристотель здесь так краток и не поясняет, чем именно, в понимании нашего автора, индийские цари так резко выделялись среди остальных. Сверхчеловеческими доблестями? Положением? Каким-то особым происхождением? В любом

случае, похоже, что у Скилака были пассажи в некотором роде утопического характера. В действительности вряд ли можно сказать, что раджи индийских государств имели такой уж чрезмерно высокий статус.

Обратимся теперь к тем фрагментам, в которых повествовалось о фантастических народах⁴². Scyl. FGrHist. 709. F6 = Нагросг. s.v. ὑπὸ γῆν οἰκοῦντες: «Живущие под землей. Антифонт⁴³ в сочинении “О согласии”⁴⁴. Возможно, он говорит о тех, кого Скилак в “Перипле” называет троглодитами, а Гесиод в 4-й песни “Каталога”⁴⁵ именует катудеями». Троглодитов обычно помещали не в Индии. Чаще всего они ассоциировались с западным (африканским) берегом Красного моря, но там наш географ ведь тоже побывал в ходе своего плавания. Из сказанного можно заключить, что Скилак приписывал троглодитам некий род подземного существования. В этом мнении он далеко не одинок: у многих авторов встречаем, что это племя живет в пещерах. Но возможно, правда, что он на самом деле писал о тех людях, которые в следующем фрагменте F7a (см. ниже) названы пигмеями: тем тоже приписана жизнь под землей. Пигмеев ведь обычно тоже в Индии не помещали, связывая с тропической Африкой; правда, Скилак мог назвать незнакомый этнос знакомым именем. В любом случае, пещерный образ жизни еще не являет собой полной фантастики. А вот дальше пойдут сведения куда более сказочного характера — о «зонтиконогих», «длинногловых», «корзиноухих» и т.п.

Scyl. FGrHist. 709. F7a = Philostr. Vita Apoll. III. 47 (косвенная речь, передача слов, якобы сказанных Аполлонию Тиан-

⁴² В связи с фантастическими образами в греческих представлениях об Индии см. Anderson, 2020: 40 ff.

⁴³ Антифонт Афинский — виднейший интеллектуал второй половины V в. до н.э., философ-софист, оратор, знаток права, политик олигархической направленности.

⁴⁴ Эта фраза издателями переносится в начало статьи Гарпократиона из ее конца, где она стоит в рукописи.

⁴⁵ Имеется в виду известная эпическая поэма мифографогенеалогического содержания «Эои, или Каталог женщин», приписывавшаяся Гесиоду (и, возможно, действительно ему принадлежащая).

скому индийским мудрецом Иархом): «...Что пигмеи живут под землей, обитают же они за Гангом и образ жизни их таков, как у всех говорится. А что касается людей, именуемых скиаподами («зонтиконогими») и макрокефалами («длинноголовыми»), или таких, о каких говорят писания Скилака, — это, по его (Иарха. — *И. С.*) словам, сказки: они не живут ни в каких-нибудь других местах Земли, ни, во всяком случае, в Индии». Для Филострата Скилак — уже прежде всего сказочник. В еще большей мере он является таковым для Иоанна Цеца, автора уже византийского (XII в.), одним из наиболее известных произведений которого является ученая поэма «Хилиады».

Есть книжка — написал ее Скилак-кариандиец —
Где говорится про людей, что есть в земле Индийской:
Зонтиконогих (так их звать), еще ж корзиноухих.
Мол, у зонтиконогих-то — огромнейшие ступни,
И в час полуденной жары они, упав на землю,
Поднявши ноги над собой, в тени так пребывают.
А у корзиноухих, мол, столь же большие уши,
И, как зонтами, те себя ушами прикрывают.
Скилак тот пишет также тьму других вещей подобных:
Об одноглазых и о тех, кто в жизни раз рождает,
О тьме различных достопримечательностей странных.
И говорит он — якобы то истина, не враки.
А я по простоте своей считаю это ложью.
Но тьма писателей других то признает за правду:
Мол, вещи и еще странней случалось в жизни видеть.
И Ктесий⁴⁶, и Ямбул⁴⁷...

(Scyl. FGrHist. 709. F7b = Tzetz. Chil. VII. 629–644)

Итак, здесь перечисляется целый ряд категорий «странных людей», якобы живущих в Индии. Эта страна, надо сказать, и в целом часто предстает у греческих авторов, особен-

⁴⁶ Ктесий Книдский (рубеж V–IV вв. до н.э.), историк, чьи труды, посвященные странам Востока, пользовались невысокой репутацией и считались собранием вымыслов и сказочных побасенок.

⁴⁷ Ямбул (III в. до н.э.) — автор фантастического романа путешествий с элементами утопии.

но ранних, в каком-то сказочном ореоле. Вспомним хотя бы знаменитый рассказ Геродота о кровожадных муравьях размером с собаку, стерегущих золото (Herod. III. 102–105). По неволе задумаешься: уж не из Скилака ли взят этот рассказ великим уроженцем Галикарнасса? Это вполне можно допустить. О Скилаке, как мы видели, Геродот знает, упоминает его в связи с плаванием по Инду и океану. Таким образом, весьма вероятно, что он читал соответствующее сочинение морехода, из которого и почерпнул сведения об этом плавании. А значит, мог почерпнуть оттуда же и иную информацию, но только не упомянул в связи с ней Скилака (как хорошо известно, Геродот ссылаясь на свои источники редко, и уж совершенно точно не во всех случаях).

Все пассажи такого рода являют собой типичные образчики так называемого купеческого фольклора. Купцы, возвращаясь из дальних странствий, рассказывали на родине о разного рода чудесах и диковинках, будто бы виденных ими, — с целью развлечь земляков, а также, возможно, и отпугнуть потенциальных конкурентов. Вспомним хотя бы знаменитый цикл средневековых арабских сказок о приключениях *купца* Синдбада (имя которого, кстати, переводится как «плававший в Индию» — опять перед нами Индия). Вполне возможно, что Скилак по изначальной профессии был купцом-эмпором и именно в подобных занятиях приобрел свою опытность в корабельном деле, которая снискала ему благосклонность Дария I.

Приведем также некоторые фрагменты из «просто перипла» Скилака, в котором описывались побережья «Нашего моря». Scyl. FGrHist. 709. F9 = Schol. Apoll. Rhod. IV. 1215 (к словам: «...К нестям и городу именем Орик»): «Скилак говорит, что нестей — иллирийское племя: “От них можно проплыть в залив...”⁴⁸». И Эратосфен в 3-й книге “Географических описаний” говорит: “За иллирийцами — нестей, в области которых остров Фарос, колония паросцев”». Здесь имеем дословную

⁴⁸ Испорченное место, название залива утрачено. Обычно восстанавливают «в Манийский залив» (залив в Адриатическом море) на основании данных перипла Псевдо-Скилака.

цитату из Скилака, правда, находящуюся в не очень хорошем состоянии.

Scyl. FGrHist. 709. F10 = Schol. Apoll. Rhod I, 1177/1178a (к словам: «В это время достигли герои⁴⁹ страны Кианиды / Возле Арганфонеийской горы и Киосского устья. / Приняли их дружелюбно... мисийцы, / Жители этой земли»): «В описательном смысле о Киосе. Это — город в Мисии, названный в честь Кия, основавшего там колонию милетян, как повествует Аристотель в “Киосской политике”. Населяли же его вначале мисийцы, затем — карийцы, третьими — милетяне. Есть и река, называемая так же и обтекающая город; о ней упоминает Скилак Кариандский». Этот фрагмент и несколько следующих относятся к зоне Черноморских проливов. Речь идет о небольшом городе Киосе в Мисии (позже он вошел в состав Вифинии и в эллинистическое время был переименован в Прусиаду). Киос — милетская колония, основанная, по данным других источников, во второй половине VII в. до н.э.⁵⁰. Ничего нового из Скилака как такового мы здесь не узнаем. Данное место из схолий к Аполлонию Родосскому, впрочем, интересно тем, что содержит (но со ссылкой не на Скилака, а на Аристотеля, Arist. fr. 514 Rose) уникальное свидетельство о наименовании архаической греческой колонии в честь ойкиста. Значение этого свидетельства (до нас, кажется, как-то никем не замеченного, даже И. Малкиным, специально занимавшимся вопросом о том, когда колонии начали получать названия в честь ойкистов⁵¹) мы акцентируем в другом месте⁵².

Вернемся к фрагментам Скилака. Scyl. FGrHist. 709. F11 = Strab. XII. 4. 8, p. 566: «А о том, что Вифиния населена мисийцами, прежде всего, свидетельствует Скилак Кариандский, говоря, что вокруг Асканийского озера живут фригийцы и мисийцы, а после него — Дионисий, составивший “Основания”⁵³... и Евфорион⁵⁴... и Александр Этолийский⁵⁵ подтвер-

⁴⁹ Аргонавты.

⁵⁰ Tsetsikhladze, Hargrave 2010: 393.

⁵¹ Malkin 1985.

⁵² Суриков 2022б.

⁵³ Было несколько античных географов, носивших очень распространенное имя «Дионисий». Здесь с наибольшей вероятностью име-

ждают то же самое, поскольку нельзя найти никакого другого Асканийского озера, кроме тамошнего». Здесь мы по-прежнему остаемся в том же регионе, в пределах Мисии и Вифинии.

К зоне Черноморских проливов относится и следующий фрагмент. Это важный пассаж из Страбона, в котором говорится о границах Трояды, как они понимаются разными авторами. Он представляет собой интерес применительно к взглядам не только Скилака, ни и некоторых других ранних ученых, писавших по географическим сюжетам (Харона Лампсакского, Дамаста Сигейского⁵⁶), и обязательно должен быть приведен полностью.

Scyl. FGrHist. 709. F12 = Char. FGrHist. 262 F13 = Damast. FGrHist. F9 = Strab. XIII. 1. 4, p. 582–583: «Однако, поскольку эолийцы рассеялись по всей стране, которую, как мы говорили, поэт⁵⁷ называет троянской, из тех, кто жил позже, одни именуют Эолидой ее всю, а другие — ее часть, и Троей — одни всю ее, а другие — часть, совершенно ни в чем не соглашаясь друг с другом. Ведь Гомер указывает начало Трояды прямо у мест по Пропонтиде, от Эсепа⁵⁸; а Евдокс⁵⁹ — от Приапа и Артаки, местечка на острове кизикийцев, обращенного к Приапу, изменяя ее границы⁶⁰ в меньшую сторону. Дамаст же еще сильнее сокращает ее, начиная от Пария; и, опять же, он продолжает ее до Лекта, а у других — иначе. Харон Лампсакский отнимает еще триста стадиев, начиная Трояду от Практия (ведь именно такое расстояние от Пария до Практия), а продлевает до Адрамиттия. А Скилак Кариандский

ется в виду Дионисий Халкидский (IV в. до н.э.), написавший сочинение об основании городов.

⁵⁴ Евфорион Халкидский, эпический поэт III в. до н.э.

⁵⁵ Поэт (лирик и драматург) рубежа эпох классики и эллинизма.

⁵⁶ Харон и Дамаст были прежде всего историками, но интересовались и географией. Они, впрочем, писали уже в V в. до н.э. и поэтому не могут быть отнесены к самому первому поколению греческих географов.

⁵⁷ Гомер.

⁵⁸ Название реки. В дальнейшем изложении фигурируют различные троядские топонимы.

⁵⁹ Евдокс Книдский, разносторонний ученый IV в. до н.э.

⁶⁰ «Границы» — поправка издателей; в тексте Страбона ошибочное «горы».

начинает ее от Абидоса; подобным же образом Эфор⁶¹ говорит, что Эолида простирается от Абидоса до Кимы, а у других — иначе».

Перед нами свидетельство кипевших в древнегреческой литературе с достаточно раннего времени острых споров историко-географического характера. Порождены они, в частности, тем, что в архаическую эпоху имели место колонизация и освоение Трояды греками Эолиды. Поскольку два этих региона, находясь рядом, соприкасались до того тесно, что могли с какого-то момента начать восприниматься как единое целое, в действительности таковым не являясь, закономерно стал актуальным вопрос об их разграничении (как неоднократно отмечалось, в пространственных представлениях категория границы — одна из ключевых, если не самая ключевая).

Где тот или иной автор видел границы Трояды и Эолиды (почему, скажем, Дамаст видел их так, а Харон — иначе, а Скилак — еще иначе) — это, несомненно, зависело от каких-то злободневных факторов, действовавших в их время, в частности, от политического соперничества полисов. Детали этого соперничества от нас теперь уже ускользают. Впрочем, бросается в глаза, что исходным звеном «цепочки мнений» предстает здесь «Илиада» Гомера, в которой, кстати, Трояда имеет наибольшую величину, а последующие авторы ее уменьшают. Здесь перед нами, между прочим, аналогия с тем, как Гомер воспринимал соседний с Троядой Геллеспонт. Для него это не только нынешний Дарданелльский пролив (как Геллеспонт понимали в более позднее время), но также и акватории, прилегавшие к нему как с юго-запада (северо-восточная часть Эгейского моря), так и с северо-востока (Пропонтида — полностью или частично, иногда даже Боспор Фракийский)⁶².

Наконец, еще один фрагмент Скилака, сохраненный весьма поздним писателем — византийским императором

⁶¹ Эфор из Кимы — один из крупнейших историков IV в. до н.э., представитель риторической историографии

⁶² В связи с пониманием Геллеспонта Гомером, а также с проблемами эолийской (и ионийской) колонизации этого региона сошлемся на свою большую статью (Суриков 2013).

Константином VII Багрянородным (X в.) — в трактате «О фемах» (фемами назывались, как известно, единицы административного деления в тогдашней Византийской империи).

Scyl. FGrHist. 709. F13 = Const. Porph. De them. I. 2: «Фема, называемая Армениаком, имеет не собственное имя, и название ее не является древним... Ведь ни Страбон не упоминает о таком названии... ни Менипп⁶³, записавший расстояния во всем населенном мире, ни Скилак Кариандский, конечно, ни Павсаний⁶⁴ и никто другой из авторов исторических сочинений». Фема Армениак была создана в VII в., включала территории Понта, Малой Армении и Северной Каппадокии. Совершенно не удивительно, что у античных авторов не упоминается фема, созданная (и получившая название) в послеантичное время. Здесь перед нами, если так можно выразиться, «отрицательное свидетельство», сообщающее о том, чего Скилак (ожидаемо) не говорил. Из него можно сделать только тот вывод, что Константин Багрянородный был знаком с периплом Скилака. Впрочем, нет, — даже и такого вывода сделать нельзя. Ибо император вполне мог читать на самом деле перипл Псевдо-Скилака и говорить здесь именно о нем. Даже скорее всего, что именно так обстоит дело, ибо перипл Псевдо-Скилака с определенного момента имел хождение в качестве «перипла Скилака».

Обобщим сказанное выше о нашем авторе. Приходится пожалеть, что от этого интересного писателя дошло так мало фрагментов, и притом многие из них скудны информацией. Впрочем, даже и на их основании можно сделать вывод о том, что Скилак как ученый напоминал Гекатея — прежде всего своей любознательностью, пристрастием к путешествиям, интересом к географии и этнографии. А вот мифографических интересов, в отличие от Гекатея, у него не находим. Его также можно считать одним из отцов (или, скорее, предшественников) парадоксографии — жанра, в рамках которых писалось о разного рода «необычных». Полагаем, оправданно Ф. Якоби включил Скилака в свой фундаментальный

⁶³ Менипп Пергамский (см. выше свидетельство Т6).

⁶⁴ Видимо, имеется в виду известный периегет II в. н.э.

свод «Фрагменты греческих историков». Для историка, кстати, особенно болезненна полная утрата его сочинения о Гераклиде Миласском (если оно действительно аутентично), поскольку в нем, несомненно, говорилось о каких-то эпизодах раннего периода Греко-персидских войн.

Как говорилось выше, интересно сопоставить Скилака и Гекатея; остановимся на этом вопросе подробнее. Оба ученых — современники, причем в самом прямом и полном смысле слова: они начали свою литературную деятельность в последней четверти VI в. до н.э., но были еще живы и активны в первом десятилетии следующего столетия. Оба — из малоазийских греков, оба были персидскими подданными. Гекатей, помимо историко-мифографического трактата (название которого передается как «Истории»⁶⁵, «Генеалогии», «Героология»), написал географический труд «Описание Земли» (Περὶ γῆς Γῆς), название которого иногда передается как «Очерк Земли» (Περίοδος Γῆς). Практически точно такое же название (Γῆς περίοδος) мы встретили в перечне сочинений Скилака в свидетельстве «Суды». Обычно считается, что Гекатей создал первую периегезу, а Скилак — первый перипл. Но на раннем этапе эти два жанра почти не отличались друг от друга, были настолько тесно взаимосвязаны, что подчас трудно провести между ними разграничительную линию⁶⁶.

Остановимся на этом вопросе чуть подробнее. Различие между двумя вышеназванными жанрами, по большому счету, только в том, что в первом из них описывался тот или иной путь по суше, во втором — по морю. Соответственно, авторов периегез (периегетов) иногда называют «гидами», а авторов

⁶⁵ Именно так, во множественном числе. Скорее всего, так же называлось и сочинение Ферекида Афинского, работавшего во второй четверти V в. до н.э. Неосновательно мнение (Nikolaidou-Arabatzi 2018: 224), будто ранее Геродота существительное «история» (ἱστορία, ἱστορίη) вообще не встречается в памятниках древнегреческого языка

⁶⁶ Об их смежности мы писали, — правда, в связи с иным источником (периплом Псевдо-Скимна) — и в другом месте (Суриков 2020б).

периплов — «лоцманами». Такого рода определения, понятно, следует воспринимать только метафорически.

Обычно считается, что в периегезах уделяется большее внимание событиям прошлого, поскольку в них при описании городов и местностей постоянно идет речь о достопримечательностях, о памятниках истории и культуры; в периплах же интерес к прошлому проявляется в существенно меньшей степени, поскольку писались они в первую очередь для мореходов, которым важнее было знать, где лучше причалить, а не где осмотреть пресловутые достопримечательности. Да, если сопоставить, скажем, периегезу Павсания и перипл Арриана, то именно это различие и бросится в глаза. Но всегда ли оно существовало? Далеко не факт, что, если оно и имеет силу применительно к периплам и периегезам гораздо более поздних эпох, чем конец VI в. до н.э., его можно найти при сравнении самых ранних памятников, когда жанры только формировались.

Итак, согласно, общепринятому мнению, авторы периегез движутся по суше, авторы периплов — по морю. И в целом, безусловно, это соответствует действительности. Однако маршрут-то тем не менее в обоих случаях получается довольно-таки схожий! Особенно когда описывается средиземноморский бассейн. Автор идет вначале от Гибралтарского пролива на восток вдоль северного (европейского) побережья, а возвращается в конце концов к тому же Гибралтарскому проливу, следуя теперь на запад южным (африканским) побережьем. Взять хотя бы последовательность изложения в периегезе Гекатея: Испания — южное побережье Кельтики (Галлии) и Лигурии — западное побережье Италии — Сицилия — южное побережье Италии — Адриатическое море... И так далее. А в завершающей части: Египет — регионы к югу от него — Ливия вплоть до Геракловых столпов. Близость к периплам налицо. Это и не удивительно, учитывая, что эллины, особенно на ранних этапах своей истории, были по понятным причинам больше ориентированы на морские, а не на сухопутные путешествия. «С самого начала

греческая *география* в равной мере представляла собой и *талассографию*»⁶⁷.

Авторы периегез, правда, не так сильно привязаны к морю, как авторы периплов, они совершают экскурсии в регионы, отдаленные от него. Но и это всё в известной мере условно и относительно. Так, автор известного перипла Псевдо-Скимна (составленного, видимо, во второй половине II в. до н.э.) тоже иногда отклоняется от своего морского маршрута в глубину материка, — в частности, когда повествует о земле кельтов или скифов.

Насколько нам представляется, географические сочинения Гекатея и Скилака не так уж и сильно отличались друг от друга. Правда, от первого дошло огромное количество фрагментов (намного более трех сотен)⁶⁸, а от второго, к сожалению, очень небольшое; все они были рассмотрены нами выше.

Может ли при имеющемся состоянии источниковой базы решен вопрос о том, кому из этих двух принадлежит хронологический приоритет? Относительно времени написания периегезы Гекатея сразу оговорим: за *terminus post quem* для начала работы над ней, видимо, следует принять 65-ю олимпиаду (520/519–517/516 гг. до н.э., эта датировка фигурирует в: Suid. s.v. 'Εκαταῖος), когда был завершен и опубликован историко-мифографический труд того же автора, а за *terminus ante quem* для окончания этой работы — Ионийское восстание, вспыхнувшее в 500 г. до н.э. Геродот, рассказывая об участии Гекатея в совещании повстанцев, изображает его именно экспертом в области географии (Herod. V. 36), а затем вождь восстания Аристагор ездил в Грецию за военной помощью, захватив с собой Гекатееву карту (Herod. V. 49)⁶⁹. Для индийского перипла Скилака в качестве *terminus post quem* нужно брать покорение Дарием I северо-западной части Индии около 517 г. до н.э., а в качестве *terminus ante quem* — то же Ио-

⁶⁷ Janni 2016: 21.

⁶⁸ Опубликован их перевод, выполненный нами (Гекатей Милетский 2021).

⁶⁹ Строго говоря, Геродот не указывает, чью карту имел при себе Аристагор. Но, судя по ее детальности, это явно была карта Гекатея (тем более что Аристагор был знаком с ним лично), а не Анаксимандра.

нийское восстание (точнее, одновременное с ними восстание карийцев, о событиях которого Скилак написал уже в другом сочинении, как говорилось выше).

Итак, вроде бы перед нами полная накладка по времени, и приоритет не устанавливается. Однако, как нам кажется, существует возможность продемонстрировать зависимость Гекатея от Скилака: есть некоторые, пусть и косвенные, данные на сей счет. Экспедиция, в которой участвовал кариандиец, отправилась, напомним, из города, название которого Геродот передает как «Каспатир». Каков источник этой информации? Поскольку «отец истории» не мог встречаться со Скилаком, ответ однозначен: она почерпнута из сочинения последнего, напрямую или через какого-то посредника.

А в то же время в одном из фрагментов «Описания Земли» Гекатея (Hecat. FGrHist. 1. F295) читаем: «Каспапир. Гандарский (то есть гандхарский. — *И. С.*) город, находящийся напротив скифов⁷⁰. Гекатей в “Азии” (“Азией” называлась вторая книга географического трактата Гекатея. — *И. С.*)». Совершенно ясно, что речь идет об одном и том же населенном пункте, да и различие-то минимально. Коль скоро город упоминается и Скилаком, и Гекатеем, понятно, что какое-то из двух сообщений является первичным, а другое заимствованным. При этом Гекатей вряд ли добирался до Индии, а Скилак побывал там заведомо, так что трудно усомниться в том, что первоисточником был он.

Есть и еще один аналогичный случай. Hecat. FGrHist. 1. F296: «Он (Гекатей. — *И. С.*) говорит, что и вокруг реки Инда родится кинара». Scyl. FGrHist. 709. F3–F4 (цитировались и выше): «Земля там влажная от источников и каналов; в горах же растет кинара и другая трава... Оттуда протянулась гора по обеим сторонам реки Инда, высокая и поросшая диким лесом и колючей кинарой». Оба пассажи сохранены Афинеем.

Итак, коль скоро Гекатей Милетский использовал трактат Скилака «Перипл мест, что за Геракловыми столпами», из

⁷⁰ «Напротив скифов» — поправка издателей; у Стефана Византийского, сохранившего этот фрагмент, явно неверное «и побережье скифов». Скифы, фигурирующие здесь, — это, естественно, среднеазиатские «скифы» (саки и массагеты).

этого следует вывод, что это произведение (а не «Описание Земли» Гекатея) представляет собой самый ранний памятник древнегреческой дескриптивной географии, а его автор, Скилак Кариандский, был древнейшим ее представителем, а также вторым античным географом после Анаксимандра⁷¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гекатей Милетский 2021 — *Гекатей Милетский*. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова // *Scripta antiqua*. 2021. Т. 9. С. 393–482.
- Мусбахова 2014 — *Мусбахова В.Т.* В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии* / Под ред. В.Т. Мусбаховой. СПб., 2014. С. 75–92.
- Рунг, Габелко 2018 — *Рунг Э.В., Габелко О.Л.* Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // *Вестник древней истории*. 2018. Т. 78. № 4. С. 847–869.
- Суриков 2013 — *Суриков И.Е.* «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2013. № 4 (42). С. 3–44.
- Суриков 2020а — *Суриков И.Е.* Древнегреческая география как феномен культуры: некоторые замечания // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2020. № 3. С. 10–26.
- Суриков 2020б — *Суриков И.Е.* Сочинение Псевдо-Скимна в контексте античных греческих жанров перипла и периегезы // *Херсонесский сборник*. 2020. Вып. 21. С. 216–226.
- Суриков 2021а — *Суриков И.Е.* К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // *Вестник древней истории*. 2021. Т. 81. № 4. С. 837–862.

⁷¹ Что касается Анаксимандра, в статье «Суды», посвященной ему (Anaximand. DK. 12. A2), философу приписано сочинение «Очерк земли» (Γῆς περίοδος), то есть фактически тоже периегеза. Однако это сообщение не представляется соответствующим действительности. Согласно более распространенной и более надежной традиции, Анаксимандр — автор только одного труда — трактата «О природе» (Περὶ φύσεως).

- Суриков 2021б — Суриков И.Е. Гелланик и Афины // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (73). С. 176–196.
- Суриков 2021в — Суриков И.Е. Первое прозаическое описание Средиземноморья: историко-географический труд Гекатея Милетского // *Mare nostrum*. 2021. Вып. 2. С. 10–50.
- Суриков 2021г — Суриков И.Е. Забытый историк Дионисий Милетский // *Метаморфозы истории: Научный альманах*. 2021. Вып. 20. С. 22–38.
- Суриков 2022а — Суриков И.Е. Межэтнические контакты, «варвары» и становление древнегреческой исторической мысли // *Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. М., 2022. Вып. 34: Межэтнические контакты в социокультурном контексте / Отв. ред. Е.А. Мельникова. С. 237–242.
- Суриков 2022б — Суриков И.Е. Антропонимы и топонимы: ойкисты и названия древнегреческих городов // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием* / Отв. ред. И.Г. Коновалова, Е.В. Пчелов. М., 2022. С. 248–250.
- Хайдеггер 1991 — *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991.
- Alganza Roldán 2012 — *Alganza Roldán M.* Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // *Florentia iliberritana*. 2012. Vol. 23. P. 23–44.
- Anderson 2020 — *Anderson G.* Fantasy in Greek and Roman Literature. London; New York, 2020.
- Armayor 2004 — *Armayor O.K.* Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // *The World of Herodotus* / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 321–335.
- Bertelli 2007 — *Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // *The Historian’s Craft in the Age of Herodotus* / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 2007. P. 67–94.
- Bianchetti 2016 — *Bianchetti S.* The “Invention” of Geography: Eratosthenes of Cyrene // *Brill’s Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition* / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 133–149.

- Bichler 2016 — *Bichler R.* Persian Geography and the Ionians: Herodotus // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 3–20.
- Bichler 2018 — *Bichler R.* Herodotus the Geographer // Herodotus — Narrator, Scientist, Historian Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 139–155.
- Braun 2004 — *Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / Ed. by K. Lomas. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347.
- Cruz Andreotti 2016 — *Cruz Andreotti G.* Rome and Iberia: The Making of a Cultural Geography // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 274–297.
- Fowler 2013 — *Fowler R.L.* Early Greek Mythography. II. Commentary. Oxford, 2013.
- Hansen 1987 — *Hansen M.H.* Hekataios' Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by T.H. Nielsen. Stuttgart, 1997. P. 17–27.
- Heidel 1987 — *Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. New York; London, 1987.
- Herrmann 1911 — *Herrmann M.* Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges // *Klio*. 1911. Bd. 11. S. 382–384.
- Jacoby 1958 — *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). C. Autoren ueber einzelne Laender. Nr. 608a–856 (Bd. 2: Illyrien — Thrakien, Nr. 709–856). Leiden, 1958.
- Janni 2016 — *Janni P.* The Sea of the Greeks and Romans // Brill's Companion to Ancient Geography: The Inhabited World in Greek and Roman Tradition / Ed. by S. Bianchetti, M.R. Cataudella, H.-J. Gehrke. Leiden; Boston, 2016. P. 21–42.
- Lendle 1992 — *Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.
- Malinowski 2017 — *Malinowski G.* Strabo the Historian // The Routledge Companion to Strabo / Ed. by D. Dueck. London; New York, 2017. P. 337–352.

- Malkin 1985 — *Malkin I.* What's in a Name? The Eponymous Founders of Greek Colonies // *Athenaeum*. 1985. Vol. 63. P. 114–130.
- Matthaios 2018 — *Matthaios S.* Eratosthenes, Crates and Aristarchus on the Homeric Dual. Rethinking the Origins of the 'Analogy vs. Anomaly Controversy' // *Approaches to Greek Poetry* / Ed. by M. Ercoles, L. Pagani, F. Pontani, G. Ucciardello. Berlin; Boston, 2018. P. 25–49.
- Mehl 2004 — *Mehl A.* Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // *The World of Herodotus* / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 337–348.
- Molina Marín 2017 — *Molina Marín A.I.* Under the Shadow of Eratosthenes: Strabo and the Alexander Historians // *The Routledge Companion to Strabo* / Ed. by D. Dueck. London; New York, 2017. P. 294–305.
- Möller 2005 — *Möller A.* Epoch-making Eratosthenes // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 2005. Vol. 45. P. 245–260.
- Munn 2006 — *Munn M.* The Mother of the Gods, Athens, and the Tyranny of Asia: A Study of Sovereignty in Ancient Religion. Berkeley, 2006.
- Nikolaidou-Arabatzi 2018 — *Nikolaidou-Arabatzi S.* ἱστορέειν and θωμάζειν: Scientific Terms and Signs of Unity in Herodotus' *Histories* // *Herodotus – Narrator, Scientist, Historian* / Ed. by E. Bowie. Berlin; Boston, 2018. P. 223–241.
- Panchenko 1998 — *Panchenko D.V.* Scylax' Circumnavigation of India and its Interpretation in Early Greek Geography, Ethnography and Cosmography, I // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. No. 2. P. 211–242.
- Panchenko 2002 — *Panchenko D.V.* Scylax in Philostratus' Life of Apollonius of Tyana // *Hyperboreus*. 2002. Vol. 8. No. 1. P. 5–12.
- Panchenko 2003 — *Panchenko D.V.* Scylax' Circumnavigation of India and Its Interpretation in Early Greek Geography, Ethnography and Cosmography, II // *Hyperboreus*. 2003. Vol. 9. No. 2. P. 274–294.
- Pearson 1975 — *Pearson L.* Early Ionian Historians. Westport, 1975.
- Shiple 2011 — *Shiple G.* Pseudo-Skylax's *Periplus*: The Circumnavigation of the Inhabited World. Text, Translation and Commentary. Bristol, 2011.
- Shiple 2021 — *Shiple G.* Scylax (Σκύλαξ, ὁ) of Caryanda // *The Herodotus Encyclopedia* / Ed. by C. Baron. Vol. 3 (P–Z). Hoboken, 2021. P. 1300–1301.

- Tsetskhladze, Hargrave 2010 — *Tsetskhladze G., Hargrave J. Colonisation Ancient and Modern: Some Observations // Gaudeamus igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джек-сон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 381–398.*
- West 1991 — *West S. Herodotus' Portrait of Hecataeus // Journal of Hellenic Studies. 1991. Vol. 111. P. 144–160.*

М. А. КУРЬШЕВА

КАРТА МИРА В ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ XVI ВЕКА

Аннотация. В статье вводится в научный оборот уникальная карта мира, содержащаяся в рукописи РГБ *Греч. 150* середины XVI века. Рукопись написана рукой знаменитого каллиграфа Ангелоса Вергикиоса, почерк которого был определен Б.Л. Фонкичем. Нами по гербу в рукописи был идентифицирован ее заказчик — знатный епископ-натуралист Рене дю Белле. Карта мира иллюстрирует трактат византийского ученого Георгия Гемиста Плифона. Однако она не является иллюстрацией к тексту Плифона, а отражает представления об ойкумене, характерные для французских интеллектуалов середины XVI века. Стилистически карта выполнена в антично-византийской традиции, но на ней уже есть континент Америка. Эта карта показывает механизм «возрождения» и «обогащения» античных географических знаний в ренессансной Франции и особую роль греков-эмигрантов в этих процессах.

Ключевые слова: греческие рукописи, Ангелос Вергикиос, Рене дю Белле, Ренессанс, Византия после Византии, карта мира

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится греческая рукопись с иллюстрацией, изображающей карту миру. Она находится в Фонде № 68 (Собрание рукописей Генерального штаба) под шифром *Греч. 150*. Рукопись датируется серединой XVI века. Ни сама рукопись, ни карта в ней практически никогда не привлекали внимание исследователей и до сих пор не публиковались. Это происходило, по-видимому, потому, что для историков-византинистов

она казалась слишком поздней, относящейся уже к поствизантийской эпохе. Тогда как для специалистов по истории Ренессанса она воспринималась как часть византийского наследия и соответственно находилась вне сферы их интересов.

Тем не менее, эта небольшая (152 x 103 мм), написанная на бумаге с филигранями (33 лл.) греческая рукопись представляет собой редчайший для наших отечественных собраний артефакт уникальной сохранности. Рукопись сохранила свой «родной» переплет (что уже само по себе ценно для исследователей книжности), отличается феноменальным почерком и украшена гербом заказчика-владельца. Ее с полным правом можно назвать шедевром французской ренессансной культуры.

Рукопись хранится в РГБ с вложенным в нее кратким описанием, которое было составлено в 1945 г. аспирантом АН СССР, а в будущем — выдающимся византинистом А.П. Кажданом, которого, однако, заинтересовало в основном только ее содержание. Собственно, само состояние изучения греческих рукописей того времени не позволяло сделать что-то большее, чем фиксацию заглавия текста и определения филигранной бумаги, на которой он написан. В этом смысле А.П. Каждан взялся за дело описания греческих рукописей, «которым никто в СССР уже много лет на занимался»¹.

На том же листе с описанием А.П. Каждана имеется карандашная помета выдающегося палеографа Б.Л. Фонкича о том, что в этой рукописи «почерк Ангела Вергикия (!) (см. Omont № 12, 13–14) середины XVI в. (Фонкич)». Еще в 1965 г. Б.Л. Фонкич опубликует это отождествление по почерку в своей этапной статье «Греческие ученые эпохи Возрождения», которая положила начало его многочисленным идентификациям почерков греческих ученых поствизантийской эпохи в собраниях Москвы и Ленинграда². Здесь же была уточнена ссылка на альбом А. Омона, по которому Б.Л. Фонкич отождествил этот почерк³.

¹ Иванов 2020: 502–503.

² Фонкич 1965: 269.

³ Omont 1887: № 2.

Знаменитый писец греческих рукописей XVI в. Ангелос Вергикиос, критянин (Ἄγγελος Βεργίκιος (Βεργίτζης) ὁ Κρής), заслуженно занимает первое место в ряду греческих каллиграфов этого столетия. Датированные рукописи Вергикиоса известны с 1535 по 1569 годы. В трехтомном своде греческих писцов с IX до начала XVII в. приведена краткая биография этого писца с указанием всей предшествующей библиографии и список скопированных им рукописей, а также образцы письма из его рукописей в собраниях Великобритании, Франции, Рима с Ватиканом⁴. В разных собраниях мира сохранилось более сотни скопированных им рукописей античных и византийских авторов. В базе данных *Pinakes* Парижского Института исследований и истории текстов можно видеть относительно полный список выявленных на сегодняшний день в историографии его рукописей, сохранившихся в собраниях Франции (больше всего — 68 манускриптов), Великобритании (18), Италии (7), Ватикана (4), Швейцарии (4), Нидерландах (3), Испании (2), США (1)⁵. Однако в этой постоянно пополняемой новейшей базе данных «наша» рукопись РГБ *Греч.* 150 не учтена и соответственно остается вне поля зрения современных исследователей.

Король Франции Франциск I в течение своего правления собрал более 500 греческих рукописей, то есть «накопил» самую большую коллекцию к северу от Альп. На него работала целая сеть агентов, которые покупали и копировали греческие манускрипты. Одним из них был французский посол в Венецианской республике Жорж де Сельв (1508–1541)⁶, который сам получил классическое образование у Пьера Дане (1497–1577). Кстати, портрет Жоржа де Сельва дошел до нас на знаменитой картине Ганса Гольбейна Младшего «Послы» 1533 г., находящейся в Лондонской Национальной галерее. Пьер Дане же, в свою очередь, учился под руководством Гийома Бюде и Яна Ласкариса (ок. 1445–1535).

⁴ Gamillscheg, Harlfinger 1981: № 3; Gamillscheg, Harlfinger 1989: № 3; Gamillscheg, Harlfinger, Eleuteri 1997. № 3.

⁵ Электронный ресурс [режим доступа: <https://pinakes.irht.cnrs.fr/notices/copiste-possesseur-autre/810/>, дата обращения — 22.09.2022].

⁶ Kalas 1987.

Именно Дане возглавил кафедру греческого языка в 1530 г. в новом Королевском Коллеже (будущем Коллеж де Франс).

Находясь в Венеции в 1534 году, де Сельв встретил недавно прибывшего с Крита греческого писца Ангелоса Вергикиоса. В Венеции, Риме и Париже Вергикиос зарабатывал на жизнь перепиской греческих рукописей. Образованный грек с прекрасным почерком поехал во Францию с де Сельвом в 1539 г. и вскоре поступил на королевскую службу, став библиотекарем в Фонтенбло. Таким образом, Ангелос Вергикиос с 1539 г. и до своей смерти в 1569 г. был библиотекарем королевской библиотеки в Фонтенбло, хранителем королевской коллекции греческих рукописей при дворе французских королей Франциска I (1494–1547), Генриха II (1519–1559) и Карла IX (1550–1574).

Вергикиос принял на хранение королевскую коллекцию греческих рукописей и стал работать над составлением ее инвентаря. Затем в сотрудничестве со своим соотечественником тоже критским греком Константином Палеокаппой (годы его жизни неизвестны, но написанные им датированные рукописи относятся к 1539–1554 гг.⁷) Вергикиос между 1549 и 1552 гг. составил каталог этого собрания.

Параллельно Ангелос Вергикиос был привлечен в качестве корректора греческих текстов в королевскую типографию. А в марте 1545 г. он появляется в указе, изданном Франциском I в пользу профессоров и читателей Королевского Коллежа, где он был назван *Angelo Vergetio nostre escrivain en grec*.

Именно замечательный каллиграфический греческий почерк Вергикиоса был положен в основу нового греческого шрифта королевской типографии, известного как *Grecs du Roi*, созданного в 1540 г. Клодом Гарамоном (1499–1561)⁸.

Его деятельность как переписчика рукописей изучалась такими выдающимися эллинистами как Э. Легран (1841–1903), А. Омон (1857–1940) и А. Дэн (1896–1964)⁹, однако монографическое исследование его жизни и творчества до сих пор так и не создано. В последнее время появились пуб-

⁷ García Bueno 2014.

⁸ Armstrong 1954: 52–55, 124, 127–128.

⁹ Legrand 1885; Omont 1916; Dain 1937;

ликации американского исследователя Г. Пирса, посвященные иллюминированным рукописям Ангелоса Вергикиоса, содержащим стихотворения византийского поэта Мануила Филадельфийского¹⁰.

В историографии была дискуссия о том, кто был художником его рукописей — его дочь, которая стала художницей, или он сам¹¹. Окончательно этот вопрос пока не разрешен. Отмечу, что в некоторые скопированные Ангелосом Вергикиосом тексты оказались добавлены иллюстрации, которых не было в его протографах. Сам Вергикиос в своих письмах покровителю искусств и библиофилу Анри де Месме (1532–1596) сетует на то, что трудно хорошо продать рукопись, для которой уже существует печатное издание¹². Видимо, для придания ценности и оригинальности рукописи в эпоху книгопечатания в нее и добавлялись иллюстрации.

Нам удалось определить заказчика рукописи по гербу, который является центральным мотивом в заставке на л. 3. Им оказался представитель старинного анжуйского рода — Рене дю Белле (René du Bellay, 1500–1546), четвертый брат трех знаменитых сподвижников короля Франциска I — Гийома, Мартена и Жана. В отличие от своих старших братьев на службе у Франциска I — военных, дипломатов и кардиналов, — он был епископом Мана и Грасса и, кроме этого, увлеченным натуралистом. Его ботанический сад по полноте представленных и культивируемых видов превосходил не только все французские сады, но и коллекции Германии и Италии. У него первого в регионе появились в саду эбеновое и фисташковое деревья и начала культивироваться «никотиана» (табак), все эти экзотические растения ему доставляли из заморских экспедиций¹³.

Рукопись Ангелоса Вергикиоса из РГБ содержит основное на excerptах из Птолемея и Страбона сочинение знаменитого византийского гуманиста и ученого Георгия

¹⁰ Peers 2006; Peers 2012.

¹¹ Dain 1934.

¹² Peers 2012: 87.

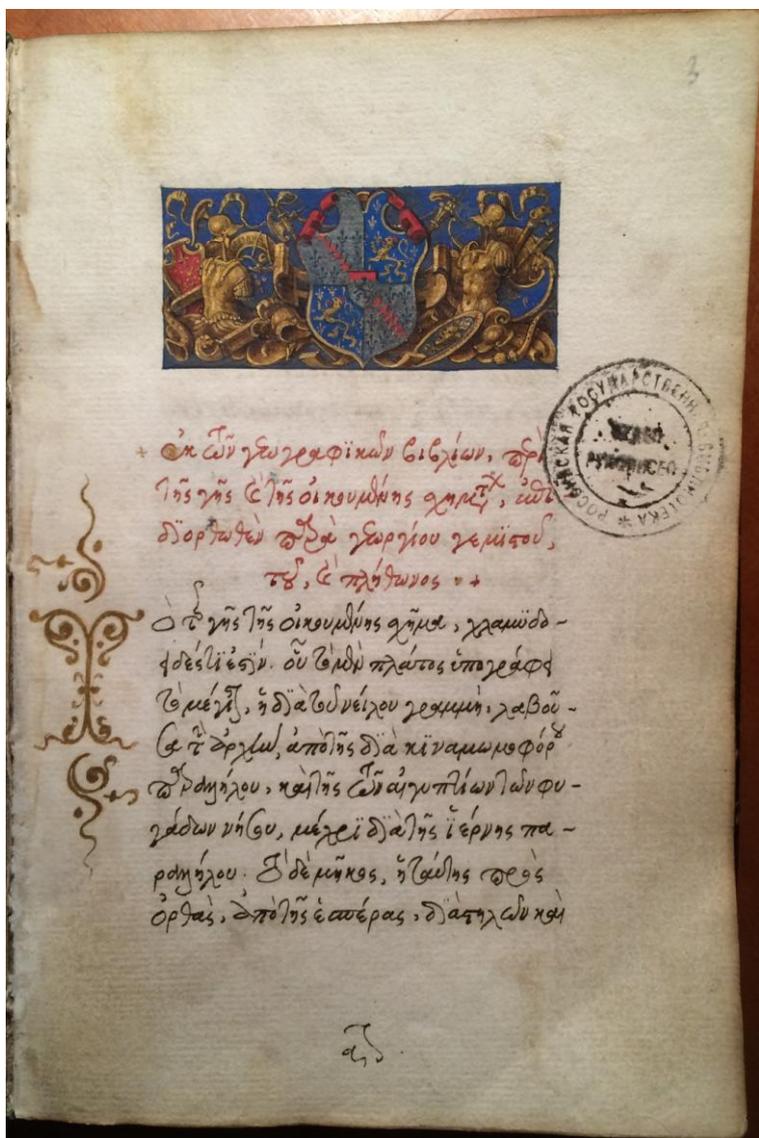
¹³ Colomb, Guyard de La Fosse: 321–324; Nouvelle Biographie générale: 228–229.

Гемиста Плифона (ок. 1360–1452) «Из географических сочинений о Земле и форме вселенной изложено Георгием Гемистом Плифоном» («Ἐκ τῶν γεωγραφικῶν βιβλίων περὶ ὃ τῆς γῆς καὶ τῆς οἰκουμένης σχῆμα ἐπὶ διορθωθὲν παρὰ Γεωργίου Γεμιστοῦ τοῦ καὶ Πλήθωνος». *Incipit*: Τὸ τῆς γῆς τῆς οἰκουμένης σχῆμα χλαυδοειδές τι ἐστίν...»). Историю этого текста разобрал и опубликовал в 1937 г. О. Диллер¹⁴. Первая часть текста целиком взята из Страбона, а вторая представляет собой самостоятельный трактат (дошел в автографе автора), посвященный некоторым ошибкам Страбона в первой главе. Поскольку географией в Византийской империи в целом пренебрегали, а географических материалов в византийской литературе мало, этот трактат Плифона, представляет собой редкий прекрасный образец знаний образованного грека по этому предмету.

РГБ *Греч.* 150 — манускрипт маленького формата в ренессансном переплете французского королевского печатного двора (с характерным золотым тиснением) был написан на заказ. Помимо полихромной заставки «с геральдическими мотивами» на л. 3 (Илл. 1) в начале сочинения Плифона, на л. 1 в качестве иллюстрации нарисована карта мира (Илл. 2). Отмечу, что оригинальные сочинения Плифона в имеющихся его рукописях-автографах византийского времени не имеют никаких сопроводительных карт.

Плифон написал этот текст научного характера на основе трудов Птолемея со своими комментариями, дополняя и исправляя представления Страбона на основе положений Птолемея. По-видимому, после Ферраро-Флорентийского собора 1439 г. он убедился в том, что географическая система Страбона неизвестна в латинском мире (перевод Птолемея на латинский язык был сделан в 1406 г., а Страбона — в 1458 г. Якопо д'Анджело), но во многих отношениях предпочтительнее птолемеевской. Опираясь на античные традиции, Плифон исходит из представлений о сферической форме Земли, считает Каспийское море озером, а не заливом океана, тропическую зону в отличие от Страбона представляет обитаемой,

¹⁴ Diller 1937.

Илл. 1.

РГБ Греч. 150. Л. 3. Полихромная заставка с гербом заказчика.

Илл. 2.

РГБ Греч. 150. Л. 1. Карта мира.

а Нил не рассматривает как границу между Азией и Африкой, считая рубежом между ними Аравийский залив (Красное море). *Imago mundi* в трактате Плифона ярко отражает уровень географических знаний образованных кругов византийского общества накануне великих географических открытий.

Карта в рукописи Ангелоса Вергикиоса, скорее всего, нарисована его же рукой, поскольку все надписи на ней выполнены тем же каллиграфическим почерком, что и вся рукопись. При этом, карта не является иллюстрацией к тексту Плифона, а демонстрирует представления об ойкумене, по-видимому, отражающие знания середины XVI века. Вся ойкумена представлена на ней в обобщенном стиле карты Птолемея в виде сферы, окруженной двенадцатью кругами с названиями ветров. На карте можно видеть Америку, Азию, Европу и Африку, Средиземное, Каспийское и Красное моря, выделен остров Мадагаскар. Хронологически карта нарисована уже после открытия Америки Колумбом в 1492 г., но еще до открытия Австралии в 1606 году. Поэтому на «антично-византийской» по своей стилистике и внутренней логике карте Вергикиоса сразу бросается в глаза Американский континент, а Австралия закономерно отсутствует.

Таким образом, карта Вергикиоса показывает механизм «возрождения» античных географических знаний во Франции, сохраненных «последними византийцами» и переданных в Европу через греков-эмигрантов, а после обогащенных знаниями европейцев, полученными последними в ходе их Великих географических открытий.

Иными словами, карта мира в РГБ *Греч. 150*, отражающая античную систему изображения ойкумены в варианте, разработанным византийцем (ромеем), была сделана греком-каллиграфом с учетом запросов гуманистов-французов. Видимо, Ангелос Вергикиос, рисуя карту, либо пытался придать большую стоимость и значимость этому манускрипту, либо шел навстречу пожеланию своего клиента Рене дю Белле.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Иванов 2020 — *Иванов С.А.* Византийская культура и агиография. М., 2020.
- Фонкич 1965 — *Фонкич Б.Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения // *Византийский временник*. 1965. Т. 26 (51). С. 266–271.
- Armstrong 1954 — *Armstrong E.* Robert Estienne, Royal Printer: an Historical Study of the Elder Stephanus. Cambridge, 1954.
- Colomb, Guyard de La Fosse 1837 — *Colomb J., Guyard de La Fosse J.-B.* Histoire des évêques du Mans, par un ancien bénédictin de Saint-Maur [dom Jean Colomb], continuée jusqu'à nos jours et accompagnée de notes. Le Mans, 1837.
- Dain 1934 — *Dain A.* La Fille d'Ange Vergèce // *Humanisme et Renaissance*. 1934. Т. 1. No. 1/4. 1934. P. 133–144.
- Dain 1937 — *Dain A.* Commerce et copie de manuscrits grecs // *Humanisme et Renaissance*. 1937. Т. 4. P. 395–410.
- Diller 1937 — *Diller A.* A Geographical Treatise by Georgius Gemistus Pletho // *Isis*. 1937. Vol. 27 (3). P. 441–451.
- Gamillscheg, Harlfinger 1981 — *Gamillscheg E., Harlfinger D.* Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 1. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Grossbritanniens. Wien, 1981.
- Gamillscheg, Harlfinger 1989 — *Gamillscheg E., Harlfinger D.* Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs und Nachträge zu den Bibliotheken Grossbritanniens. Wien, 1989.
- Gamillscheg, Harlfinger, Eleuteri 1997 — *Gamillscheg E., Harlfinger D., Eleuteri P.* Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 3. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Roms mit dem Vatikan. Wien, 1997.
- García Bueno 2014 — *García Bueno C.* El copista cretense Constantino Paleocapa: un estado de la cuestion // *Estudios Bizantinos*. 2014. Vol. 1. P. 198–218.
- Kalas 1987 — *Kalas R.J.* La famille Selve du Limousin: membres d'une nouvelle élite dans la France moderne // *The Sixteen Century Journal*. 1987. Vol. 18. P. 147–172.
- Legrand 1885 — *Legrand É.* Bibliographie hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs aux XVe e XVIe siècles. Paris, 1885. Vol. I.

- Nouvelle Biographie générale 1853 — Nouvelle Biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris, 1853. T. V.
- Omont 1887 — *Omont H.* Fac-similés de manuscrits grecs des XVe et XVIe siècles. Paris, 1887.
- Omont 1916 — *Omont H.* Procès d'Ange Vergèce au Châtelet et au Parlement de Paris (1561) // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1916. T. 77. P. 516–520.
- Peers 2006 — *Peers G.* Thinking with Animals: Byzantine Natural History in Sixteenth-century France // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 2006. T. 68. No. 3. P. 457–482.
- Peers 2012 — *Peers G.* Forging Byzantine animals: Manuel Philes in Renaissance France // Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici. 2012. 49. P. 79–103.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А. В. Постников

КРЫМСКАЯ ВОЙНА НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ¹

Аннотация. В статье описывается и анализируется военно-морское противостояние России и коалиции союзников в акватории Балтийского моря во время Крымской войны. Показаны мотивации принятия решений и действий двух англо-французских эскадр и ответные действия российского командования по обороне своих северных рубежей. События на северном театре военных действий Крымской войны хорошо показывают, что эта война по своим целям и масштабу была настоящей мировой войной. Флот антиросийской коалиции смог обеспечить морскую блокаду России, однако эта глава Крымской войны окончилась ничем, поскольку союзники не смогли привлечь на свою сторону страны Северной Европы.

Ключевые слова: Крымская война, Балтийское море, антиросийская коалиция, военно-морской флот, Российская империя, Британская империя

Как совершенно справедливо писал А.С. Трубецкой, Крымская война 1853–1856 гг. была по своему географическому охвату и своим целям фактически первой в истории в полной мере «мировой войной»². В пользу этого свидетельствуют, например, статьи «основоположников научного коммунизма» К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых при их оче-

¹ Настоящая работа является очередной в серии публикаций автора по этой теме, см.: Постников 2018; Постников 2020.

² Трубецкой 2014.

видной антироссийской позиции хорошо описана подготовка и ход этой войны. В этих статьях можно прочесть о действиях флотов коалиции Британской, Французской и Османской империй в Северном и Балтийских морях против России. Далее я привожу авторский перевод и комментарий соответствующих фрагментов из их статей «Русская угроза Европе и Крымская война» (*The Russian Menace to Europe and the Crimean War*) и «Выдержки из “Нью-Йорк Трибьюн” о Крымской войне» (*Extracts from the “New York Tribune” on the Crimean War*)³.

«...Наконец-то давно обсуждаемый вопрос Турции достиг того этапа, когда дипломатия не сможет дальше монополизировать основу для ее вечно колеблющихся, вечно трусливых и вечно безрезультатных движений. Французский и Британский флоты вошли в Черное море для того, чтобы воспрепятствовать российскому военно-морскому флоту нанести ущерб турецкому флоту или побережью. Царь Николай давно объявил, что такой шаг будет для него сигналом объявления войны. Перетерпит ли он его сейчас? Военно-морская борьба должна быть в течение этого периода самой важной. Нет сомнения в том, что союзные флоты могут уничтожить Севастополь и российский черноморский флот, что они смогут захватить и удержать Крым, оккупировать Одессу, замкнуть Азовское море и освободить горцев Кавказа. При быстрых и энергичных действиях ничего не может быть проще. Предполагая, что это займет первый месяц активных действий, следующий месяц может привести парусники объединенного флота в Британский канал, оставляя парусники следовать за ними; а турецкий [флот] сможет тогда доделать то, что потребуется в Черном море. Бункеровка углем в Канале и другие приготовления могут потребовать еще пару недель, и затем объединенные в Атлантике и Канале флоты Франции и Британии могут оказаться до конца мая

³ Используются отсканированные П. Флюерсом документы из «Марксистского Интернет-архива» — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.marxists.org/english.htm>, дата обращения — 05.10.2022] (перевод мой. — А. П.).

на путях к Кронштадту в такой мощи, которая обеспечит успех нападения. Действия, которые надо предпринять на Балтике столь же очевидны, как на Черном море. Они состоят в союзе, любой ценой, со Швецией, в запугивании, если потребуется, Дании, в восстании в Финляндии, которое разразится при высадке достаточного количества войск и условия, что никакой мир не будет заключен, если эта провинция не будет снова объединена со Швецией. Войска, высадившиеся в Финляндии будут угрожать Петербургу, в то время как флоты будут бомбардировать Кронштадт. Эта позиция очень сильна. Глубоководный морской канал, ведущий к [открытым] фарватерам едва допустит два боевых судна с орудийными бортами в направлении батарей, которые установлены не только на основном острове, но и на небольших скалах, банках и островах около него. Определенные жертвы не только среди людей, но и в кораблях неизбежны. Но, если все это будет учтено в самом плане нападения, если заранее будет допущено, что тем или иным кораблем должно быть пожертвовано, и если план будет выполняться активно и неотступно, Кронштадт должен пасть. Бетон его укреплений не может долго противостоять концентрированному огню тяжелых бомбовых орудий [или «гаубица Пексана» (фр. *Le canon Paixhans*), названная по имени изобретателя Анри-Жозефа Пексана, ее появление потребовало замены деревянной обшивки кораблей на стальную броню], того наиболее разрушительного из всех видов оружия, применяемого против каменных стен. Большие пароходы с полным комплектом таких пушек очень скоро произведут неотразимый эффект, хотя конечно при этой попытке они рискнут своим собственным существованием. Но что такое три или четыре линейных парохода в сравнении с Кронштадтом, ключом к Российской империи, овладение которым оставит Санкт-Петербург беззащитным? Без Одессы, Кронштадта, Риги, Севастополя, с освобожденной Финляндией и вражеской армией у ворот столицы, со всеми ее реками и портами закрытыми, чем будет Россия? Гигант без рук, без глаз, без других ресурсов помимо попытки сокрушить оппонентов весом ее нескладного туловища, беспорядочно бросающейся туда, сюда,

где бы ни был услышан боевой зов. Если морские державы Европы будут действовать так решительно и активно, тогда Пруссия и Австрия настолько освободятся от контроля России, что они даже смогут присоединиться к союзникам. Так как обе германских державы, при безопасности дома, будут готовы заработать на позоре России. Но не стоит ожидать, что лорд Абердин [английский политик Джордж Гамильтон-Гордон, 4-й граф Абердин (1784–1860)] и Эдуар Друин де Люйс [французский политик (1805–1881)] попытаются предпринять такие энергичные шаги. [Их] державы не для того, чтобы наносить удары [туда, куда надо] и, если разразится общая война, энергия их командующих будет настолько скованна, что сделает их совершенно беспомощными. Если, тем не менее, произойдут решающие победы, позаботятся о том, чтобы показать, что это произошло чисто случайно и чтобы их последствия были настолько безвредны для врага, насколько это возможно. Война на азиатском берегу Черного моря может быть сразу завершена флотами, а на европейской части будет продолжаться сравнительно непрерывно. Русские, побитые на Черном море, лишенные Одессы и Севастополя, не осмелятся пересечь Дунай без большого риска, за исключением направления на Сербию с целью восстания, но они могут вполне хорошо удерживать княжества, пока превосходящие силы и риск высадки большого количества войск на фланге и с тыла не вынудят их покинуть Валахию. Им нет необходимости эвакуировать Молдавию без общего сражения, потому что на фланге и в тылу будут мало значить пока Хотин и Кишинев предоставляют для них безопасную связь с Россией. Но пока война сосредоточена на западных державах и Турции, с одной стороны, и на России — с другой, это не будет европейской войной, какую мы видели с 1792 года. Однако, дайте ей только начаться, и леность западных держав и активность России скоро убедят Австрию и Пруссию принять сторону Самодержца. Пруссия, вероятно, не будет иметь значения, потому что это более чем вероятно, что ее армия, какими бы не могли быть ее возможности, будет потеряна, из-за предвидения чего-то подобного второй Йены [Йена-Ауэрштедтское сражение 14

октября 1806] Австрия, невзирая на состояние банкротства, и восстания, которые могут случиться в Италии и Венгрии, не будет презираемым оппонентом. Сама Россия, вынужденная держать свою армию в Княжествах и на кавказском приграничье, занимать Польшу и иметь войска для обороны балтийского побережья и особенно Санкт-Петербурга и Финляндии, будет иметь очень мало наличных сил для наступательных операций. Если Австрия, Россия и Пруссия (всегда предполагая, что последняя еще не разгромлена) смогут собрать пять или шесть сотен тысяч солдат на Рейне и в Альпах, это больше, чем можно резонно предположить. И для пятисот тысяч союзников, одни французы могут выставить, предполагая, что ими будут командовать генералы не хуже [полководцев] их противников, среди которых лишь австрийцы обладают полководцами, достойными такого звания. Русские генералы не страшны, а что касается пруссаков, у них вообще нет генералов — все их генералы потомственные прапорщики [старшины]. Но мы не должны забывать, что в Европе есть шестая держава, которая в настоящий момент утверждает свое превосходство над всеми, так называемыми «великими» державами и заставляет трепетать, каждую из них. Это — Революция. Долго спокойная и не у дел, она снова призвана действовать в связи с коммерческим кризисом и недостатком еды. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Пешта она везде присутствует, поднимая голову и пробуждаясь ото сна. Симптомы ее возвращения к жизни многочисленны, везде видны в возбуждении и беспокойстве, которые охватили класс пролетариата. Нужен лишь сигнал и эта шестая и величайшая европейская сила выйдет вперед в сияющих доспехах и с мечом в руке, как Минерва из главы Олимпийца. Этот сигнал будет дан грядущей европейской войной и затем всеми расчетами, насколько баланс силы будет изменен добавлением нового элемента, который всегда радостный и юный столь же спутает планы старых европейских держав и их генералов, насколько он это сделал с 1792 по 1800 годы».

Восторженно предвкушаемая в статье К. Марксом и Ф. Энгельсом «Революция» так и не началась в Европе. Однако

боевые действия «союзников» против Российской империи в Крыму быстро стали превращаться в мировую войну. Причем, это происходило на фоне яростной антирусской кампании в средствах массовой информации, образцом которой может быть процитированная выше статья Маркса и Энгельса. Я, конечно, очень далек от мысли, что правительства европейских государств и верховное командование их армий руководствовались их рекомендациями, скорее всего, они даже ничего не знали об этих публикациях в американской прессе. Однако, боевые действия против России на севере Европы развивались поразительно близко к тому, что писали Маркс и Энгельс в своей статье.

* * *

Итак, когда и где в действительности началась Крымская война? Французы полагают, что она началась 27 марта 1854 года, когда Франция объявила войну России. По мнению англичан, днем начала войны следует считать 28 марта — именно в этот день войну России объявила Британия. Россия, в свою очередь, официально заявила о том, что находится в состоянии войны с Францией и Англией, 11 апреля. Но, пожалуй, самой точной датой начала этой войны следует признать 5 октября 1853 года, когда войну России объявила Турция. А первая в этой войне кровь пролилась месяцем позже, когда Омер Лютфи-паша Латас (он же — Михайло Латас, 1806–1871) 23 октября одержал победу над русскими войсками при Ольтенице. Но поскольку за пять месяцев до высадки союзников в Каламитском заливе Крымского полуострова англо-французский флот вошел в Балтийское море, будет правильно начать описание хода войны именно с этого момента.

Когда в Лондоне стало известно о вступлении русских войск в Дунайские княжества, вице-адмирал Ч.Д. Непир (1786–1860) сразу же выразил большую тревогу по этому поводу и заявил, что в связи с неизбежностью войны Британии следует усилить оборону побережья. Русский царь, считал Непир, имеет на Балтике 28 линейных кораблей и множество вспомогательных судов. Такой флот может создать

реальную угрозу береговой линии Британии, которая в настоящее время практически беззащитна, поскольку основная часть британских военно-морских сил была отправлена в Средиземное море. Премьер-министр Д.Г.-Г. Абердин вначале не принял всерьез предостережения адмирала, не считая ситуацию столь острой, однако через пару месяцев, по мере возрастания напряженности, он согласился с Непиром и одобрил план сбора в порту Спитхед эскадры, перебазировав туда британские корабли из Лиссабона. Франция в то время не могла принять участие в балтийской операции, поскольку весь ее наличный флот под командованием вице-адмирала Ф.А. Гамелена находился в Средиземном море, а для создания новой боеспособной эскадры требовалось время. В знак солидарности с Британией Франция выставила только один стопушечный линейный корабль «Аустерлиц».

Поспешно собранная эскадра под командованием Непира направилась в Балтийское море. В ее составе было 15 судов, на борту которых находились 882 пушки и 8500 офицеров, матросов и морских пехотинцев. Это был самый крупный в то время флот, состоявший исключительно из судов с паровыми двигателями. Позже к нему присоединились парусные суда. В задачу эскадры входило блокирование Финского залива, чтобы не допустить прохода русских кораблей в Северное море. Кроме того, Непиру предписывалось обеспечить защиту побережья Швеции и Дании, что на самом деле являлось демонстрацией силы с целью повлиять на правительства этих стран, прежде чем они задумаются, не стоит ли им принять сторону России. Приказы Адмиралтейства были сформулированы весьма четко: «Обеспечить полную блокаду Финского залива... и не допустить пересечения русскими судами этой линии». Важно заметить, что на этом этапе не упоминалось о возможных открытых военных действиях.

Эскадра миновала Киль и встала на якорь в бухте Кьогге, к югу от Копенгагена. Именно отсюда, решил Непир, он сможет с наибольшей надежностью воспрепятствовать проникновению русских кораблей в Северное море. Когда до него дошло известие об объявлении Британией войны России,

адмирал обратился к своим подчиненным со следующим громким заявлением: «Парни! Мы объявили войну врагу грубому и храброму. Если он встретится нам в море, вы знаете, как поступать. Если он укроется в порту — мы должны достать его и там. Успех зависит от того, как быстро и точно вы стреляете. И еще, парни, наточите ваши сабли, и победа будет за нами!».

Через две недели Непир покинул Кьогге, и 19 апреля его эскадра достигла входа в Финский залив. Между тем, русский балтийский флот был крупнее, чем предполагал Непир. Помимо 27 линейных кораблей в его состав входили 8 фрегатов и 90 других судов (корветов, колесных пароходов, шхун и канонерских лодок). Суммарно балтийский флот России превосходил эскадру союзников по числу кораблей и огневой мощи. Однако русские суда были рассредоточены по нескольким пунктам, причем большая их часть находилась в Кронштадте и Свеаборге. Крейсируя между этими пунктами, Непир не позволял русским объединить силы и тем самым сохранял тактическое превосходство.

Кроме того, перед российским флотом стояли две другие проблемы: лед и некоторая неопределенность с командованием. С начала зимы флот зависел от состояния льда в заливе, и в первые недели после неожиданного появления Непира на Балтике русские корабли были заперты в портах. К началу мая, когда лед растаял, обострилась проблема с руководством: у флота не было единого командования. Младший брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич (1827–1892), в чьем ведении находилась Кронштадтская эскадра, был молод и неопытен, а авторитет семидесятисемилетнего адмирала П.И. Рикорда (1776–1855) был не слишком высок.

Английский адмирал тоже оказался в трудном положении. Его прибытие к входу в Финский залив пришлось на период густых туманов и штормов. Различить береговые ориентиры и навигационные знаки не позволяла погода, маяки не горели или были разрушены, лоцманы отсутствовали. Помимо этого его эскадра встретилась с другими сложностями. Матросы оказались по большей части неопытными и

необученными новичками или же пожилыми людьми, насильно и поспешно призванными на военную службу. Обычно требовалось не менее полугода усиленных занятий, чтобы из рекрута получился настоящий моряк, и таких у Непира было меньшинство. Из-за нехватки, например, хорошо обученных сигнальщиков возникали проблемы с удержанием судов в нужном положении, а маневрирование в море становилось опасным. Нехватка опытных артиллеристов ощущалась еще острее. Наконец, большая часть британских судов имела глубокую осадку, поэтому они не могли входить в мелководные порты и многие прибрежные зоны. Адмиралу Непиру и его старшим офицерам стало ясно, что их эскадра плохо подготовлена к серьезным активным действиям.

Нескончаемый густой туман угнетающе действовал на людей. Оценив неблагоприятную ситуацию, хотя и не связанную с непосредственной опасностью, Непир приказал своим судам следовать в Стокгольм. Там эскадра провела около двух недель, дожидаясь улучшения погоды. Во время этого вынужденного перерыва Непир получил аудиенцию у шведского короля Оскара I и попытался убедить его принять сторону союзников. Однако усилия адмирала успехом не увенчались. Король Оскар I остался твердым сторонником нейтралитета своей страны. Швеция была в прекрасных отношениях с Россией, и король отнюдь не хотел их омрачать в угоду Британии или Франции.

В начале мая погода прояснилась, и Непир решился на вылазку. Он подошел к небольшому финскому городу Ханко (Ганге) у входа в Финский залив и обменялся с береговыми батареями несколькими выстрелами. Это были первые выстрелы на Балтике в этой войне. Затем эскадра Непира направилась к Свеаборгу, где укрепления были слишком сильны для серьезного нападения на город, а потому Непир только ограничился наблюдением.

Со времени прибытия Непира на Балтику прошло почти три месяца. Наконец, к нему присоединился довольно крупный французский флот в 20 паровых и парусных судов, на которых было размещено 1200 пушек, под командованием вице-адмирала А.Ф. Парсеваля-Дешена (1790–1860). Собст-

венная эскадра Непира к тому времени почти удвоилась, поскольку к нему из Спитхеда подошло подкрепление. Так морская блокада с успехом продолжалась, но для утоления жажды славы, охватившей британскую публику, Непиру нечего было предложить.

21 июля произошло первое боевое столкновение англичан с русскими на Балтике. Капитан Уильям Холл, возглавлявший небольшую эскадру из трех паровых судов «Гекла», «Один» и «Доблестный», получил приказ занять позицию вблизи порта Бомарзунда и наблюдать за передвижением российских кораблей. Эта крепость, расположенная в Ботническом заливе между Швецией и Финляндией, имела ключевое значение для защиты Финляндии, входившей в состав Российской империи. Укрепления Бомарзунда включали три круглые башни и цитадель с мощными кирпичными стенами, облицованными огромными гранитными блоками. Строительство крепости шло уже двадцать два года и было близко к завершению. Гарнизон Бомарзунда насчитывал 2200 человек и располагал 66 пушками, которые держали под прицелом гавань. Простояв несколько дней на якоре и получив опытного лоцмана, Холл решил, что ему надоело безделье. Искусно маневрируя, он провел свои суда по мелководью и приблизился к крепости на расстояние выстрела своих орудий, оставаясь вне досягаемости для большинства русских пушек. В течение последующих восьми часов корабли Холла обстреливали Бомарзунд, оставаясь почти неуязвимым. Лишь израсходовав боеприпасы, он велел своим судам отходить, весьма удовлетворенный результатом.

На самом же деле ущерб, причиненный крепости был минимален, а пожар так в ней и не распространился. Четверо защитников Бомарзунда были убиты, 15 ранены, а у англичан ранения получили 5 человек. Адмирал Непир строго отчитал капитана Холла: «Если каждый капитан будет тратить все боеприпасы на обстрел каменных стен, флот очень скоро останется беспомощным». Действия Холла не были одобрены и британским Адмиралтейством. Российский император Николай I, напротив, остался весьма доволен действиями гарнизона Бомарзунда. По его мнению, защитники крепости

проявили храбрость и заставили неприятеля уйти. Каждый из них получил в награду серебряный рубль.

Впрочем, и английская публика, истомившаяся в ожидании настоящих сражений, с нескрываемой радостью встретила известие об атаке капитана Холла. Особенных похвал удостоился подвиг гардемарина «Геклы» Ч.Д. Лукаса. Когда на верхнюю палубу его судна упал неразорвавшийся русский снаряд и прозвучал сигнал всем спрятаться в укрытие, двадцатилетний Лукас схватил шипящее ядро, поднес его к борту и бросил вниз. Еще не коснувшись воды, снаряд разорвался, легко ранив двух матросов. В благодарность за этот поступок капитан Холл представил смелого юношу к званию лейтенанта, а по окончании войны Лукас удостоился аудиенции у королевы, которая наградила его, первого, только что учрежденным крестом Виктории. Свою службу гардемарин Лукас закончил в чине контр-адмирала.

К июню, когда британский флот продолжал стоять подле Свеаборга, на кораблях началась холера. Но, несмотря на это препятствие, союзники решили нанести удар по Кронштадту и 22 июня направились к этой стратегически чрезвычайно важной крепости. Через четыре дня они приблизились к своей цели и еще три дня посвятили разведке и наблюдению, результаты которых были для них обескураживающими. Во-первых, стало ясно, что силы русских превосходят объединенную эскадру по численности: 22 крупных боевых корабля против 18. К тому же на русских кораблях были команды, имевшие боевой опыт. После обсуждения ситуации со старшими офицерами Непир пришел к выводу, что нападение на Кронштадт было бы чистым безумием даже и без эпидемии холеры на судах союзников. Он отдал приказ отходить, и эскадра снова направилась к Свеаборгу, где контр-адмирал А. Корри (1793–1855) оставался во главе 16 британских и французских кораблей, выполняя приказ вести наблюдение за действиями русских и оборонительными сооружениями. Корри обнаружил значительное количество орудий в стратегических точках и оценил численность гарнизона, которая, по его мнению, составляла около 8000 человек. Подходы к острову прикрывались бонными заграж-

дениями и были заминированы «морскими минами», так называемыми «адскими машинами». Их разработали и применили русские военные инженеры генерал К.А. Шильдер (1786–1854) и поручик М.М. Боресков.

Между тем по мере развития боевых действий на «южном» театре боевых действий Крымской войны, обострилась ситуация и на «северном». Руководству Российской империи стало ясно, что над страной нависла реальная опасность вторжения в европейские центры и, прежде всего, в Санкт-Петербург. Россия располагала для защиты столицы 80 тысячами человек, а для обороны Свеаборга и прилегающего к нему района еще 80 тысячами человек. Для защиты низовья Западной Двины имелось 40 тысячами человек. В совокупности на северном театре боевых действий было сосредоточено 200 тысячами человек. Союзники не знали этих цифр в точности, но отдавали себе отчет в серьезности оборонительного потенциала Санкт-Петербурга и его окрестностей. Что касается Балтийского флота, то российское Адмиралтейство считало невозможным выйти в море для открытого боя с англо-французским флотом. Поэтому флот решено было сохранить за укреплениями Кронштадта. Англичане и французы оценивали возможности русского Балтийского флота достаточно высоко, особенно подготовку личного состава экипажей кораблей.

В связи с угрозой нападения на Санкт-Петербург 27 февраля 1854 г. императорским указом была учреждена должность военного генерал-губернатора Кронштадта, которому подчинялись все морские и сухопутные силы, дислоцированные в крепости. На этот пост был назначен инженер-генерал И.И. Ден (1786–1859), возглавлявший в то время Инженерное ведомство. Координацию работ всех ведомств, привлеченных к обеспечению обороны Санкт-Петербурга и основных военно-морских баз российского флота на Балтике — Кронштадта и Свеаборга — осуществлял Комитет по обороне Балтийского моря. Все эти преобразования были произведены, когда стало известно о формировании в Англии эскадры для действий в Балтийском море. Под руководством инженер-генерала Дена Кронштадт начал интенсивную под-

готовку к отражению возможного нападения. На всех фортах были усилены артиллерийские позиции, созданы соответствующие запасы снарядов и пороха, сформированы дополнительные артиллерийские расчеты, разработаны инструкции кораблям флота о взаимодействии с гарнизоном крепости и крепостной артиллерией, на фарватерах, недоступных или слабо защищенных крепостной артиллерией, ставились рязежные заграждения (так называемые «ряжи»).

Наряду с принятием срочных мер по повышению обороноспособности крепости традиционными средствами, было принято решение использовать подводные мины, успешны испытания которых были завершены в 1852 и 1853 годах. Для организации работ с подводными минами были мобилизованы специалисты-минеры, прошедшие подготовку при учебной Гальванической команде, руководимой академиком Б.С. Якоби (1801–1874). Ему же были поручены работы с подводными минами в Кронштадте. Эти работы начались еще в январе 1854 года, когда угроза вступления Англии и Франции в войну с Россией стала реальной. В кратчайшее время академик Якоби разработал «Проект цепи подводных мин для обороны Кронштадтского рейда между фортами Александр I и Рисбанк (Павел I)». Этим проектом предусматривалась: «цепь подводных мин, в которых «мины положатся в 3 ряда в шахматном порядке. Расстояния между рядами 15 сажен. Длина минных рядов составляет 500 сажен. В наружных рядах мины кладутся одна от другой в расстоянии 20 сажен. В среднем ряду — 10 сажен. Таким расположением мин проходы между ними по перпендикуляру к рядам ограничиваются шириною 5 сажен, а по диагонали — 10 сажен. Впрочем, можно изменять взаимное положение по произволу. При постановке мин только в 2 ряда расстояние между минами уменьшается до 10 сажен. В каждом форте предполагается иметь по гальванической батарее для управления половиной минной цепи. Для большей верности каждый ряд мин снабжается двойным магистральным проволочным проводником, на исправное изготовление которого должно быть обращено величайшее внимание. Углубление мин под поверхностью воды достаточно будет от 6 до 8 футов. Действие

мин на твердо построенные корабли еще не испытано. Большая мина, взорванная при опытах на Ревельском рейде в 1852 г. имела заряд 8 пудов пороху. Считая кубический фут пушечного пороху в 65 фунтов, можно поместить около 9 пудов в цилиндрический медный сосуд диаметром 21 дюйм и высотой 28 дюймов. При диаметре 20 дюймов и высоте 26 дюймов такой цилиндрический сосуд содержал бы 6,25 пудов пороху. Желательно бы не выходить из этих пределов размерений, как веса, так и объема и скорее принять больший из предлагаемых».

Ответное «Постановление Морского ученого комитета от 6 февраля 1854 года» гласило: «1. Комитет полагает, с согласия Якоби, устроить не 3, а 2 ряда мин, на том основании, что при этом на меньшем пространстве соединена большая оборонительная сила. Господин Якоби полагает заказать медные котлы и другие металлические вещи для мин на Санкт-Петербургском гальванопластическом и литейном заводе наследников герцога Лейхтенбергского. Минные бочки заказать свои. Соединительные приборы, гальванические батареи, запалы и прочее будут делаться в гальваническом заведении, состоящем под надзором Якоби. Проволочные проводники будут заказаны на заводе резиновых изделий Кирштена. Тросы, верпы и прочее отпустить от Кронштадтского порта. Войти в сношение с флота генерал-интендантом о назначении в Новом адмиралтстве крытого помещения для 100 минных незаряженных бочек...».

В 1854 году, в виду необходимости срочного создания минных заграждений, совершенствовать мины было некогда, однако, 25 февраля Якоби предлагает заменить медные котлы в минах железными, что, в условиях дефицита медного листа, существенно удешевляло мину. Морской ученый комитет одобрил это предложение. Якоби сообщил, что 100 железных котлов в течение трех недель может изготовить завод наследников герцога Лейхтенбергского. Для снаряжения первой цепи мин (100 штук) требовалось 900 пудов пороха (видимо, из расчета девять пудов на мину), а также 10 фунтов охотничьего пороха для минных запалов, о чем Якоби известил председателя Морского ученого комитета, ад-

мирала П.И. Рикорда, 9 марта 1854 года, при обсуждении предложений по устройству минных заграждений Управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич высказал предложение о постановке дополнительного минного заграждения на Большом Кронштадтском рейде — впереди форта Петр I. Кроме того, он дал указание о заказе 100 гальванических мин для нужд Севастополя (по запросу главнокомандующего армией в Крыму, князя А.С. Меншикова).

24 марта 1854 г. Б.С. Якоби доложил Морскому ученому комитету свои расчеты по созданию второго минного заграждения из 60 мин перед фортом Петр I. В соответствии с этими расчетами необходимо было заготовить: 60 минных котлов с деревянными бочками; 5600 сажен проволочного проводника; 60 соединительных приборов; 64 штуки балласта, по 10 пудов; 16 гальванических батарей, по 24 элемента; 60 соединительных приборов с электромагнитами между магистральными проводниками и ветвями. Стоимость заготовки составила 17 240 рублей.

Из запрошенных Б.С. Якоби 220 пудов пороха, для мин второго заграждения, отпущено было только 156 пудов (из-за дефицита пороха на складах), что вынудило Якоби уменьшить заряд в минах этого заграждения до 2,6 пуда. В отличие от мин первого заграждения эти мины стали называть «малыми».

В соответствии с указанием великого князя Константина Николаевича, в первую очередь были изготовлены 100 корпусов мин для отправки в Севастополь, однако князь А.С. Меншиков отказался от своего заказа, в связи с чем Б.С. Якоби использовал 60 мин из этой партии для постановки второго минного заграждения (у форта Петр I).

Первое заграждение из 105 «больших» мин Якоби («МЗ-1») было поставлено в конце апреля 1854 года, сразу же после освобождения Большого рейда ото льда. Питающие проводники от мин были выведены к гальванической батарее, расположенной на форте Павел I. Мины для второго минного заграждения («МЗ-2») были изготовлены только к 10 июня 1854 г. и вскоре это заграждение, из 60 «малых» мин Якоби,

перекрыло проход между фортами Петр I и Кроншлот. Проводники от этого заграждения были выведены к гальванической батарее, размещенной на стенке Купеческой гавани (укрепление «князь Меншиков»). Оба заграждения надежно прикрывались артиллерией фортов, создавая первую в истории войн минно-артиллерийскую позицию. Ее протяженность составляла 550 метров. Общая сумма расходов на оборудование этих двух заграждений составила 38 040 руб.

Начавшиеся работы по созданию минных заграждений весной 1854 г. показали, что только гальваническими минами достаточной обороны Кронштадта не создать. В связи с этим предпринимателю Э. Нобелю (1801–1872) срочно был выдан заказ на изготовление 400 пиротехнических мин его конструкции. Пиротехническая мина Нобеля в сравнении с гальванической миной Якоби была более простой, как по конструкции, так и по установке на акватории. Она не требовала такой же прочности корпуса, как мина Якоби, поскольку не имела безопасного состояния и не предполагала прохода через минное заграждение своих кораблей. Отсутствие гальванических проводников существенно упрощало выбор места постановки минного заграждения и сам процесс постановки мин, так как мины можно было ставить даже со льда, то есть в полынью или прорубь.

Конструктивно мина Нобеля образца 1854 года существенно отличалась от конструкции, предложенной Нобелем в 1842 году. Она представляла собой корпус (он же пороховая камера) из листового железа, конической формы, внутри которого располагался пороховой заряд весом до 10 фунтов. В крышку мины (основание конуса), в специальное гнездо, вставлялось запальное устройство (аппарат Нобеля), основу которого составляла стеклянная ампула с серной кислотой. Излом этой ампулы при ударе корпусом проходящего корабля приводил к вытеканию серной кислоты на хлопчатую бумагу, что вызывало ее возгорание и последующее возгорание пороховой засыпки, от которой взрывался основной заряд мины. Нобель лично устанавливал взрыватели в гнезда корпусов мин при их установке в заграждение, считая секрет взрывателя своей собственностью (хотя он еще в 1842 г. по-

лучил за него приличное вознаграждение). Для приведения взрывателя в действие на верхней крышке мины предусматривались два подпружиненных горизонтально расположенных металлических штыря, выступавших за габариты мины. При нажатии на какой-либо из штырей корпусом проходящего корабля он смещался к запальному устройству и давил на стеклянную ампулу, вызывая ее излом. При нахождении мины вне воды (на воздухе, на поверхности воды) специальный поплавковый предохранитель перекрывал металлической «юбкой» возможность воздействия штырей на стеклянную ампулу. При установке мины на воду поплавковый предохранитель всплывал, освобождая доступ штырей к ампуле. К середине июня 1854 года завод «Нобель и сыновья» выполнил заказ, что обеспечило возможность постановки дополнительных минных заграждений у Кронштадта, главным образом, в местах, где не ходили свои корабли, то есть на северном фарватере в мелководной части у форта «Павел I». Некоторое количество мин Нобеля были поставлено в заграждения у Свеаборга и в других пунктах на Балтике.

Уже за летнюю кампанию 1854 года оказалось, что мины Нобеля не могут сравниться с минами Якоби. В большинстве мин Нобеля порох подмок, многие из них сорвались с якорей и плавали на поверхности, создавая угрозу плавания судов, некоторые взорвались. Поспешность и массовость изготовления мин на заводе Э. Нобеля привели к допущению брака в работе. По свидетельству Главного командира Кронштадтского порта адмирала Ф.П. Литке, при подъеме мин Нобеля в конце навигации 1854 года в одном из минных заграждений оказалось: «по поднятии мин [...] порох в оных 64 бочках был сдан к морской артиллерии и по освидетельствовании оказался только в двух бочках годный, а в остальных подмочен или отсырел и никуда более не годен, как только на выварку селитры». Таким образом, минные заграждения Нобеля практически оказались безрезультатными в системе обороны подступов к столице России.

В это время адмиралы английской эскадры пытались понять, что им делать дальше. Контр-адмирал А. Корри доложил своему главнокомандующему, что Свеаборг невоз-

можно взять без огромного риска. И Ч. Непир решил воздержаться от нападения на Свеаборг приблизительно по тем же причинам, какие заставили его отказаться от прямой атаки Кронштадта. Нападение на Ревель или другой порт русской Прибалтики могло бы иметь существенное значение, если бы в войну против России вступили Австрия, Пруссия и весь Германский союз. Тогда можно было надеяться на кооперацию прусских войск в Курляндии и Эстляндии. Без этого действия британской эскадры в этом направлении ни к чему существенному привести не могли. 20 мая 1854 года Ч. Непир с эскадрой прибыл в Ганге и там получил известие о том, что французский флот, под начальством адмирала Парсеваль-Дешена, идет в Балтийское море, на помощь ему в предстоящих операциях. С этого времени, в течение почти месяца, крейсируя между Ганге и Баро-Зундом, Ч. Непир надеялся, что ему удастся выманить русский флот из Кронштадта и сразиться с ним в открытом море.

20 мая англичане бомбардировали передовой форт Ганге-Густавсверде. Форт отвечал артиллерийским огнем. Перестрелка длилась около восьми часов. Англичане отошли, ровно ничего не добившись. 21 мая обстрел окрестностей Ганге продолжился, и у местечка Эккес произошел довольно длительный бой. Английские суда подходили так близко, что обстреливали не только русские батареи, но и российские войска, отвечавшие, в помощь артиллерии, также ружейным огнем. Англичане отошли, снова ничего не добившись. 13 июня Парсеваль-Дешен с французской эскадрой прибыл в Баро-Зунд. В его эскадре насчитывалось 19 вымпелов. Английская эскадра, в этот момент получившая подкрепление, состояла из 28 вымпелов. Союзники были очень любезны между собой, но не очень-то доверяли друг другу. Тем более, что в своих действиях они были независимы и равноправны в принятии решений. Разведки вокруг Кронштадта, предпринятые союзным флотом с 24 по 30 июня, производились судами, сборным пунктом которых были воды в районе маяка Толбухин. Сведения, добытые разведчиками, не очень много прибавили к тому, что уже было им известно, а именно: вход на кронштадтский рейд защищен подводными минами; рус-

ский флот расположен в трех колоннах и состоит приблизительно из 30 судов; все подступы защищены береговой артиллерией; канал с южной стороны так узок, что союзному флоту придется передвигаться в кильватерном строю, что даст русским возможность расстреливать корабли поодиночке.

Из полученной информации напрашивался вывод: взять Кронштадт нападением только с моря нельзя. Если же высажить осадную армию, то следует ожидать, что русские всегда будут иметь численное преимущество, соответственно, если дела пойдут неудачно, то атакующая армия погибнет. Если же допустить, что победа все-таки будет одержана, то этой армии будет угрожать голод в течение долгой зимы.

15 июня 1854 года начальник кронштадтского гарнизона генерал П.Х. Грабе (1789–1875) записал в своем дневнике: «С воскресенья (12 июня) англо-французский флот в виду и отдельные пароходы приближаются по временам почти на пушечный выстрел по обеим сторонам косы. Толбухин маяк занят неприятелем».

26 июля 1854 г. император Николай I посетил Кронштадт и созвал на корабле «Петр I» военный совет. После получения доклада о неутешительном состоянии свеаборгских и гельсингфорских укреплений и категорической рекомендации не выводить флот в море, он в гневе воскликнул: «Разве флот для того существовал и содержался, чтобы в минуту, когда он действительно нужен, мне сказали, что флот не готов для дела!». Однако, несколько успокоившись, заключил: «Ну, если нельзя, то нечего об этом и думать».

Когда выяснилось, что русские не желают выводить свои суда из Свеаборга и Кронштадта в открытое море, флот адмирала Немира мог только крейсировать в Финском и Ботническом заливах, препятствуя прохождению торговых судов. Но главное, чего он этим добивался, он удерживал своим присутствием большую часть русских войск, чем облегчались операции союзников на Черном море.

У Немира оставалась возможность пойти на Аландские острова, а там осадить и взять Бомарзунд, но для этого у англичан не было в достаточном количестве, ни артиллерии, ни

сухопутных войск. Им следовало ждать прибытия французской эскадры с отрядами для десанта. Английское правительство не хотело выставлять солдат там, где их могло дать французское правительство, которое не торопилось с поставкой десанта, поскольку Балтийское море и русский флот в Финском заливе интересовал его гораздо меньше, чем англичан. Бездействие тяготило и раздражало адмирала Непира, но он ровно ничего не мог делать без французов. Французская же эскадра задерживалась из-за туманов и абсолютного незнания Балтийского моря, а датское правительство запретило своим лоцманам поступать на службу на англо-французские корабли. Английская эскадра начала крейсировать близ Бомарзунда с мая 1854 года, высаживая гребными судами небольшие отряды по берегам, забирая в плен людей, которых расспрашивали об укреплениях.

Начиная с июня, гарнизон Бомарзунда ощущал близкое присутствие неприятеля. 26 июля послышалась далекая, но сильная стрельба. Это Ч. Непир салютовал подходившей к нему французской эскадре под командованием адмирала Парсиваля-Дешена, на кораблях которой был отряд сухопутных войск.

7 августа началась высадка французов и англичан на берег в 12 верстах от форта. Высадилось 11000 человек в трех пунктах, а спустя несколько часов, началась первая бомбардировка форта. Русская артиллерия ответила огнем, и ей даже удалось вывести из строя английский корабль «Леопольд». Однако русские пушки были такого калибра, что ядра очень редко долетали до неприятеля.

Для союзников осада Бомарзунда была, в сущности, почти совершенно безопасным предприятием. Положение маленького гарнизона крепости было безвыходным с момента высадки десанта. Десант на штурм не шел. Эскадра союзников продолжала ослаблять гарнизон огнем своих орудий. 14 августа три военных корабля приняли деятельное участие в обстреле форта, а к 15 августа их было уже восемь. И все-таки русские войска не сдавались до последней возможности. Однако надежды на спасение не было никакой. Французы готовились к штурму. Однако 1 августа комендант

крепости генерал-майор Я.А. Бодиско (1794–1876) принял решение сдать то, что осталось от укреплений форта. После взятия Бомарзунда не обошлось без мародерства. Кроме того, союзники взорвали церковь, предварительно сняв с нее часы и отправив их в Лондон. Чтобы разрушить гранитные стены крепости, возле них разжигали сильнейший огонь, а потом раскаленные камни поливали водой, в результате чего они трескались и распадались на куски. В плен попали 2225 русских офицеров и солдат, в том числе комендант Бомарзунда, и все они были перевезены в лагерь для интернированных в Англии и Франции.

В последующие дни все укрепления Бомарзунда были взорваны французами, а сами они 2 сентября отбыли во Францию. Англичане покинули Аландские острова 14 сентября, после бесцельной и совершенно безрезультатной бомбардировки города Або.

Взятие союзниками Бомарзунда оказалось бесполезным, поскольку Швеция отказалась нарушить свой нейтралитет. Задерживаться больше в Финском заливе становилось для союзников совершенно бесполезным, а вследствие приближения холодного времени года — даже опасным. 12 сентября состоялось совещание двух адмиралов Непира и Парсевалья-Дешена, на котором было принято решение о возвращении домой. В сентябре 1854 года союзные эскадры покинули Балтику и никто уже ни в Англии, ни во Франции, ни в России всерьез не думал о военных действиях в Финском заливе, поскольку началась грандиозная историческая трагедия для России на южном берегу Крыма.

Однако Ч. Непир радовался успеху, а британская публика ему восторженно аплодировала. Аландские острова якобы «были захвачены» союзниками, которые наконец одержали первую крупную победу на северном фронте Крымской войны. Все были уверены, что эта война уже близится к концу.

По традиции того времени британский балтийский флот сопровождали частные яхты с богатыми любопытствующими наблюдателями. Днем эти «военные туристы» могли видеть, слышать и обонять сражение с безопасного расстояния. По вечерам в роскошных каютах и салонах они

пили шампанское и ели изысканные блюда, приготовленные их поварами. Такое поведение, разумеется, осуждалось военными лицами. Сам руководитель флота Непир, не добившись от британского правительства официальной оценки такого поведения, в знак протеста отказался от одного из высших орденов империи — ордена Бани. Причем, наблюдением дело не ограничилось. После падения Бомарзунда большинство «туристов» высадилось на берег, чтобы осмотреть поле боя. Увиденное ужаснуло их. Подробные воспоминания об этом оставил преподаватель теологии преподобный Р.Э. Хьюз (*R.E. Hughes*), дон из колледжа Магдалины Кембриджского университета, который сам был среди этих «любопытных господ», прибыв с братом к месту военных действий на личной яхте *Pet*. В своем дневнике Хьюз писал: «Я быстро пошел вперед, когда меня громко окликнул брат и перед ним предстал ряд тел холодных и безмолвных мертвецов: Я испытал страшное потрясение от этого неожиданного зрелища. Белые холщовые покровы застывших тел колыхались на ветру, словно движимые дыханием тех, кто уже не мог дышать. Что знали эти люди о “турецкой проблеме”? Но они сражались, они корчились в предсмертной агонии, а теперь их отцы и братья, матери и возлюбленные проливают по ним слезы — и все из-за Дунайских княжеств». Несмотря на эти трагические впечатления, взятие небольшой русской крепости в Аланском архипелаге было воспринято Хьюзом с восторгом главным образом потому, что он ошибочно воспринял это событие, как конец эпохи могущества каменных крепостей. Его увлеченная поддержка агрессивной военноморской тактики атак на портовые укрепления была классическим примером обманного эффекта единичного впечатления. В 1855 году, когда адмирал Р. Дандас, пытаясь обстреливать более мощную русскую крепость Свеаборг, обнаружил, что ее захватить так же, как Бомарзунд, не удастся. Р. Хьюз, снова прибывший к месту сражения и наблюдавший с борта своей яхты бомбардировку с моря второй русской крепости, был уверен, что ее можно принудить к сдаче артиллерийским огнем с моря. Неудачу операции он возлагал на плохую подготовку британской эскадры и отсутствие решимости у

ее командира. Однако, во второй раз, он уже сам не был столь уверен в мощи британского флота, о чем свидетельствует следующая запись в его дневнике: «При виде русской земли всю нашу команду охватило чувство некоторого беспокойства, которое появлялось с большей или меньшей интенсивностью в течение всего периода нашего пребывания в водах врага. Главным симптомом этого состояния было ощущение дрожи, иногда сильной, сопровождаемое общей депрессией и жутким желанием оказаться в каком-нибудь другом месте». Обстрел главной русской крепости в Финском заливе окончилась неудачей. Р. Хьюз был так этим уязвлен, что накануне отхода эскадры союзников, предпринял провокационный акт опасного неповиновения военным офицерам. Он, согласно его дневнику, вместе с неким «мистером Лоджем из индийской армии, большим энтузиастом в военных вопросах» «за час до заката вывел ... *Pet* под приятным вечерним бризом, дующим в в направлении берега...». И британские любители острых ощущений «подняли свои самые большие паруса». После этого яхта *Pet* подошла на расстояние около тысячи ярдов (= 914,4 м) от крепости. В этот момент по ней был произведен первый выстрел. Затем последовали новые залпы русских береговых орудий, к которым присоединились пушки трех боевых кораблей первого класса российского военно-морского флота. Автор дневника был уверен, что его авантюра вызвало восхищение некоторых британских морских офицеров. Но многие военные моряки не одобрили эти действия «гражданского».

Р. Хьюз продолжал полемику по поводу военно-морской тактики, считая себя ее знатоком. В 1855 г. в Кембриджском университете появилось периодическое серийное издание *Cambridge Essays*, в котором профессора знакомили широкую публику с результатами своих исследований. Р. Хьюз поместил в нем статью «Будущие перспективы Британского военно-морского флота». Он также опубликовал свой судовой журнал «Два летних плавания с Балтийским флотом в 1854–1855 на яхте *Pet*» (*Two Summer Cruises with the Baltic Fleet, in 1854–5: The Log of the "Pet" Yacht*). В своих публикациях он критиковал руководство британской эскадры. Он утверждал,

что: «Теперь вполне общепризнанно, что мы оставили свою работу в Свеаборге тогда, когда она была выполнена едва ли наполовину». Он, правда, уточнял, что «Адмирал Дандас делал именно то, что изначально планировалось и что ни при каких обстоятельствах не намеревалось делать больше... Адмирал намеревался провести демонстрацию для того, чтобы удовлетворить публику и нанести врагу лишь столько вреда, сколько было можно без потерь и повреждений для нас самих; и в этом отношении мы должны отдать должное этому великолепному офицеру, так как он превзошел все наши ожидания». Но для Хьюза этого было недостаточно, он был уверен, что: «Сопrotивление врага было достойно презрения, успех наступления — выше наших собственных и, однако наш огонь был надеждно обречен сгореть в его пороховницах и Британский флот оставил врага с его не тронутыми орудиями, почти не поврежденными оборонительными сооружениями и практически без потерь, ища укрытия в дальних водах... Сейчас кажется буквально догмой, что ни одна кампания не должна быть предпринята, которая может принести потери или поражение — принцип весьма отличный от тех, которых придерживались во времена Нельсона». Хьюз понимал опасность реализации идей агрессивной атаки береговых линий обороны: «Корабли рискуют быть подожженными и потопленными. Но боевые корабли строились не для того, чтобы на них любоваться, а паровые суда — это не батареи за каменными стенами для того, чтобы постоянно стоять пришвартованными во время сражения»⁴.

В начале сентября 1855 г. адмиралы Непир и Парсеваль-Дешен получили приказ вывести флот из Балтийского моря и вернуться домой, самостоятельно выбрав для этого время. На совещании объединенного командования было единодушно решено, что близость зимы препятствует дальнейшим активным боевым операциям, а потому в этом году

⁴ История преподавателя-яхтсмена изложена по материалам сайта британского историка Г. Мартина (*Ged Martin*) — Электронный ресурс [режим доступа: <https://gedmartin.net/>, дата обращения — 05.10.2022].

предпринять что-нибудь против Свеаборга без большого риска не представляется возможным. Надо было возвращаться, что французы и сделали без промедления.

А у английской эскадры все было сложнее. Вскоре адмирал Непир получил послание первого лорда Адмиралтейства Д. Грехема, которым тот фактически отменял предыдущий приказ о возвращении. В письме Непиру утверждалось, что все условия для нападения на Свеаборг налицо: «Нельзя забывать, что с началом осени русские линейные корабли всегда воздерживаются от плавания по Финскому заливу, а лед запирает Кронштадт двумя неделями раньше, чем Свеаборг. Поэтому нападение на Свеаборг было бы целесообразно произвести в конце октября [...] Окончательное решение на этот счет вам следует принять самостоятельно. Если операция против Свеаборга при сложившихся обстоятельствах не имеет перспективы, её ни в коем случае не следует начинать. Если же после тщательной оценки возможностей неприятельских укреплений и флота у вас сложится мнение, что Свеаборг можно уничтожить, ваш долг в сотрудничестве с французским адмиралом не упустить этой возможности». Фактически Адмиралтейство предписывало адмиралу Непиру напасть на Свеаборг, но с оговоркой, что окончательное решение возлагалось на него как на командующего флотом. Глава британской эскадры был озадачен этим посланием, но его смятение только усилилось тремя днями позже, когда он получил следующую депешу. На этот раз Адмиралтейство приказывало ему воздержаться от нападения на Свеаборге. В результате Непир ответил лордам Адмиралтейства резким письмом: «Я сочту себя непригодным для занимаемого поста, если буду вынужден и далее подвергать суда жестоким бурям северных вод. Как лорды Адмиралтейства предписывали мне в письме от 23 сентября и подтвердили письмом от 26-го, я отдам приказ об отходе, когда по нашему общему с французским адмиралом мнению дальнейшее нахождение объединенного флота в этих водах станет небезопасным».

Тон писем, которыми обменивались Непир и первый лорд Адмиралтейства, становился все более раздражительным и все менее почтительным, а в конце концов Д. Грехем

приказал адмиралу возвращаться. Непир привел свой флот в Спитхед 16 октября, а через два дня у него состоялась бурная встреча с Грехемом, вскоре после которой ему доставили короткий приказ: «По получении сего вам надлежит спустить свой флаг и сойти на берег». Так после 60 лет службы королевскому военно-морскому флоту Ч. Непир был отправлен в отставку.

На этом балтийская кампания первого года войны завершилась. Результаты ее были не слишком впечатляющими, если не считать разрушения Бомарзунда. Но британское общество по-прежнему требовало новостей о славных победах. Тем не менее нельзя отрицать, что англо-французским силам удалось успешно парализовать передвижение российских судов в первое военное лето войны. Российский император Николай I не смог усилить черноморский флот, перебросив туда с Балтики российские корабли. Тридцатитысячная армия, расположенная в Финском заливе, не смогла присоединиться к войскам, находящимся в Крыму. Все это, вместе с точно спланированной и проведенной бомарзундской акцией, было достигнуто эскадрами союзников, несмотря на многочисленные проблемы с материальным обеспечением флота, эпидемию холеры и противоречивые распоряжения Адмиралтейства. В ходе этой балтийской кампании Британия не потеряла ни одного судна.

Совершенно очевидно, что Адмиралтейство сделало командира британской эскадры Ч. Непира «козлом отпущения», отнеся на его счет все неудачи балтийского похода. На него посыпалось множество обвинений: он якобы плохо владел тактикой использования паровых судов, его подчиненные ему не доверяли, он был слишком робок и даже пристрастен к алкоголю. Наконец, в свои 77 лет он был слишком стар для командования такой ответственной военной операцией. Однако у Ч. Непира нашлись и защитники, которые указывали на ошибочные действия самого Адмиралтейства. Они утверждали, что именно оно своим мелочным вмешательством мешало эффективному действию британского флота. И действительно, балтийская кампания, особенно поначалу, велась весьма хаотично.

В начале 1855 года в Британии пало правительство Дж. Г.-Г. Абердина. Российский император Николай I назвал это «большим ремонтом в английском правительстве», который вряд ли «направлен в лучшую сторону». В феврале 1855 г. ушел в отставку глава Адмиралтейства Д. Грехем. Затем в марте 1855 г. скончался российский самодержец. Теперь Британией и Россией управляли Г.Д.Т. Палмерстон и император Александр II.

Крымская война продолжалась. Британия поставила новую задачу своим военно-морским силам. Командовать эскадрой назначили Р.С. Дандаса (1802–1861). На этот раз операция проводилась без участия французских кораблей. Дандас был близок новому премьеру Палмерстону, который в будущем аттестует его как «выдающегося офицера». Теперь британской эскадре предстояла взять Свеаборг. Хотя звучали и призывы начать поход на Кронштадт и Санкт-Петербург для эффектного окончания войны. Очевидно, что обстрел Свеаборга был не слишком рискованным предприятием. На это через газеты обратил внимание отправленный в отставку Ч. Непир, язвительно заметивший, что для эскадры «еще меньший риск — просто остаться в Спитхэде». Грехем же заявил, что выбрал Дандаса, поскольку он не имеет опыта Наполеоновских войн и не будет молиться на *The Nelson's touch* (имеется в виду ставшее нарицательным в Англии название свода идей знаменитого адмирала Нельсона о том, как нужно вести морские сражения).

Однако, вряд ли бы британские адмиралы и политики смогли бы ответить на вопрос, а почему эскадре была поставлена цель атаковать Свеаборг? По идее на Балтике были гораздо более очевидные цели, например Рига или Кронштадт, или даже столица — Санкт-Петербург, но выбрали именно Свеаборг. Премьер Палмерстон позже признавался, что поскольку Бомарзунд не был признан современной крепостью, Англии как воздух нужен был триумфальный захват какой-нибудь значимой цитадели, дабы успокоить и направить в нужное русло общественное мнение.

Основой плана атаки Свеаборга стал меморандум капитана Б.Дж. Саливана (1810–1890), главного гидрографа Бал-

тики (англ. *chief surveyor in the Baltic*), который предложил в своей записке три разных плана: плотная блокада Российского побережья; разрушение Свеаборга и Кронштадта; серия мелких набеговых операций на русские берега, чтобы заставить все население России почувствовать зло войны в максимально возможной степени. Поскольку наиболее детально Саливан рассмотрел в своем докладе вариант атаки Свеаборга, выбран был именно этот город, остальные предложения, в том числе и атаку Кронштадта, отложили.

В последний момент Франция тоже включила свои корабли в состав экспедиции. Их вел контр-адмирал Ш.-Э. Пено (1800–1864), который получил под команду три паровых линейных корабля и два парохода. Новый адмирал Пено был точной копией Дандаса — опыта больших военных конфликтов не имел, участвовал лишь в высадке в Алжире и Опиумной войне.

Проблема перед эскадрой Дандаса и Пено встала ровно та же, что и перед эскадрой Непира — отсутствие приемлемого количества малых кораблей. Даже опуская нецелесообразность их реального использования, королевские верфи тогда были заняты срочным перевооружением линейных кораблей и фрегатов. В результате, за 1854 год вместо планируемых 50 канонерских лодок с большими мортирами было построено всего две. Обстреливать же форты с близкого расстояния с деревянных линкоров французы категорически не хотели, поскольку, как писал Наполеон III, «нельзя рисковать судном, несущим 80 орудий и 1200 человек экипажа, в противостоянии с куском гранита с несколькими орудиями и десятком артиллеристов».

Со своей стороны российское командование после нападения флота коалиции на русские укрепления в Финском заливе и, особенно, на Кронштадт, предприняло решительные меры к дальнейшему укреплению морской обороны столицы империи. В июле 1854 года, еще до падения Бомарзунда, служащий морского ведомства Н.И. Путилов (1820–1880) обратился к начальству с предложением срочно создать флотилию паровых канонерских лодок, способных действовать в условиях мелководья Маркизовой лужи (то есть Невской гу-

бы — восточной части Финского залива). Рапорт был представлен командующему флотом великому князю Константину Николаевичу, который принял это предложение и назначил Путилова уполномоченным по экстренному сооружению новой канонерской флотилии и корветов. 30 ноября 1854 года инженер-кораблестроитель получил «Высочайшее повеление Государя Императора» и начал работы. По легенде, Великий князь Константин Николаевич вызвал Путилова к себе и спросил: «Можешь ли ты, Путилов, сделать невозможное? Построить до конца навигации флотилию винтовых канонерок для обороны Кронштадта? Денег в казне нет — вот тебе мои личные двести тысяч». Путилов взялся за этот невозможный заказ, выполнить который требовалось к маю 1855 года. За 90 дней нужно было спустить на воду и ввести в строй 32 канонерские лодки с винтовыми двигателями. За полную готовность канонерок несли персональную ответственность члены «пароходного комитета» П.Ю. Лисянский и А. Шестаков, за поставку машин, котлов и материалов для корпусов — чиновник особых поручений кораблестроительного департамента Н.И. Путилов, за постройку всех корпусов — петергофский купец С. Кудрявцев, за надзор и техническое руководство — корабельный инженер Иващенко.

Первые 32 оборудованные паровыми машинами Путилова винтовые канонерские лодки, предназначенные для плавания в мелководном Финском заливе, вошли в строй в мае 1855 года. Как вспоминал Путилов, «весь декабрь ушел на составление чертежей, размещение заказов и бесконечные уговоры, поскольку “малые” хозяева весьма смущались новостью дела. Весь январь, февраль и март во всех уголках столицы, где только есть что-либо для механического дела, начиная от заводов и до чердаков, где временно были устроены мастерские, везде работали с неутомимой деятельностью — в две смены». Путилов привлек к выполнению оборонного государственного заказа два десятка заводов и мастерских. «К концу февраля свезли откуда что и начали собирать. К 15 марта первая машина собрана на заводе. А уже в мае того же года, то есть через 100 дней, 32 вооруженные канонерки, каждая с паровой машиной в 80 сил, стояли в

Кронштадте». Эти канонерские лодки благодаря своей малой массе развивали скорость от семи до девяти узлов и были вооружены одним-тремя 68-фунтовыми бомбовыми орудиями. Теперь оказалось, что небольшая канонерка может уничтожить линкор, в сотни раз превосходивший ее по стоимости. И «противоядия» от них фактически не было. Дальность стрельбы русских 68-фунтовых коротких (10 калибров) бомбовых пушек составляла 14 кабельтовых (2,6 км), но прицельная дальность была много ниже — 500-700 м. Казалось бы, в этом случае канонерки попадают в зону эффективного обстрела с больших океанических судов, однако не стоит забывать, что русские канонерки были очень маломерной целью, тогда как британские и французские линейные корабли и фрегаты — гораздо более обширной. Иными словами, на одном и том же расстоянии вероятность попадания с канонерки в корабль гораздо выше, нежели с корабля в канонерку. Если же учесть, что скорее всего канонерские лодки будут действовать группами, заходя на корабли с разных курсов, это приведет к разделению огня между ними и, как следствие, к снижению вероятности попадания в маломерные цели. Кроме того, как отмечалось выше, было осуществлено минирование всех стратегически важных судовых ходов совершенными подводными минами. К лету 1855 года Финский залив представлял собой многоуровневую минно-артиллерийскую позицию, обладавшую как активным (канонерки и корабли), так и пассивным (береговые батареи и мины) элементами защиты. И вот эту защиту союзники планировали взломать.

Как было отмечено выше, Грэхэм ушел в отставку 22 февраля 1855 года. На посту Первого Лорда Адмиралтейства его сменил Ч. Вуд, который сразу же довольно резко написал Дандасу: «Ради бога, решите поставленную вам задачу как можно скорее, иначе мы придем к большой беде». В ответ Дандас, желавший самостоятельно определять, когда выходить в море, запросил отставки. Вуд ее не принял, сменил менторский тон на уважительный и согласился с тем, что на Балтике флот появится в апреле, а не в феврале.

Английская эскадра насчитывала 17 линейных кораблей, пять фрегатов, четыре шлюпа, а кроме того, 14 колесных фрегатов и корветов, 20 парусных бомбардирских судов, 15 винтовых канонерских лодок и малые суда. Французский отряд состоял из трех линкоров и двух винтовых фрегатов. Французы соединились с британцами в начале июня. Англичане выделили все малые паровые суда в так называемый «летучий эскадрон», который вошел в русскую часть Балтийского моря 10 мая. Через два дня англичане появились у Ревеля, а чуть ранее наведались к Наргену, но везде были встречены артиллерийским огнем. Гавани Ревеля, Кронштадта и Риги были очень хорошо вооружены. Основу их обороны составляла трех-пудовая бомбовая пушка с максимальной дальностью выстрела в 1000–1300 сажень (2,13–2,8 км). Несколько близких взрывов быстро остудили пыл англичан. Обстреливать крепости они изначально собирались с парусных бомбардирских судов, но их максимальная дальность составляла 3 км. Чтобы исключить возможность того, что русские их накроют артиллерийским огнем, Дандас приказал стрелять с расстояния не менее, чем 3,3 км. Соответственно, большинство бомб просто не долетало до русских фортов.

Тем временем британские пароходы обследовали Финский залив. 17 мая они были у Ханко, 21 мая — у Выборга, а 27 мая попали под обстрел батарей Кронштадта. Командир фрегата *Amphion* сэр Э. Кей 4 июня сообщил, что, по донесениям капитанов малых судов, все подходы к Кронштадту завалены заграждениями из камня и леса, в проходах установлены мины, батареи хорошо вооружены, а у русских появились винтовые канонерские лодки, которые надо как-то нейтрализовать. В этой ситуации Дандас заключил: «В нынешних условиях и в отсутствие сильной многочисленной флотилии канонерских лодок и малых судов не получится провести эффективную попытку [атаки Кронштадта] и преодолеть такие серьезные преграды; что бы я там не приказал — с теми средствами, которыми я обладаю, такая попытка гарантированно закончится неудачей».

Основных проблем, которые мешали активным действиям союзников на Балтийском театре военных действий,

было три: Кронштадт и побережье Финского залива были на тот момент, пожалуй, самым сильным и хорошо укрепленным как с моря, так и с суши русским оборонительным районом ввод в строй русских винтовых канонерок требовал гораздо большего «малого флота», нежели был выделен Дандасу; на русском побережье Балтики было сосредоточено более 200 000 штыков, то есть в два раза больше, чем в Крыму, и союзникам для блокирования этой армии требовались огромные десантные силы, которых не было в принципе.

Оставались только громкие по резонансу, но пустые по содержанию демонстрации британцев, вроде матча в крикет между офицерами кораблей *Cressy* и *Duke of Wellington* на виду у береговых батарей Ревеля. Из военных способов применялись лишь набег малых сил, вроде бомбардировки шлюпом *Harrier* беззащитного городка Раумо. Это было в принципе все, что англо-французская эскадра на Балтике могла сделать. Предложенный было набег на город Пернов (Пярну) Дандас отверг как бесперспективный. К тому же, командующему не слишком хотелось украсить себя лаврами Э. Оммани, обстрелявшего Соловки в 1854 году.

Наконец, эскадра направилась к Свеаборгу, где успех казался более достижимым, и там 9 августа началось крупнейшее в этой кампании артиллерийское сражение. Войдя в створ крепости, союзный флот в течение двух дней выпустил по ней 20000 снарядов, подвергаясь все это время ответному огню более тысячи орудий. Крепость защищалась стойко, и союзники вынуждены были отойти к входу в залив, где англо-французский флот оставался до начала декабря. Морская блокада Балтики успешно продолжалась⁵.

Однако союзники не смогли достигнуть своей главной дипломатической цели, от которой зависел их военный успех на северном театре военных действий — привлечь к своей антироссийской коалиции страны Северной Европы, прежде всего, Швецию и Финляндию. Таким образом, эта глава Крымской войны закончилась ничем.

⁵ Нами были использованы материалы о Крымской войны сайта: <https://warspot.ru/>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Марксистский Интернет-архив — Электронный ресурс [режим доступа: <https://www.marxists.org/english.htm>, дата обращения — 05.10.2022].
- Постников 2018 — *Постников А.В.* Соловецкий ставропигиальный монастырь, Архангельск, другие поморские поселения и святые обители в героическом сопротивлении агрессии и блокаде англо-французского отряда кораблей на Белом море во время Крымской войны 1853_1856 годов // *Православие и общество: Грани взаимодействия* / Отв. ред. Е.В. Дроботушенко. Чита, 2018. С. 27–33.
- Постников 2020 — *Постников А.В.* Офицеры Российского военноморского флота и другие обитатели Российских владений на Тихом океане в воспоминаниях некоторых англичан – участников интервенции англо-французской эскадры в 1854_1856 гг. // *Вопросы географии*. М., 2020. Сб. 151: Российские литераторы, окружающая природа и Географическое общество / Отв. ред. В.М. Котляков, С.Н. Волосевич. С. 542–555.
- Трубецкой 2014 — *Трубецкой А.* Крымская война. Неизвестная мировая война. СПб., 2014.
- Ged Martin — Электронный ресурс [режим доступа: <https://gedmartin.net/>, дата обращения — 05.10.2022].

Ар. А. УЛУНЯН

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ГЕОИСТОРИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕЕ ЮЖНОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БРИТАНСКОГО ПОЛИТИКУМА В XIX ВЕКЕ

Аннотация: Начиная с 20-х годов XIX в. Центральная Азия и ее южное трансграничье представляло для Британской империи стратегическое значение с точки зрения обеспечения безопасности ее индийских владений. Так называемая «Большая игра», то есть развернувшееся с этого времени в острой форме противостояние между Британской и Российской империями, обусловило пристальное вынимание британских общественно-политических кругов к центрально-азиатскому региону, его позиционированию в системе международных отношений и создало основу для системного изучения как самой Центральной Азии, территорию которой предстояло определить, так и ее южных соседей — Персии и Афганистана, выступавших военно-политическим буфером на пути продвижения Российской империи на юг. Географические, политические, этнические и конфессиональные черты региона и его южного трансграничья в сочетании со складывавшейся в британской общественно-политической среде историко-культурной традицией ориентализма нашли свои отражения в формировании картографического образа Центральной Азии и ее южных «рубежей», что, в свою очередь, влияло на восприятие происходивших там событий британским политикомом.

Ключевые слова: Афганистан, Большая игра, Великобритания, Персия, Центральная Азия, картография, ориентализм

В британских общественно-политических кругах формирование географических представлений о пространстве Центральной Азии (*Central Asia*), включая ее позиционирование в пределах широко интерпретируемых границ культурно-географических и исторических «массивов» Востока (*Orient*) и Азии (*Asia*), прошло долгую эволюцию, в которой период с начала 20-х годов XIX в. вплоть до его конца занимает важное место. Именно в это время Центральная Азия, расположенная в непосредственной близости от границ британской Индии, стала одним из приоритетных направлений внешней политики Британии. Англо-афганские войны (1838–1842 и 1878–1880 гг.), а также активное продвижение Российской империи в направлении Афганистана и Персии, которое сделало центральноазиатский регион ареной так называемой «Большой игры» (то есть противоборства России и Британии), положили начало формированию «центрально-азиатского дискурса» в британской политической жизни, что, в свою очередь, и в целом повлияло на интерпретацию геопространства Центральной Азии.

Основные источники географических, этнологических и политических знаний о Центральной Азии для представителей британского политического класса условно делились на несколько основных групп: 1) публиковавшиеся отчеты о путешествиях, авторами которых были по большей части военные из числа офицеров британской армии в Индии, и историко-географические справочники, составлявшиеся в военных и гражданских институтах управления британской Индии; 2) личный опыт представителей британского политика, полученный во время занятия соответствующих постов в колониальной администрации британской Индии или на дипломатической (военной) службе; 3) общественно-просветительская и имеющая в своей основе политическое содержание деятельность появившихся в Британии соответствующих институций. Немаловажное значение в формировании геопространственных представлений о Центральной Азии в британских политических кругах, учитывая полученное их представителями университетское образование, имело широко распространившееся в университетской ака-

демической науке и в культуре увлечение античностью и ориентализмом¹. Последнее обстоятельство оказывало сильное влияние на «историзированность» восприятия Центральной Азии как геоисторического массива, тесно связанного с его южным «трансграничьем», прежде всего, с Персией и Афганистаном.

Большую роль в формировании этих представлений играли общественно-научные и политические институты, создававшиеся в 20-е-30-е годы XIX века. Их активность с середины 20-х годов XIX в. приобрела системный характер. Одним из первых среди них было Королевское азиатское общество Великобритании и Ирландии (*The Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*), нередко называемое сокращенно как Королевское азиатское общество (*Royal Asiatic Society; RAS*), которое начало функционировать с 15 марта 1823 г. и получило свой официальный статус в соответствии с подписанной 11 августа 1824 г. королем Георгом IV королевской хартией. Именно это общество с момента своего создания стало играть ведущую роль в научных (включая географические и исторические) изысканиях на «восточном» направлении. Примечательной особенностью институализации новой общественно-научной организации была ее тесная связь с британским политическим и государственным истеблишментом, а также военными кругами даже на формальном уровне. Это нашло свое отражение в создании Восточного клуба (*Oriental Club*), председателем которого являлся герцог Веллингтон, известный и влиятельный политик и военный, занимавший в 1828–1830 гг. и в 1834 г. пост премьер-министра, а членами Клуба могли быть те из представителей британской бюрократии, которые проживали и работали как на государственной службе, так и в Ост-Индской компании на Востоке и входили в Королевское азиатское общество. Во многом именно благодаря герцогу Веллингтону в 1831 г. был создан первый британский и первый в мире *think-tank* — Королевский институт объединенных служб (*Royal United*

¹ Подробнее об этом явлении в европейской культуре и науке см.: Schwab 1984.

Services Institute; RUSI), существующий до сих пор и ориентированный его основателем на изучение проблем безопасности и обороны Британской империи, включая «восточное» направление.

Свою лепту в формирование представлений британского политикума о Центральной Азии и ее южном трансграничье внесли еще несколько институций. Так, в частности, несмотря на свое недолгое, чуть более 20-летнее существование (1826–1848), созданное активным деятелем партии вигов лордом Генри Питером Брумом «Общество распространения полезных знаний» (*The Society for the Diffusion of Useful Knowledge*), связанное с Лондонским университетом, занималось публикацией научно-просветительской литературы, в число которой вошел и атлас, состоявший из 200 карт².

Особое место среди этих формализованных с точки зрения легитимации в общественно-политическом и академическом пространстве структур, специализировавшихся на историко-культурной тематике Востока, занимал Фонд восточных переводов (*Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland*), созданный в 1828 г. Комитетом восточных переводов Королевского азиатского общества во главе с сэром Гором Оусли и находившийся под покровительством короля Георга IV³.

К числу общественно и научно значимых организаций, имевших отношение к формированию представлений о центрально-азиатском регионе, относились и созданное в 1830 г. Королевское географическое общество (*Royal Geographical Society; RGS*), а также Лондонское Королевское общество по развитию знаний о природе (*Royal Society of London for Improving Natural Knowledge*), существовавшее еще с 1660 г. и получившее специальную хартию от короля Карла II в 1662 году.

В публичной сфере политико-географические представления британского политикума о Центральной Азии и ее южном трансграничье находили свое отражение в общественно-политической публицистике и выступлениях членов британ-

² Mead 1994.

³ Appendix No. II 1829: XX–XL.

ского парламента. Одной из главных особенностей процесса формирования образа центрально-азиатского геопространства в британской политической среде был взгляд на него как на находящееся между британской Индией и российскими владениями, что обусловило доминирование исключительно практического подхода к нему с позиций определения угроз британским интересам с севера и, таким образом, создавало своего рода иерархию в перцепции географических реалий, когда ближайшее для британской стороны центрально-азиатское трансграничье было представлено Афганистаном и Персией, имевшими в формировавшихся представлениях как в географическом, так и культурно-историческом отношении общие части с Центральной Азией, а сама геопространственная концепция последней не была статичной из-за элемента «историзации» географических реалий в силу влияния как античного, так и ориенталистского элементов.

В начале XIX века этногеографический образ Центральной Азии и ее южного трансграничья, а также географическое картографирование политико-государственного пространства в британской картографии свидетельствовали не только о слабом знакомстве с регионом, но и о достаточно сильном влиянии академического «филологического» ориентализма. Одной из иллюстраций подобного подхода является карта Персии 1811 года, на которой были подробно отражены географические пространства, граничившие с тем, что получило название Центральной Азии, которая, в свою очередь, была определена как территория *Tartary*, включавшая указанный на карте Хорезм и северную часть Афганистана (Илл. 1)⁴. На изданной в 1808 г. в Дублине карте «Азия», имевшей широкое хождение в Британии в начале XIX в., Центральная Азия называется *Western Tartary*, на юго-западе она граничит с Персией, на юге — с Индостаном, на юго-востоке — с *Kalmucs* (калмыками), которые на востоке включались в географическое пространство под названием *Eastern Tartary* (Восточные татары) (Илл. 2)⁵. Таким образом, на карте фактически

⁴ Persia. Map by W. Darton Jr. 1811.

⁵ «Asia» from The General Gazetteer 1808.

Илл. 1
Карта Персии 1811 г.

отсутствовал Афганистан. В соответствии со «стандартизированной» британской версией этнонима «татары» применительно к центрально-азиатскому региону (отраженной в опубликованном в 1806 г. первом томе академического «Словаря английского, персидского и арабского языков: с диссертацией о языках, литературе и нравах восточных народов», автором которого был Дж. Ричардсон) отмечалось, что «среди татар, или, точнее, татарских народов, которые при некоторых сходных чертах имеют в то же время во многих чертах разный характер, есть моголы, калмаки или алу-ты, атраки или тюрки, туркмены, узбеки, кангелы или канкли, казелаки, тамгаги, кипчаки, крими, сарты, жители Бухары, хаты или хотены, тонкаты или тангуты и тибетцы, телангуты, туматы, вираты, катагуны и т.д.»⁶.

По мере получения этногеографических сведений о собственно Афганистане и приграничных с ним территориях британские политико-географические представления, сформулированные в виде публиковавшихся картографических материалов, справочников, а также так называемых «описаний», составленных британскими чиновниками и военными, становились более отчетливыми и детальными с точки зрения отображения реальной картины, но при этом включали коннотации древней истории в контексте определения исторических пространств, что, очевидно, было призвано подчеркнуть характер связей между появлением новой политико-географической картины и ее историческими «корнями». В этой системе координат сформировалось распределение геоисторических пространств, выступавших в роли наследников древних (античных) цивилизаций, средневековых и периода раннего Нового времени мегаимперий.

К числу первых из них относилась Бактрия (Бактриана) как объединявшая в культурно-историческом и государственно-политическом плане Центральную Азию и часть современного Афганистана. В этой связи она фактически выступала в роли исчезнувшего геополитического региона, на смену которой пришла империя Саманидов, ставшая исто-

⁶ Richardson 1806: LXXXV.

рическим центром персоязычной культуры после прекращения существования Бактрии. Одновременно с этим в британской историко-ориентальной традиции, влиявшей и на картографические образы, обращалось внимание на существование геоисторического пространства Тохаристана, являвшегося, по сути, раннесредневековым персоязычным названием Бактрии с центром в городе Балх, имевшем особое значение в период существования Сасанидской империи, и являвшемся центром торговли между нею и Индией.

Одновременно происходила детализация афгано-центральноазиатского пространства. Так, в частности, устойчивые позиции в британской картографической традиции с середины XIX в. приобретает историко-географическая область Бадахшан, что имело конкретное политическое значение для британской стороны в контексте продолжавшейся Большой игры и русско-британского разграничения 1873 г. этой области, в соответствии с которым южная часть Бадахшана (хотя и названная в англо-русском договоре как весь «Бадахшан, а также район Вахан») были признаны под властью «эмира Кабула»).

Принципиально важное значение в формировании в британских общественно-политических кругах представлений о геополитической картине Центральной Азии и ее южного трансграничья приобретала историко-географическая и культурно-политическая область Хорасан. Это название в XIX в. использовалось для обозначения административной области Персии. Однако в средневековый период Хорасан включал, объединяя в культурно-политическом отношении, части современных Ирана, Афганистана и Туркменистана с соответствующими центрами — Нишапуром, Мервом, Гератом и Балхом. Позиционирование этого пространства и его выделение на картографических материалах в Британии отчетливо свидетельствовало о сформировавшемся видении «историзированного» единства отдельных частей центрально-азиатского геопространства с южным трансграничьем.

Имея в виду важность восприятия реперных точек любого геопространства как с учетом его границ, так и внутреннего содержания, принципиальное значение в определе-

нии границы между Центральной Азией, находившейся к северу от Афганистана, а также учитывая «афганоцентризм» в британской географической традиции восприятия граничивших с ним регионов и территорий, рубежом выступала река Амударья, называвшаяся в той же традиции Оксом (*Oxus*), а пространство, располагавшееся за ней, — Трансоксиана (*Transoxiana*).

Несмотря на явную вышеупомянутую особенность географического образа, влиявшую на формирование всей геопредставленческой картины Центральной Азии и ее южного трансграничья, сам Афганистан вплоть до 80-годов XIX в. рассматривался как в политико-географическом, так и геосторическом смысле с позиций его региональной диверсификации и в рамках уже отмечавшегося «историзированного» подхода. Во многом в русле имевшей влияние античной и авестической традиции, а также с учетом собственно общественно-политических реалий, политико-географическое определение Афганистана проходило в контексте выделения двух историко-политических областей — Кабулистана и Забулистана. Первое из них, известное еще по «Географии» Птолемея по названию народа кавулитов (*Καβολῖται*), проживавших на севере от современного г. Кабул в провинции Паропамисады (*Παροπαμισάδα*) империи Александра Македонского, объединяло часть северо-восточных территорий современного Афганистана и Пакистана. В государственно-политическом отношении в средневековый период Кабулистан представлял государственное образование, включавшее города Кундуз, Газни, Кандагар, территорию современного афганского Бадахшана и отдельные западные районы современного Пакистана. В британской традиции политической географии, сформировавшейся на протяжении XIX в., Королевство Кабул (Кабулистан) выступало синонимом Афганистана. Характерным примером выделения именно первого в виде широкого по своему пространственному охвату политонима стал опубликованный в 1815 г. «Отчет о Королевстве Кабул и зависимых от него территориях в Персии, Татарии и Индии», составленный представителем администрации британской Индии, первым посланником в Кабуле

М. Эльфинстоном, направленном к правителю империи Дуррани, охватывавшей на западе часть исторической области Хорасан в Персии, на севере небольшую часть нынешнего Туркменистана южнее Мерва, практически весь современный Афганистан и на востоке Пенджаб⁷. Примечательной особенностью этого издания было обращение автора к предыдущим публикациям своих британских предшественников, отдельные представления которых о расположении центрально-азиатских государственно-политических образованиях и их географии (например, Бухары) он считал ошибочными⁸. Это не помешало ему, тем не менее, воспроизвести карту «Королевство Кабул» из издания одного из критиковавшихся им исследователей — лейтенанта Дж. Макартни. В соответствии с ней северная граница королевства отделяла его от территории государства Бухары, население которой было указано как «узбеки», а сам регион определялся как Туркестан⁹.

Соседним с Кабулистаном являлся регион Забулистан, находившийся южнее его и включавший провинции современного Афганистана Газни и Забул — восточную часть нынешнего Ирана и западную часть современного Пакистана, выступая в роли отдельного исторического пространства. При этом оба отмечаются одновременно, в геоисторическом контексте; в британских картографических материалах они параллельно сосуществовали с Хорасаном. В определенной степени это являлось отражением складывавшейся академической традиции, учитывавшей как до, так и послеисламский период Востока, в данном случае, применительно к Афганистану и его трансграничью. При этом древнее пространство Афганистана рассматривалось как части Бактрии, Кабулистан и Забулистан. В послеисламский период, то есть после VII–VIII вв., регион разделялся на западную часть, в которую входил Хорасан, и восточную, включавшую пространство от Кандагара и Кабула до Синда. Это было также частью образа,

⁷ Elphinstone 1815.

⁸ Elphinstone 1815: VII.

⁹ Elphinstone 1815: 87.

существовавшего в той же британской академической традиции изучения исламской географической мысли периода средневековья, в соответствии с которой Афганистан разделялся на две культурно-исторические и политические области региональной значимости — на Хорасан, включавший в сасанидский период Балх и Герат, и на Систан, куда входили Газни, Бост, Кандагар, Кабулистан и Забулистан. Наиболее рельефно это было сформулировано в признанной классической с точки зрения ее научной значимости работе британского военного деятеля, чиновника колониальной администрации, ориенталиста-ираниста Дж. Малькольма «История Персии с самого раннего периода до наших дней: содержит описание религии, правления, обычаев и характера жителей этого царства», изданной в 1815 г. и вскоре переведенной на французский и немецкий языки, а также фарси. В ней, в частности, Систан отождествлялся с Забулистаном¹⁰.

Аналогичным образом происходила «историзация» пространства Центральной Азии, когда в качестве исторической основы этого геопространства в формировавшемся в британском общественно-политическом дискурсе образе региона одним из его историко-политических и культурно-исторических сегментов выступал Хорезм как особый регион, который граничил на Востоке с Трансоксанией (или Мавераннахром), а на юге с Хорасаном.

Многослойность определения политико-географического и историко-культурного пространства Центральной Азии и ее южного трансграничья при формировании в британском политикуме как образа региона, так и соседних с ним территорий (областей) была во многом обязана распространению сведений, содержащихся в публикациях, передающих местные нарративы. Так, в частности, в сочинении «Рассказ о путешествиях Хаджи Мухаммеда Хусейн-хана, принца Мерва, написанный в 1818 году», составленном по просьбе бывшего британского посла в Персии сэра Гора Уисли, члена Лондонского королевского общества и Петербургской академии наук, и опубликованном Фондом восточных переводов в книге

¹⁰ Malcolm 1815: 18.

«Биографические заметки персидских поэтов», ее автор представил политико-географическую картину части центрально-азиатского региона в таком виде, который усиливал у британского читателя связь между историей и современностью, что, в свою очередь, способствовало «историзации» образа региона и его приграничья. Уже с самого начала повествования Мухаммед Хусейн-хан, используя историкотопонимическую традицию, обращает внимание на то, что он родился в Марв-и Шахджане (дословно: «Мерв — Королева мира»), «одной из первых и прекраснейших местностей в Хорасане, которая, начиная с периода, когда династия Сефевидов правила Персией, оставалась княжеством под властью моих предков»¹¹. Характеристика самого Хорасана давалась им хотя и в субъективной, но отражающей современную ему традицию манере, согласно которой по четырем сторонам этой области расположены четыре основных города: «Балх — город, в котором живут только разбойники и развратники. В нем и его окрестностях нет ни одного здравомыслящего человека. Мерв — город, где культивируется разум и где изобилуют все блага этого мира. Его возвышения и падения одинаковы. Герат, который тоже хорош. Но Нишапур, если и есть рай на земле, так это там; если же рая нет, то его нет вообще»¹². Срединную позицию центрально-азиатского пространства в этой картине «регионального мира» занимало так называемое «королевство Мавераннахр» (от араб. «то, что за рекой»), в который входили «местности, расположенные между реками Сихун [Сырдарья] и Джихун [Амударья], и где существовали другие большие города «такие как Несеф [Карши], Кеш [Шахрисабз], Нахшеб [Карши]¹³, Нур, Хисар и Чаганиан [Чаганиан]»¹⁴. При этом отмечалось, что столицей Мавераннахра являлась Бухара¹⁵, а сам он был «расположен

¹¹ Narrative of the Travels 1846: 332.

¹² Narrative of the Travels 1846: 337.

¹³ Повтор названий в этом перечислении, судя по всему, был связан с ошибкой, обусловленной существованием нескольких названий одного и того же города.

¹⁴ Narrative of the Travels 1846: 340.

¹⁵ Narrative of the Travels 1846: 338.

между Туркестаном и Ираном» и в древности «считался частью Хорасана, но при тюркских или татарских и узбекских султанах стал частью Турана: он и по сей день входит в состав Турана. Центром верховной власти узбеков всегда была Бухара; и до правления Надир-шаха весь Мавераннахр находился под властью одного короля»¹⁶.

Происходившая «стандартизация» образа отдельных частей региона нашла свое отражение в справочниках и энциклопедиях, являвшихся, в свою очередь, источником информации на публичном уровне для широких общественно-политических кругов, и во многом способствовала формированию среди них соответствующего политико-географического образа Центральной Азии. Так, в частности, в популярном и использовавшемся как в академических, так и в общественно-политических целях «Мировом справочнике или географическом словаре» (1835 г.), автором которого являлся подполковник Дж. Лэндмэн, в статье, посвященной Бухаре, отмечалось, что это город в Азии, в «Узбеко-Татарии»¹⁷. Сам Бухарский эмират, называвшийся «Бохарией или Бухарией», определялся как «страна в Азии, в Узбеко-Татарии», со столицей в Самарканде, «граничащая на севере с русским Туркестаном, на востоке с Кашгаром, на юге с Индостаном и Персией, а на западе с Хорасаном и Хорезмом»¹⁸. Одновременно в употребление вводилось политико-географическое понятие «Малая Бухара», под которой понималась Кашгария¹⁹. Хорезмийское государство, то есть Хивинское ханство, называвшееся в справочнике «Харазм или Харизм», описывалось как «плодородная страна Азии, Узбеко-Татарии, граничащая на севере с Туркоманией, на востоке с Бухарией, на юге с Хорасаном и на западе с Каспийским морем. Он поделен между несколькими татарскими князьями, из которых один получает титул хана с некоторым превосходством над остальными. Хива — столица и обычная резиденция хана зимой, а ле-

¹⁶ Narrative of the Travels 1846: 340.

¹⁷ Landmann 1835: 106.

¹⁸ Landmann 1835: 106.

¹⁹ Landmann 1835: 162.

том — обычно лагеря на берегах Аму или Амуре (Амударья. — *Ар. У.*)»²⁰. Также отмечалось в отдельной статье, что Хива, расположенная в Азии, называлась столицей Хорезма²¹, а Мерв определялся как «город в Азии, в Персии, в Хорасане»²². Сам Хорасан в этой конфигурации определялся как «азиатская провинция, в Персии, граничащая на севере с Хоразмом и Узбеко-Татарией, на востоке с Бухарией и Балхом, на юге с Сегестаном (Систаном. — *Ар. У.*) и Керваном (Керманом. — *Ар. У.*), на западе с Ираком, в Мазендеране и Каспийским морем». При этом обращалось внимание на то, что «власть царя Персии распространяется только над городами Мешхед, Нишапур, Тершиз и Тебес с зависимыми территориями. Юго-восточными частями, включая Герат, владеют афганцы, а на востоке и севере — узбеко-татары и Туркоманы. Столицей является Мешхед»²³. Этногеографическое описание «Туркомании» стандартизировалось в виде «страны Независимой-Татарии между Каспийским морем и озером-Аралом», населённой туркменами²⁴. Локализация Туркестана как важной географической области определялась как «местность Западной Татарии, граничащая на севере и востоке со страной калмуев (калмыков. — *Ар. У.*), на юге с Бухарией а на западе с озером Арал. Вождь в этой местности называется ханом каракалпаков, а столица — Тараз»²⁵.

Имея в виду важность изданий, подобных данному справочнику, и широкое использование их в публичной сфере, следует отметить, что сочетание достоверных данных с явно ошибочной информацией влияло на формирование не совсем точного политико-географического образа Центральной Азии и ее южного трансграничья.

В свою очередь, исторический образ отдельных частей Центральной Азии, в частности, южной, начинал претерпевать определенные изменения, что было важно с точки зре-

²⁰ Landmann 1835: 172.

²¹ Landmann 1835: 391.

²² Landmann 1835: 484.

²³ Landmann 1835: 182–183.

²⁴ Landmann 1835: 172.

²⁵ Landmann 1835: 805.

ния восприятия британскими общественно-политическими кругами политико-географических реалий XIX века. Так, в частности, на раннем этапе, приблизительно до середины 40-х годов XIX в., в сложившейся в британских академических кругах и получившей распространение как в публичном пространстве, так и среди ориенталистов практике Туран (в соответствии с авестийской традицией) как историко-географическое пространство локализовывался в пустынно-степных массивах вокруг междуречья Амударьи и Сырдарьи. В то же время, британская версия историко-географического образа Турана имела уже в начале XIX в. и альтернативную версию, что нашло свое отражение в упоминавшемся выше труде Дж. Малькольма, когда автор отмечал, что прежде под этим названием подразумевались «все страны между Яксартом [Сырдарьей] и Оксом [Амударьей] в одном направлении и Каспийским морем и границами Китая — в другом [и все они] были известны туземцам Персии»²⁶. Более того, уже на данном этапе закладывались изменяющиеся черты образа такого пространства, когда Малькольм уточнял, что «использовал в этом и других местах (своей книги. — *Ap. У*) европейские термины Татария и татары. Эти термины неизвестны аборигенам Востока. Татария прежде была известна им под именем Туран, а ныне называется Туркестан»²⁷. Однако, как и предшественники Малькольма, он также был склонен к «литературному историзму», когда ссылался на персидских авторов для определения геопространств и этносов, населявших их, в связи с чем британец писал, что «Фирдоуси говорит, что Афрасиаб, правитель Турана, правил Персией двенадцать лет. Термин Туран, как часто утверждалось, применялся магометанскими авторами ко всей той стране, которую в современной географии мы называем Татарией; потому что сейчас его населяют племена татар»²⁸.

²⁶ Malcolm 1815: 21.

²⁷ Malcolm 1815: 32.

²⁸ Malcolm 1815: 213. Об определении этой группы народов в соответствии с британской традицией начала XIX в. см выше.

Нараставший поток информации о центральноазиатском регионе, источником которого были как местные жители, так и британские путешественники, также получавшие знания в ходе своих поездок от местных, вел к «смещению» Турана уже в само междуречье, известное ранее как «историческая Согдиана», или Мавераннахр. Эти изменения имели принципиальное значение для образа региона в глазах британского политикума, так как были непосредственно связаны с восприятием этнополитической картины, а в практическом плане — с разграничением Центральной Азии с ее южным трансграничьем в лице Афганистана и Персии.

Говоря в целом о политико-географическом образе Афганистана в британском общественно-политическом дискурсе, вполне справедливым можно считать утверждение о том, что «хотя для британцев и других западных иностранцев еще до 1880 г. страна была известна как “Афганистан”, ее собственные жители традиционно никогда не называли ее таковой. Вместо этого широко использовались многие другие термины: северная половина обычно называлась “Хорасан” или “Забулистан”, а также «Туркестан», тогда как южная часть определялась как “Кабул” или “Кабулистан”. В Афганистане термин “афганец” всегда конкретно отождествлялся с пуштунами и пуштунским доминированием. Использование термина “Афганистан” произошло достаточно естественно, потому что британские авторы XIX-го в. приближались к стране с юга, где, конечно, были заселены пуштунские племена, и пуштунские правители также доминировали в политическом отношении»²⁹.

К числу первых определений центрально-азиатского политико-географического пространства, граничившего со стратегически значимыми для британских позиций в Индии Афганистаном и Персией, было появление в конце 30-х годов XIX в. нового картографического материала, публично распространявшегося в виде карт политической географии. Одновременно проявилось влияние германской географической и картографической традиции на британские представ-

²⁹ Nyman 2002: 301.

ления о Центральной Азии и ее южном трансграничье, что было особенно заметно в конце 30-х – начале 40-х годов XIX в., то есть с момента военно-политической активизации Британии на афгано-центрально-азиатском направлении, когда интерес к этим политико-географическим пространствам имел практическое значение. Одним из видимых проявлений попыток систематизации политико-географических и этно-культурных реалий стало условное выделение этно-географических массивов как основы для последующей иерархизации географических, исторических и государственных пространств, примером чего стала попытка идентификации центрально-азиатского региона в широком смысле и обращение к геопропространственной и этно-политической концепции Турана, в который включались северная часть Хорасана и Туркестан с государствами Бухара, Хива и Коканд, «киргизами» (то есть казахами) северной части этого пространства и отдельно выделяемым обширным ареалом обитания туркмен. Иран включал Персию, Афганистан, большую часть исторического Хорасана и Белуджистан (Илл. 3)³⁰.

Одна из первых наиболее подробных карт, основанная на данных британских военных, путешествовавших с целью получения информации о географии, этническом составе населения и политической ситуации в Персии, Афганистане и Центральной Азии, относится к 1838 году. Она была опубликована Обществом распространения полезных знаний и фактически отражала распространившиеся к этому времени в британском политикуме представления о геопропространстве соседних с британской Индией стран. В соответствии с ней, государственно-политическая территория «Кабул» охватывала географическую территорию Афганистан; Персия, в свою очередь, включала историко-географическую область Хорасан; на севере указывалась государственно-политическое пространство Бухары, включавшей географическую территорию Бадахшана, а на юге определялось пространство Белуджистана. Примечательной в этом контексте было само

³⁰ Stülpnagel 1843.

Илл. 3

Карта «Иран и Туран» 1843 г.

название карты — «Бухара, Кабул, Белуджистан» (Илл. 4)³¹, — подчеркивавшее значимость именно этих геопространств в британском видении политической географии данной части Азии.

Илл. 4

Карта «Бухара, Кабул, Белуджистан» 1838 г.

Усиление военно-политического вектора в британской индийской политике, обусловленное обстоятельствами расширявшейся Большой игры, влияло соответственным образом на формирование более детального образа Центральной Азии и ее южного трансграничья в представлениях британского политикума, представители которого принадлежали как к числу военной и гражданской администрации Индии, так и к политическим кругам собственно метрополии. Картографический материал стал, с одной стороны, отражением

³¹ «Bokhara, Cabool, Beloochistan &c.» 1838.

как политико-географических реалий, так и складывавшейся культурно-исторической традиции в среде составителей из числа первых, а с другой, сам выступал в роли основы формирования взглядов на Центральную Азию и ее южное трансграничье в более широком смысле в британских общественно-политических кругах. Главными особенностями в данной связи выступали «афганоцентричность», что обуславливалось объективно существовавшим внешнеполитическим запросом с точки зрения обеспечения безопасности граничившей с этим регионом британской Индии, и «историцизм» восприятия геопространств в виду усиления античной и ориенталисткой «увлеченности», проявлявшейся в высших слоях британского общества, включая его политический класс.

В британской традиции использование для обозначения Афганистана как страны топонима «Кабул» и производного от него политонима «Королевство Кабул» (*Kingdom of Cabul*) продолжалось вплоть до 60-х годов XIX в., когда началось их постепенное вытеснение политонимом и топонимом «Афганистан», служившим для обозначения более широкого географического и политического пространства, чем Кабулистан. В 70-е годы XIX в. политоним «Афганистан» и топоним «Кабулистан» сосуществовали в британской общественно-политической практике, когда при описании ситуации в стране одновременно использовалось понятие «народ Афганистана» и «Кабулистан», при этом в последнем случае подчеркивался географический характер термина, который стоял в ряду перечислений с «холмами Пенджаба»³². Однако даже позже, о чем свидетельствовали публикации британской прессы в середине 80-х годов XIX в., этот термин продолжал использоваться, в частности, при обсуждении границ Афганистана говорилось о «целостности Кабулистана» (*integrity of Cabulistan*)³³.

Во второй половине 60-х годов XIX в. в условиях так называемого «повторного открытия центрально-азиатского

³² The People of Afghanistan 1878: 2.

³³ Norwich Mercury 1885: 4.

вопроса», связанного с продвижением Российской империи в Центральной Азии и стремлением Великобритании в целях обеспечения своих индийских владений создать «буферную зону» из Персии и Афганистана, активную роль в формулировании образа региона играли представители академического сообщества. При этом во влиявшей на общественное мнение и политические круги британской прессе особо отмечалось, что «сложность центрально-азиатского вопроса, с которой ... пришлось столкнуться лорду Мейо³⁴ уже по его прибытию в Индию, состоит в крайней неясности его условий»³⁵.

Получавшие распространение в научно-просветительских изданиях концепции центрально-азиатского пространства имели значение, с одной стороны, как свидетельство существовавших в академических кругах взглядах на регион, так и, с другой стороны, как влияние на формирование его образа на публичном уровне, включая общественно-политические круги. Это достаточно хорошо было продемонстрировано в популярном и влиятельном журнале «Лондонское ежеквартальное обозрение» (*The London Quarterly Review*), печатавшем рецензии на издававшиеся в Британии книги по широкому кругу научных дисциплин. В его октябрьском номере в 1866 г. появилась рецензия-обзор под названием «Центральная Азия», в которой рассматривалось несколько опубликованных книг по центрально-азиатской тематике и давался подробный разбор в целом исследований и описаний по этой проблеме, авторами которых были британцы. Примечательным в данном контексте было определение региона, помещенное в самом начале материала, когда заявлялось о том, что «“Центральная Азия” — это условное, а не строго географическое название», оно «не ограничивается той конкретной частью Азии, которая расположена в центре по широте и долготе. Оно скорее используется как удобное и общее обо-

³⁴ Ричард Саусуэлл Бурк, Граф Мейо (21.02.1822–8.02.1872) — вице-король и генерал-губернатор британской Индии (12.01.1869–8.02.1872).

³⁵ *Affgghanistan* 1869: 13.

значение для всей внутренней части континента и, таким образом, охватывает большую или меньшую территорию в зависимости от того, к какой области этнологии, физической географии или политическому распределению стран, входящих в его состав, относятся применяющие его писатели». Поэтому предлагалось рассматривать регион в политико-географическом контексте, то есть «под Центральной Азией следует понимать регионы, расположенные между Российской империей на севере и Британской империей. Индийская империя на юге, включая, возможно, часть персидской провинции Хорасан на западе и Китайский Туркестан на востоке»³⁶.

Более детальная стратификация образа центрально-азиатского пространства и его южного трансграничья в британском политикуме не могла определяться без учета «афганского фактора». Известный автор книг по географии и богослов Ф. Ч. Тренч, выступая в Королевском Институте объединенных служб 12 февраля 1873 г. с лекцией «Центрально-азиатский вопрос», обращаясь к географии этого региона и явно с учетом складывавшейся британской политико-географической и культурно-исторической традиции восприятия региона, так определял его составляющие: «Часть Центральной Азии, более непосредственно связанная с обсуждаемым вопросом, может быть разделена на три части. Из них южная часть — это Афганистан, юго-западная — собственно Туркестан, в который может быть включен русский Туркестан и три номинально независимых узбекских ханства — Хивинское, Бухарское и Кокандское». В то же время сам Туркестан, как отмечал Тренч, «в отличие от Восточного Туркестана, представляет собой огромную территорию. В общих чертах ее можно охарактеризовать как простирающуюся от Каспийского моря на западе до Восточного Туркестана или Китайской Татарии на востоке. Для его северной границы можно провести линию почти от южного берега озера Иссык-Куль, на запад по реке Чуй, а затем до острога Перовский, после чего границу проводят по Сыру вплоть до

³⁶ Central Asia 1866: 243.

Арала. Море; оттуда линия может быть продолжена на запад до Каспийского моря. Туркестан можно разделить на четыре части, а именно, три узбекских провинции Хива, Бухара и Коканд, и русский Туркестан»³⁷. В этом политико-географическом распределении автор лекции, что было примечательным, во-первых, использовал топоним «Афганистан» для обозначения географического и политического пространства государства, которое очень часто в британской традиции называлось Королевством Кабулистан, и, во-вторых, не выделял как отдельную часть Туркестана так называемый афганский Туркестан с его неформальной столицей в Мазари-Шарифе. Не менее симптоматичным было позиционирование Бадахшана и Вахана, которые в этой политико-географической картине Центральной Азии являлись «самыми северными окраинными зависимостями Афганистана — на самом деле они образуют северо-восточный угол региона, который обычно включается под этим названием, и граничат на севере с Кокандским ханством»³⁸.

К началу 70-х годов XIX в. тема осведомленности британской стороны в политических процессах и географии Центральной Азии и трансграничных с ней территорий была сформулирована в исключительно претенциозных выражениях одним из участников этих событий — генерал-майором Ф. Дж. Голдсмидом, занимавшим высокие должности в Ост-Индской компании, — в его лекции «О поездке между Гератом и Хивой», прочитанной в Королевском Институте объединенных служб 31 января 1875 года. Уже во вводной части выступления он заявил, «что Англия могла бы теперь предъявить миру проверенные и достоверные сведения о политической и физической географии ханств и Китайского Туркестана, как и о Персии, Афганистане и Белуджистане, больше, чем располагает любой народ в мире, не исключая Россию»³⁹. Само политико-географическое понятие «центрально-азиатский

³⁷ Trench 1873: 9.

³⁸ Trench 1873: 15.

³⁹ Goldsmid 1875: 2. Подробнее о позиции Ф. Голдсмида в вопросе обороны «южного» рубежа см.: Vrobst 1997.

регион» Голдсмит определял как «независимый Туркестан, или регион трех ханств — Кокандского, Бухарского и Хивинского»⁴⁰, а в культурно-историческом плане он обращал внимание на существование геопространства Хорасан, в связи с чем, вероятно, имея в виду его широкие границы в центрально-азиатском регионе, часть которого уже находилась под контролем Российской империи, заявлял о Мешхеде как о «столице русского Хорасана»⁴¹. Сложность в стратификации политико-географических реалий Центральной Азии при формировании системного восприятия региона в британской общественно-политической традиции вносила продолжавшая существовать политическая раздробленность тех его частей, которые для британской стороны в силу объективных причин военно-политического характера были более близкими, а именно — центральная и южная части, граничившие с Персией и Афганистаном. Там, помимо Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, существовал ряд полусамостоятельных образований — Шахрисябз, Китаб, Гиссар, Каратегин, Дарваз, Куляб.

Учитывая характер развивавшейся в первой половине 70-х годов XIX в. в Центральной Азии ситуации, характеризовавшейся усиливавшимся противостоянием Британии и России, процесс формулирования представлений о регионе и его южном трансграничьи в британских политических и военных кругах, а также в публичном общественно-политическом дискурсе, приобретал более системные черты, прежде всего, с точки зрения определения политико-географических и этно-географических позиций Афганистана, становившегося буфером между двумя империями. Все чаще появлявшиеся в публичном пространстве Британии публикации, посвященные центрально-азиатской тематике, прямо или косвенно касались главной темы — британо-российского соперничества в регионе и вероятного развития ситуации в контексте военно-политических и, разумеется, экономических интересов Британии. Так, в частности, в ставшей широко известной

⁴⁰ Goldsmid 1875: 1.

⁴¹ Goldsmid 1875: 3.

и популярной в общественно-политических кругах сразу после своей публикации в 1878 г. книге «Афганистан и центрально-азиатский вопрос» ее автор Ф. Фишер обращал особое внимание на то, что «собственно Афганистан (*Afghanistan Proper*) почти совпадает с древними провинциями Ария (Герат), Дрангиана (Систан), область Паропамисады (Кабул) и Арахозия (Кандагар), с Гандарити (Пешавар и земли юзуфзаев). Часть последнего округа теперь является британским округом Пешавар, а остальная часть независима»⁴².

Сочетание политической и исторической географии в образе Центральной Азии и ее южного трансграничья, учитывающая характер этого издания и его направленность, способствовало закреплению такого подхода и в публичном политическом пространстве, что естественным образом отражалось на представлениях политического класса. В этой конфигурации афганский Туркестан, выделявшийся автором, рассматривался как особое политико-географическое пространство, «простиравшееся до берегов Окса» и включавшее «в себя различные второстепенные ханства или государства Кундуз, Хулума, Балх с Акчей и Чахара, или “Четырех владений” Сарипуль, Шибрган, Андхуи [Андхой] и Майман, вместе с такими племенами как хазарейцы, которые живут к северу от Гиндукуша и в его продолжении в Кох-и-Баба»⁴³. Серьезные коррективы автор внес и в представления о политической географии Афганистана, когда отмечал, что «бесплодные горы, из которых состоит Бадахшан, едва ли можно назвать принадлежащими Афганистану чем-то иным, кроме как ненадежным сюзеренитетом или покровительством, поскольку нынешние князья получили эту территорию с помощью Шер Али от своего дяди, который стремился стать сувереном над бухарским правителем»⁴⁴.

Примечательной в данной связи становилась интерпретация политогенеза Афганистана, основанного на версии его культурно-исторического районирования и особенно в кон-

⁴² Fisher 1878: 2.

⁴³ Fisher 1878: 5–6.

⁴⁴ Fisher 1878: 6.

тексте соотношения геопространств Хорасана и Забулистана, когда во влиятельном британском периодическом специализированном издании «Военно-морская и военная газета и еженедельная хроника видов вооруженных сил» (*Naval & Military Gazette and Weekly Chronicle of the United Service*)⁴⁵, делалось утверждение о том, что «Кабул и Хорасан или Забулистан объединились в современное королевство Афганистан»⁴⁶. При этом, однако, как свидетельствуют публикации конца 70-х годов XIX в., то есть периода Второй англо-афганской войны (1878–1880 гг.), в британской прессе, в политико-географическом образе афганского государства особо отмечалось, что «страна разделена на пять округов, во главе которых стоит Кабулистан. В самом Кабуле расположены районы Джеллабад, Кабул, Газни и Куррам»⁴⁷. С точки зрения значимости южного трансграничья для Центральной Азии в представлениях британского политикума вопрос определения собственно афганского геопространства являлся одним из центральных, поэтому обращение к этой теме в публичной сфере и особенно в британской печати, игравшей важную роль в общественно-политической жизни страны, являлось показательным. В появившейся в конце сентября 1878 г., то есть накануне начавшейся в ноябре Второй англо-афганской войны, в общенациональной газете «Дейли телеграф» (*The Daily Telegraph*) статье «Кабул и его народ», отмечалось, что «“Кабул” на наших атласах, в прессе и в повседневных разговорах сегодня включает в себя не только место, правильно обозначенное этим названием, но и всю провинцию Хорасан или Забулистан, которая на севере простирается до гор Хазары [Хазарджат, Среднеафганские горы] и Гор [провинция], а на юге до Белуджистана, с хребтом Сулеймана (так называемая западная «граница» Британской Индии) на востоке от него и Персией на западе. Эти два района, собственно Кабул и Хорезм (в тексте газетной публикации весьма характерная и примечательная ошибка, в действи-

⁴⁵ Подробнее об издании: Brake, Demoor 2009: 646.

⁴⁶ *Naval & Military Gazette* 1879: 3.

⁴⁷ *Proposed Anglo-Indian advance* 1879: 2.

тельности речь идет о Хорасане. — *Ар. У*), составляют современное королевство Афганистана, правителем которого теперь является Шор Али Хан»⁴⁸. Аналогичный образ этой страны воспроизводился в публикации *Naval & Military Gazette and Weekly Chronicle of the United Service* в начале 1879 г., когда отмечалось, что «Кабул и Хорасан или Забулистан объединились в современное королевство Афганистан»⁴⁹.

Военно-политическая конфронтация в виде англо-афганских войн, продвижения Российской империи к северо-восточной части Ирана и северной части Афганистана, а также предпринимавшиеся британской стороной шаги, направленные на обеспечение безопасности индийских владений, способствовали более углубленному изучению региона Центральной Азии и ее южного трансграничья британскими военными и гражданскими чиновниками, а также усилению интереса академического сообщества к широко понимаемому «центрально-азиатскому вопросу». Политико-географический образ региона и его южного трансграничья в 80-х годах XIX в. проходит процесс «доформулирования» в среде британского политикума с учетом конкретной необходимости обеспечения политических, военных и экономических интересов Британской империи. Частью этого процесса становится политика делимитации государственных границ существующих государств и подготовка условий для разграничения сфер влияния. Данные действия требовали новых знаний как географического и политического характера, так и этноисторического «наследия». В условиях русско-британского противостояния в Центральной Азии политико-географический образ Афганистана, являвшегося южным трансграничем региона, в среде британского политикума консолидировался с точки зрения рассмотрения этого государства как единого целого, что в середине 80-х годов XIX в. нашло свое отражение в парламентских запросах представителей политических кругов к правительству в период подготавливавшегося разграничения между русскими владениями в Центральной Азии и Аф-

⁴⁸ Cabul 1878.

⁴⁹ The Afghans 1879: 3–4.

ганистаном относительно его намерений «сохранить абсолютную целостность афганской территории от российской оккупации и влияния»⁵⁰. Одновременно и сам образ Центральной Азии приобретал в британском политикуме и общественно-политическом дискурсе, развернувшемся в британской прессе по вопросу внешней политики в регионе, более завершённые и явно политические формы. Практически все пространство к северо-востоку от границ Персии и северу от границ Афганистана, находившееся под контролем Российской империи, называлось Центральной Азией, внутри которой выделялось уже утратившее свой этнополитический и историзированный характер административно-политическое пространство «русского Туркестана». Особенность традиции формирования в британских общественно-политических кругах образа Центральной Азии и ее южного трансграничья на протяжении XIX в., пройдя долгий путь от доминирования «классического» историзированного ориентализма через диверсификацию геоисторических пространств, складывавшихся в политико-географическую картину региона, сочетавшую так называемые многослойные черты (историко-географические, культурно-исторические, этногеографические и политико-географические), в конечном счете «стандартизировалась» в виде прагматичной политико-географической реальности, обусловленной исключительно военно-политическими интересами обеспечения безопасности британской Индии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Affgghanistan 1869 — Affgghanistan // *Naval & Military Gazette and Weekly Chronicle of the United Service*. Saturday 20 February 1869. P. 13.
- Appendix No. II 1829 — Appendix No. II. *Oriental Translation Fund // Transactions of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1829. Vol. 2. No. 1. P. XX–XL.

⁵⁰ House of Commons 1885: 1048.

- Brake, Demoor 2009 — *Brake L., Demoor M.* Dictionary of Nineteenth-century Journalism in Great Britain and Ireland. London, 2009.
- Brobst 1997 — *Brobst P.* Sir Frederic Goldsmid and the containment of Persia, 1863–73 // *Middle Eastern Studies*. 1997. Vol. 33/2. P. 197–215.
- Cabul 1878 — Cabul and its people // *The Daily Telegraph*, 26 September 1878.
- Central Asia 1866 — Central Asia // *The London Quarterly Review*. 1866. Vol. CCXL. P. 243–265.
- Elphinstone 1815 — *Elphinstone M.* An Account of the Kingdom of Caubul, and its Dependencies in Persia, Tartary, and India. London, 1815.
- Fisher 1878 — *Fisher F.* Afghanistan and the Central Asian question. London, 1878.
- Goldsmid 1875 — *Goldsmid F.J.* On journeys between Herat and Khiva: lecture, Friday, January 31, 1875 // *The Journal of Royal United Services Institution*. 1875. Vol. 19. Issue 80. P. 1–21.
- House of Commons 1885 — House of Commons. Central Asia-Afghanistan. 23 February 1885 // *Hansard's Parliamentary Debates, Third Series, Commencing with the Accession of William IV, 48° Victoriae, 1884-5, Vol. CCXCIV*. Comprising the period from the Eighteenth day of November, 1884 to the Third day of March, 1885. Second volume of the session 1884-5. London, 1885.
- Hyman 2002 — *Hyman A.* Nationalism in Afghanistan // *International Journal of Middle East Studies*. 2002. Vol. 34. No. 2. P. 299–315.
- Landmann 1835 — *Landmann G.* A universal Gazetteer; or geographical dictionary of the World. Founded on the works of Brookes and Walker, etc. London, 1835.
- Malcolm 1815 — *Malcolm J.* The History of Persia, from the Most Early Period to the Present Time: Containing an Account of the Religion, Government, Usages, and Character of the Inhabitants of that Kingdom. [With Plates, Including Portraits and a Map. London, 1815. Vol. 1.
- Mead 1994 — *Mead C.* The maps of the Society for the diffusion of useful knowledge: A publishing history // *Imago Mundi. The International Journal for the History of Cartography*. 1994. Vol. 46/1. P. 151–167.
- Narrative of the Travels 1846 — Narrative of the Travels of Haji Muhammed Hussein Khan, Prince of Marv, written in 1818, Translated from the original, which the Prince wrote at the request of Sir

- Gore Ouseley // Biographical Notices Of Persian Poets; With Critical And Explanatory Remarks. To Which Is Prefixed A Memoir Of The Late Right Hon. Sir Gore Ouseley, Bart., Sometime Ambassador Extraordinary And Plenipotentiary At The Court Of Persia. By The Rev. James Reynolds. By Ouseley, Sir Gore. Printed for the Oriental Translation Fund. London, 1846.
- Naval & Military Gazette 1879 — Naval & Military Gazette and Weekly Chronicle of the United Service, 29 January 1879.
- Norwich Mercury 1885 — Norwich Mercury. 08 August 1885.
- Proposed Anglo-Indian advance 1879 — Proposed Anglo-Indian advance on Heart // South Wales Daily News 1879 — South Wales Daily News, Tuesday 07 October 1879.
- Richardson 1806 — *Richardson J.* A Dictionary, English, Persian, and Arabic: with a dissertation on the languages, literature, and manners of Eastern nations. London, 1806. Vol. 1.
- Schwab 1984 — *Schwab R.* Oriental renaissance: Europe's rediscovery of India and the East, 1680–1880 / Translated by Gene Patterson-Black and Victor Reinking. New York, 1984.
- The Afghans 1879 — The Afghans // Naval & Military Gazette and Weekly Chronicle of the United Service, 29 January 1879. P. 3–4.
- The People of Afghanistan 1878 — The People of Afghanistan // Leeds Mercury, 04 October 1878.
- Trench 1873 — *Trench Ch.* The Central Asian question: lecture, Wednesday, February 12th, 1873. A Lecture delivered at the Royal United Service Institution. London, 1879.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- «Asia» from The General Gazetteer 1808 — «Asia» from The General Gazetteer; or Compendious Geographical Dictionary by R. Brookes. Eighth Edition. Dublin, 1808. — Электронный ресурс [режим доступа: https://maps.lib.utexas.edu/maps/historical/asia_1808.jpg, дата обращения — 15.05.2022].
- «Bokhara, Cabool, Beloochistan &c.» 1838 — «Bokhara, Cabool, Beloochistan &c.» Published by the Society for the Diffusion of Useful Knowledge, London, 1838. — Электронный ресурс [режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/ef/1838_Cabool_detail_map_Bokhara%2C_Cabool%2C_Beloochistan_%26c.jpg, дата обращения — 15.05.2022].

Persia. Map by W. Darton Jr. 1811 — Persia. Map by W. Darton Jr., London, 1811 — Электронный ресурс [режим доступа: <http://vambery.mtak.hu/img/03-010.jpg>, дата обращения — 15.05.2022].

Stülpnagel 1843 — *Stülpnagel F.* Iran und Turan , Persien, Afghanistan, Biludschistan, Turkestan. Gotha, 1843 — Электронный ресурс [режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/0e/Iran_Turan_map_1843.jpg, дата обращения — 15.05.2022].

Doré, Andréa. Cartografia da promessa. Potosi e o Brasil em um continente chamado Peruana. São Paulo: Intermeios, 2020. 240 p.

Работа бразильской исследовательницы Андреа Доре «Картография одного обещания: Бразилия и Потоси на континенте под названием Перуана» посвящена необычному ракурсу проблемы, относящейся сразу к нескольким тематическим областям: истории географии, картографии раннего Нового времени и истории представлений об окружающем пространстве (эволюцию этих представлений часто обозначают как «конструирование пространства» или даже его «изобретение»; такой процесс был нелинейным, растянутым по времени и весьма разнородным).

Автор избрал стержнем повествования эпизод, относящийся к 1545 году, произошедший в Новом Свете, но получивший поистине всемирный (в той степени, в которой это слово применимо к XVI столетию) резонанс: открытие и начало разработки испанцами богатейшего месторождения серебра в Потоси (современная Боливия, а на момент описываемых событий — вице-королевство Перу). Хотя горнорудное производство в Потоси поначалу было технически несовершенным, оно быстро развивалось, и хлынувший в Европу поток драгоценного металла произвёл сильнейшее впечатление на современников: и на самих счастливых обладателей рудников в Потоси испанцев, и на их ближайших соседей по Пиренейскому полуострову и соперников по колониальному разделу мира португальцев, и на те европейские нации, которые с опозданием включились в колониальную гонку — французов, голландцев, англичан и др. Казавшаяся поистине неистощимой «волшебная гора» Потоси для одних стала олицетворением богатств Нового Света, а для других — действенным стимулом еще энергичнее искать иные подобные

залежи. Так серебряные рудники Потоси (и шире Перу) стали восприниматься как характеристика всего континента по атрибуту одной из его частей; существует целый пласт географических карт конца XVI – начала XVII века, на которых вся Южная Америка фигурирует под названием «Перуана».

Эти две идеи и стали исходным посылом для автора. Фигурирующее в заголовке слово «обещание» можно понимать и как «посул», и как «мечту», и как «манящую перспективу», и как «несбывшуюся иллюзию»: так Андреа Доре обозначает отношение к открытию рудников Потоси в португальской Америке. Действительно, почти два столетия после открытия Бразилии португальцы безуспешно искали у себя залежи драгоценных металлов и камней, с досадой взирая на удачливых испанцев и пытаясь найти секрет их успеха, а в ожидании этого стараясь заменить вожаделенное серебро эксплуатацией имеющихся природных богатств: заготовкой красного дерева и производством сахара. Усилия португальцев принесли плоды лишь в конце XVII – первой трети XVIII в. с обнаружением в Бразилии месторождений золота и алмазов. Проанализированные автором рукописные карты португальского производства, где обозначена предполагавшаяся (но в тот момент неизвестная и в результате так и не открытая) горная гряда, будто бы соединявшая Потоси и Бразилию, переводят представления о манящих перспективах обогащения за счет горных приисков на язык картографии. Именно это становится для А. Доре общим знаменателем при исследовании разнородных и разномасштабных карт. Европейские (преимущественно нидерландские) карты, где фигурирует гора Потоси и встречается название «Перуана» (оно относится то ко всей Южной Америке, то лишь к западной ее части), представляют собой либо карты всего мира, либо карты целой части света (Нового Света). Эти синтетические по своему характеру карты создавались на основе самых разных данных теми картографами, которые не покидали своих стран, но при этом щедро уснащали свои произведения текстами, изображениями, декоративными элементами, выбор которых нес важную смысловую нагрузку. В дальнейшем многие приемы нидерландских картографов неоднократно

воспроизводились, полностью или частично, в многочисленных допечатках и переизданиях карт за пределами собственно Республики Соединенных Провинций, что позволяет говорить о возникновении определенных стереотипов. В свою очередь, карты португальского производства оставались рукописными, а не печатными (что исключало их широкое хождение) и предназначались в первую очередь для монархов из династии Габсбургов, наглядно показывая им, чем богаты, сейчас или в будущем, их владения (в период с 1580 по 1640 годы Испания и Португалия были объединены в составе Иберийской унии, и при формально раздельном управлении колониями в Новом Свете многие решения относительно Бразилии принимались в Мадриде, а не в Лиссабоне). Характерным примером такого прагматического подхода к картам — своеобразной картографической «инвентаризации» имеющегося — служит название одного из произведений первой четверти XVII века: «Книга, которая обосновывает [состояние] Бразилии» (1612; автор текстов Диогу де Кампуш Морену, картограф Жоау Тейшейра Албернаш I).

Таким образом, при всем различии целей, методов и средств создания карт с изображением горы Потоси у португальских и неиберийских картографов общим остается то, что сведения о пространстве Нового Света представлены на языке географических карт. При этом важно отметить, что объектом анализа А. Доре являются визуальные формы представления определенной картографической идеи (включающие в себя, например, художественное и декоративное оформление карт), а не прикладные технические (математические, астрономические, топографические) аспекты.

Андреа Доре определяет замысел своего исследования как «[создание] биографии некоей идеи, имеющей отношение к территории Бразилии и повлиявшей как на способы освоения и описания Южной Америки, так и на проекты европейцев в первые два века колонизации [Нового Света]» (с. 17; здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте). Автор отталкивается от положений современных историков об «изобретении» Америки уже после ее физиче-

ского открытия и о цепи в первую очередь мыслительных операций по укладыванию в те или иные рамки огромного потока сведений, хлынувших в Европу после начала Великих географических открытий. Именно усвоение самых разных, зачастую противоречивых данных через создание тех или иных объяснительных моделей и сделало возможными умозрительное постижение Америки и выработку языка, который описывал бы совокупность непохожих друг на друга единиц как некоторую общность. Андреа Доре подчеркивает, что взгляд на Южную Америку как на одно большое Перу или потенциальное Перу (выразившийся в обозначении всего континента как «Перуана») оказался тупиковым и не получил дальнейшего развития, однако и не ставшие мейнстримом явления тоже заслуживают интереса, поскольку показывают движение мысли и напоминают, что устоявшиеся на протяжении столетий представления на старте не всегда были такими, какими мы их знаем сегодня.

Первые три главы исследования А. Доре посвящены рассмотрению различных форм, в которых проявилось представление о центральной и смыслообразующей роли Перу в описании Южной Америки. Автор напоминает о сосуществовании в течение десятилетий альтернативных форм наименования Нового Света (при том, что первое использование привычного термина «Америка» относится уже к 1507 г.): «Новый Мир» (*Mundus Novus*, вслед за одноименным письмом Америго Веспуччи); «Индии» (вслед за Колумбом, с возможным в одних европейских языках, но не обязательным в других подразделением на Западные и Восточные); «Четвёртая часть [света]», а также комбинации этих элементов в различных сочетаниях (автор приводит пример объяснения французского картографа Пьера д'Авити в 1637 г., согласно которым «некоторые называют этот край Новым Светом, или же Западными Индиями, а то и сокращённо на голландский манер Вест-Индией, чтобы отличить его от Восточных Индий или Ост-Индии, но все же большинство называют этот новый край Америкой» (с. 41). По отношению к северной, центральной и южной части Южной Америки использовались также такие обозначения, как «Мексикана», «Перуа-

на» и «Магелланика» (в первых двух случаях женский род отсылает как к более общему понятию «Америка», по отношению к которому эти обозначения являются определениями и согласуются в роде, так и к традиции обозначать части света сами по себе именно в женском роде). Наибольшую наглядность своеобразное трио «Мексикана — Перуана — Магелланика» получило на картах нидерландских картографов XVII в., поскольку данные топонимы зачастую «дублировались» соответствующими аллегорическими изображениями или «портретами типичных обитателей» этих регионов по краям карты. Однако А. Доре указывает на существование достаточно ранней традиции обозначения всей Южной Америки в качестве «Перу» в испанских картах (рукописная карта мира П. де Медины, 1550; карта из первого издания «Общей истории Индий» Ф. Лопеса де Гомары, 1552; карта мира из «Атласа Хуана Риско», 1580; карта мира А. Гарсии де Сеспедеса, 1606 и др.). А. Доре приводит примеры некоторых итальянских карт (некоторые из них, как, в частности, произведения Дж. Гастальди из сборника географических текстов Дж.-Б. Рамузио, получили всеевропейскую известность), а также описывает способ наименования всей Южной Америки (или даже всего Нового Света) как «Перу» не через размещение соответствующего топонима *внутри* контура континента, а в заглавии карты: «Перу» Дж. Л. д'Ананьи (1573), «Описание всего Перу» П. ди Форлани (1564), «Новое очертание Перуанской Америки согласно последним открытиям» Г. де Йоде (1578), «Перувия, или южная часть Новой Земли» М. Квада (1598).

Отмечая новый импульс, который данная традиция получила в 1590-х гг. с публикацией двух карт голландца Питера Планция (в одной из них «Перуанской» названа не только Америка, но и акватория Тихого океана), А. Доре рассуждает о различном характере географической информации, вырабатываемой и затем транслируемой с одной стороны космографами, а с другой стороны — непосредственно мореплавателями, а также о том, к какой именно сфере относились изображения разграничительных знаков на картах, а также по большей части безуспешные попытки испанской короны

сохранить в секрете маршруты плаваний (с. 60–61). Отталкиваясь от двух карт Планция и рассуждая о сосуществовании в рамках одной лишь отдельно взятой нидерландской картографии двух традиций обозначения Южной Америки — *America Meridionalis* / *America Peruviana* — автор указывает на различия в логике образования этих названий: первое исходит из естественного разграничения двух континентов Панамским перешейком на северную и южную части, второе подчёркивает исторический характер европейского проникновения в этот регион, поскольку названия даны в память европейского же мореплавателя (проекция прошлого) и в честь наиболее привлекательной — опять же, для европейцев — в плане природных богатств части материка (проекция будущего; с. 66–68). Попутно автор выдвигает (и тут же сама опровергает) предположение, что Планций мог заимствовать традицию наименования всего континента через Перу у испанцев: с одной стороны, существуют сведения о доступе Планция к испанским картам Бартоломео Лассо, с другой стороны, в свете отдельных обстоятельств биографии Планция и, в частности, бегства его из испанских Нидерландов перед лицом усиливающейся власти Габсбургов, желание следовать испанской традиции представляется маловероятным (с. 63, 68).

Другим способом описать Южную Америку через представление ее самой главной — в глазах картографа — «визитной карточки» является размещение на карте изображения горы Потоси. Чтобы показать истоки некоторых связанных с этим повторяющихся мотивов, во второй главе А. Доре анализирует траекторию движения текстовой и изобразительной информации о горе Потоси от известия о ней в «Первой части хроники завоевания Перу» (П. Сьеса де Леон, 1554) через «Естественную и моральную историю Индий» (Х. де Акоста, 1590) к «Большим путешествиям» (Т. де Бри, начало публикации этого продолжающегося издания — с 1590 г.). К таким получившим значительное распространение сведениям восходит большинство тиражируемых на картах атрибутов горы (форма в виде сахарной головы, упоминаемая Акостой; часовня с крестом или один лишь крест

на самой вершине — согласно Съеса де Леону и т.п.). Автор исследует также малоизвестные свидетельства о внешнем виде горы и устройстве горнорудного производства в ее окрестностях, разбирая описания члена ордена иеронимитов Диего де Оканья, странствовавшего по Новому Свету с 1599 по 1605 гг., и трактат другого члена монашеского братства, Мартина де Муруа, «Об имперском поселении Потоси¹ и о его богатствах» (1590). Рисунки в этом последнем произведении принадлежат еще автору — Фелипе Гуаману Поме де Айале, уроженцу Перу, оставившему собственный монументальный труд «Новая хроника и доброе правление» (1615 г.). С иконографической точки зрения данная работа интересна тем, что «запустила в обращение» эмблему, соединившую в себе несколько геральдических элементов: фрагменты герба Габсбургов, императорскую корону, Геркулесовы столпы (эмблему императора Карла V), изображение горы с часовней и подпись «Я подпираю / укрепляю эти столпы»; следы этой эмблемы автор прослеживает до первой четверти XVIII в. (с. 87–93).

В третьей главе А. Доре обращается к иконографическим приемам, обыгрывающим название «Перуана» для всей Америки или ее части на примере преимущественно нидерландских произведений. Разбирая уже отмеченную в первой главе карту Планция «Перуанская Америка» (1594), автор останавливается на аллегорических изображениях отдельных частей — уже упоминавшихся выше «Мексиканы», «Перуаны» и «Магелланики» — в нижней части карты и показывает, насколько это было нехарактерно для традиции, идущей еще с атласа Ортелия (1570), где Америка как часть света олицетворялась одной-единственной фигурой. При этом буквально через два года после публикации новая версия карты Планция, подготовленная для издания путешествия Я. Г. ван Линсхотена (1596) снова объединила практически все элементы, «разнесенные» по трем фигурам, в одной

¹ Ввиду исключительной стратегической важности серебряных рудников Потоси появившееся у подножия горы поселение очень быстро получило особый административный статус «имперского поселения» (*vila imperial*) в рамках вице-королевства Перу.

(с. 101–104). На примере настенной карты мира В. Блау (1608) исследуется другой мотив: изображение уже не аллегорий «Мексиканы», «Перуаны» и «Магелланики», а портретов жителей этих регионов в отдельных «кадрах» декоративной каймы по бокам или по нижней стороне карты, вкупе с изображениями в медальонах шести американских портов и поселений (среди них фигурирует и Потоси). Портреты жителей и медальоны с видами городов (в разном составе, но без изменения собственно изображений) в дальнейшем появляются у П. ван ден Кеере (1614), Й. Хондия (1618), И. Янсона (1623), Дж. Спида (1626) и А.-Ю. Жайо (1669). Третий прием визуального представления Перуаны — несколько переизданий карты Корнелиса Класа «Гидрографический и наиболее новый контур Западной Индии, королевства Конго, Анголы и т.д.» (1665). Карта необычна тем, какой значительный процент ее площади занимает текстовая информация, а также тем, что вместо множества мелких изобразительных элементов, рассыпанных по всей поверхности, картограф предпочел разместить внутри контуров континентов всего несколько рисунков, но крупного масштаба. А. Доре характеризует подобную структуру произведения как «карту-космографию» и рассуждает на её примере о совмещении в рамках одного листа нескольких масштабов и проекций — как пространственных, так и временных. Тот факт, что внутри контура Южной Америки, названной Перуаной, всю центральную часть занимает многофигурная сцена торжественного въезда последнего императора инков Атауальпы в Кахамарку, где в дальнейшем его возьмет в плен Франсиско Писарро, а ниже (опять же внутри контура континента) в отдельном кадре изображена гора Потоси, дает автору основание развить тезис о соотношении географии и истории в восприятии людей раннего Нового времени и подчеркнуть специфику проецирования исторического события на географическую по своей сути конструкцию (с. 117–120). Наконец, еще один способ представления «Перуаны» изобразительными средствами рассматривается автором на примере произведения голландского издателя, известного под латинизированным именем Арнольдуса Монтануса, «Америка,

или тщательное описание Нового Света» (1671); третья часть носит название «Описание Перуаны, или же Южной Америки». Здесь обращает на себя внимание способ работы нидерландского картографа с изображением горы Потоси, восходящим к Съеса де Леону. К основе изображения добавляются вымышленные детали, физически невозможные в настоящей Потоси, и именно поэтому демонстрирующие ход мысли художника: художник поместил на передний план пальму, поскольку счел ее типичной для Южной Америки вообще, хотя пальма не растет в горах; он изобразил ветряную мельницу, которая не использовалась на производстве, в отличие от мельниц водяных, однако само упоминание о мельницах немедленно вызвало у голландца подобную аберрацию сознания. А. Доре приводит примеры того, как пальма и мельница начинают кочевать по другим картам конца XVII – первой половины XVIII в., то появляясь на отдельных «портретах» горы Потоси, то встраиваясь в череду декоративных элементов при картуше, содержащем заглавие карты (с. 127–132).

Второй раздел рассматриваемой монографии Андреа Доре, также состоящий из трех глав, посвящен тому, как на открытие серебряных рудников Потоси отреагировали и жители, и администраторы португальской Америки до, во время и после Иберийской унии. Автор подчеркивает, что при взгляде из Старого Света на Южную Америку не так уж важно, что драгоценный металл не обнаружен на востоке континента; одного факта того, что несметные богатства есть на западе, уже достаточно для, фигурально выражаясь, знака равенства между Потоси, Перу и всей Южной Америкой. Однако непосредственно в португальской Америке вопрос был отнюдь не праздным, и для тех, кто без устали искал месторождения в своих владениях, был гораздо более свойственен «пешеходный реализм» в картографии, нежели аллегории, метафоры и другие отвлечённые по своей сути средства выражения (это основная идея четвёртой главы). А. Доре прослеживает, на каких именно картах португальского производства фигурирует гора Потоси и спорит с мнением о том, что эти упоминания связаны с нахождением Португалии в

составе Иберийской унии (будто бы португальцы подчёркивали важность сокровищ Потоси именно для того, чтобы польстить испанской короне). Автор, напротив, связывает эти упоминания с другой тенденцией, отчётливо прослеживаемой в сочинениях о Бразилии конца XVI–XVII вв.: с неустанной надеждой на то, что подобные рудники вот-вот будут обнаружены и в португальской Америке — надеждой, которая, подобно линии горизонта, все время была на виду, но оставалась недостижимой.

В пятой главе рассматриваются конкретные проявления этой так и не сбывшейся в XVI–XVII вв. надежды: рассуждения авторов XVI в. о природе металлов и о необходимых для формирования месторождений условиях (с. 168–172); попытки спрогнозировать, в каких районах вероятнее всего обнаружить залежи (с. 173–176); на картографическом уровне — подписи внутри контура Бразилии с указанием на месторождения изумрудов (на территории Перу при этом подписи заявляют о рудниках с золотом; с 166, 188) и — ключевой для всей книги пример — изображение горной гряды, одним концом упирающейся в «Перу», а другим концом «заходящей» на территорию Бразилии. Как уже отмечалось выше, по мнению автора это свидетельствует о картографическом воплощении идеи о связанности земель на западе и на востоке континента, что позволяло предполагать собственную бразильскую Потоси (с. 176–179). В дальнейшем идея связанности земель и определения Бразилии через Перу (антитеза Перу или возможное Перу) получила различное наполнение у разных действующих лиц: испанские администраторы заявляли о важности Бразилии как атлантического тыла Перу или о возможности вывозить серебро с рудников Потоси именно через Бразилию, а не через тихоокеанское побережье, пока море наводнено корсарами (с.182–185); в это же время предприимчивые колонисты из португальской Америки и примкнувшие к ним иностранные авантюристы продумывали пути проникновения в Потоси через Бразилию и Рио-де-Ла-Плату ради наполнения серебром уже не королевских сундуков, а собственных карманов.

Некоторым подобным инициативам таких португальских деятелей посвящена заключительная шестая глава. Даже не будучи напрямую связанной с картографией, она представляет значительный интерес, показывая взаимоотношения испанцев и португальцев в контактной зоне в ином, непривычном ракурсе. Если в общей истории Великих географических открытий и колонизации Южной Америки Испанию и Португалию обычно числят в одном лагере, противопоставляя обеим пиренейским державам Францию, Англию и Нидерланды, то при взгляде, сфокусированном именно на взаимоотношениях испанцев и португальцев в самой Южной Америке, оказывается, что конфликтов и противоречий между ними оказывалось едва ли не больше, чем сходства, вплоть до того, что даже во времена Иберийской унии португалец в испанской Америке мог восприниматься хуже, чем иностранец (с. 203), не иметь права передвижения по испанским владениям (с. 190) и даже заслужить обвинение в том, что именно его соотечественники (португальцы) сговорились с голландцами и те захватили часть северо-востока Бразилии (с. 199, 204-205, 207). С португальской стороны этому противопоставлялись вылазки в испанскую Америку, организация контрабанды мануфактурных товаров и рабов; наживавшихся на этом дельцов даже стали называть *peruleiro* (в приблизительном переводе «перуанщики» — те, кто обогащается в Перу или за счет Перу; неожиданной аналогией здесь может стать прозвище «питерщики» у тех крестьян Костромской губернии, которые специализировались на отхожих промыслах в Петербурге²).

² Подобная аналогия, возможно, будет интересна для российского читателя еще и тем, что при всем различии русского и португальского языков использование суффикса *-щик* (в русском) и *-eiro* (в португальском) активно используется для обозначения ремесленников / рабочих разных специальностей (ср. *краснодеревщик*, *корзинщик*, *подметальщик*; *sapateiro* [сапожник], *padeiro* [булочник], *pedreiro* [каменщик]). В этом отношении даже исторически закрепившееся за жителями Бразилии определение *brasileiro* — это отсылка к промыслам по заготовке ценного красного дерева пау бразил, основного природного богатства страны на импорт в первый век европейской колонизации,

Даже неполное перечисление затронутых в исследовании А. Доре сюжетов показывает многообразие форм, в которых отразилось не сохранившееся в дальнейшем определение Южной Америки и Бразилии через Перу. Монография богато иллюстрирована; приведены как общие виды карт целиком, так и их фрагменты с анализируемыми деталями, что позволяет автору тщательно сохранять нить рассуждения, не утяжеляя его словесными описаниями изображений. Большинство репродукций происходит из библиотеки Джона Картера (США) с его богатейшей коллекцией карт европейского производства; А. Доре сама объясняет, что принятая ею работа стала результатом исследовательской стажировки в этой библиотеке. Впрочем — отметим уже от себя — и для тех, кому не посчастливилось встретиться с собранными воедино подлинными оригинальными картами в их материальном воплощении, путь кросс-картографического анализа не заказан благодаря масштабной оцифровке картографических коллекций крупнейших мировых библиотек и архивов и доступу к ним через Интернет.

Тот же принцип работы со значительным объёмом информации, способным незаметно увести автора с намеченного им самим пути (если он сам не осознает подобных рисков) А. Доре демонстрирует в отношении историографии. Историческая география раннего Нового времени, история картографии в первые два века после Великих географических открытий, исторически сложившиеся массивы (корпусы) карт в тех или иных европейских странах, уже упоминавшаяся выше концепция «изобретения Америки уже после ее открытия» — все эти вопросы породили огромную библиографию, с которой автор умело работает, подчиняя ее своим целям и не становясь ее заложницей. Особенно наглядно это проявляется в исследовании микросюжетов, где многочисленные отсылки к соответствующим специальным работам (биографии отдельных картографов, художников и граверов, история печатного дела, появление и дальнейшее

то есть наименование жителя страны не по месту происхождения, а по занятию / ремеслу.

бытование того или иного визуального мотива на карте, монографическое исследование отдельной карты) позволяют автору не утонуть самому и не утопить читателя в безбрежном море «потенциально имеющей отношение к делу» информации. Проработанный автором и представленный читателю срез современной историографии по вопросу — несомненно, одно из важных достоинств рассматриваемой монографии.

Сам по себе ракурс и угол зрения, под которым автор предлагает рассмотреть интересующую его проблему, оригинален и весьма плодотворен. Нельзя не согласиться с тем, что исследование побочных тенденций, течений и направлений, не ставших мейнстримом, очень интересно именно в плане изучения движения мысли, наподобие того, как изучение черновиков и отброшенных вариантов художественного произведения обогащает восприятие канонической его версии. Одновременно с этим — коль скоро речь идет о стихийно складывающемся *коллективном* способе представления (в данном случае нового континента) всегда нелишним является напоминание о том, что на старте потенциал был у многих вариантов, а закрепились с годами лишь некоторые, и их историческая победа не была очевидна в самом начале. Однако автор обозначает свою цель как воссоздание «*биографии идеи*», что подразумевает некое движение из точки А в точку Б (пусть даже с промежуточными отклонениями, кружением на месте или возвращением назад). В случае же с названием всего континента Перуаной и возвеличиванием значения Потоси, как представляется по итогам прочтения работы А. Доре, более точным определением было бы «изучение *форм бытования / проявления идеи*», без специальной привязки к скольжению по шкале времени, что предполагает термин «биография». В самом деле, если начальную точку движения ещё возможно определить (до открытия серебряных рудников Потоси никто не уделял ни ей, ни Перу специального внимания), то дальнейшая траектория абсолютно не линейна: один и тот же нидерландский картограф примерно в одно и то же время мог назвать континент и

Америкой, и Перуаной (случай Питера Планция³); одна и та же карта с названием Перуана может воспроизводиться несколько раз на протяжении столетия, но при этом контекст ее бытования в 1609, 1622 и 1665 гг. оказывается совершенно разным (карта-космография Класа-Колийна-де Йонге; с. 116-117); если речь идёт не об отдельной карте Нового Света или Южной Америки, а об атласе, то один и тот же картограф может использовать разные обозначения континента на картах разного масштаба в рамках одного и того же произведения, и тогда делать вывод о его особом мировоззрении и определении Америки именно через Перу, которое то проявляется, то не проявляется, весьма затруднительно. Сама А. Доре признаётся, что даже в случае с португальской картографией один и тот же картограф способен предъявить миру две взаимоисключающие картины (Ж. Тейшейра Албернаш I с его идеей естественной связи (посредством горной гряды) между Потоси и бразильскими землями, а затем с идеей естественной — на сей раз водной — границы между испанской и португальской Америками; с. 213).

Та же дилемма (идея проследить «биографию», то есть оперировать временным фактором, при этом оставаясь в рамках проблемного подхода) сохраняется и в том случае, когда автор приводит примеры из испанской и итальянской картографий (сами по себе очень интересные и полезные). Возможно, автор действительно не ставил перед собой цели проследить *трансфер* картографических идей в отношении Перуаны и *траекторию движения информации* из одной страны в другую, от одного картографического центра к другому, а сосредоточился на *формах* проявления представлений; в этом случае определение замысла работы как «биографии» нужно понимать как некую отсылку к ярким риторическим фигурам вроде «археологии познания».

³ Так, в работе А. Доре использован фрагмент большой составной настенной карты мира Планция 1594 г. с топонимом *Peruviana pars*, а в 1592–1594 гг. Планций (со значительной степенью вероятности) стал автором карт для другой обширной настенной карты мира, где континент обозначен уже как «Америка» (репродукция приведена в: Monumenta 2003. P. 108).

При этом исследование автора по меньшей мере несколько раз вплотную подводит к вопросам трансфера информации и сознательного отбора картографами материала для копирования (например, в вопросе о знакомстве Планция с испанскими картами благодаря связям с Бартоломео Лассо, с. 63; в изложении гипотезы о влиянии португальской традиции на картографию английского «Атласа Уильяма Хэка» 1683 г., с. 153; в констатации того факта, что из 120 иллюстраций атласа Арнольда Монтануса «бродячими сюжетами» стали всего три, с. 133). Впрочем, в вопросе реконструкции замысла картографа — коль скоро в художественном оформлении карты предлагается видеть отражение той или иной мировоззренческой установки, с. 112⁴ — одна лишь внутренняя критика источника и анализ его из него самого, без привлечения внешних данных, хоть и необходимый, но вовсе не гарантирующий успех этап. Так, Доре (со ссылкой на автора этих строк) говорит об отсутствии сцен ритуальной антропофагии на карте Бразилии Дж. Гастальди из известного сборника Дж.-Б. Рамузио как о стремлении представить Бразилию привлекательным краем для торговли и колонизации (с. 109). Однако с уверенностью об этом можно сказать лишь тогда, когда карта Гастальди анализируется не только сама по себе, но и в качестве иллюстрации определённого повествовательного произведения: в нём-то и пропет истинный гимн франко-индейской торговле и дружбе, делающей этот край столь привлекательным, а карта лишь «переводит» слова на язык изображений. Без такого внешнего (по отношению к карте) подтверждения предположения относительно того, что хотел сказать картограф выбором жанровых сцен, остаются предположениями. Точно так же можно интерпретировать отсутствие крупно показанных сцен ритуальной антропофагии на картах Бразилии, созданных в рамках французской так называемой Дьеппской школы (середина – вторая половина XVI в.), как желание представить

⁴ «Изображения, содержащиеся на картах, становятся результатом особой формы мировосприятия в Западной Европе; для анализа этого мировосприятия более подходят исследования в области истории искусства» (с. 112).

Новый Свет мирным краем в глазах нормандских купцов и французского двора (с. 111), однако, к примеру, сцены канибализма на нидерландских картах Южной Америки в XVII в. представляли собой подлинный бродячий сюжет, несколько не препятствуя весьма деятельной голландской оккупации и колонизации северо-востока Бразилии.

В любом случае проведенный А. Доре под необычным углом зрения анализ европейских карт Южной Америки очень интересен. Собранные автором воедино образцы дают представление об определенной картографической тенденции и при этом побуждают размышлять дальше о том, в какой степени выявленные закономерности соотносятся с другими особенностями, в частности, нидерландских карт XVII в. Сама автор указывает, что ею двигало желание увидеть в картах из разных стран отражение конкретных (и каждый раз специфичных) интересов и нужд (с. 109). Исследование А. Доре отталкивается от имеющейся историографической традиции: по собственному признанию автора, она хотела поспорить с некоторыми положениями классика бразильской историографии С. Буарке ди Оланды, изложенными им в эссе «Другое Перу»⁵. В свою очередь, идеи А. Доре сами становятся точкой отсчета для ее младших коллег: так, недавно было предпринято похожее исследование, закрученное уже не вокруг идеи Перу и Потоси, а вокруг мифа об Эльдorado как способа восприятия Южной Америки⁶. Это доказывает значительный потенциал избранной автором исследовательской оптики.

О.В. Окунева

⁵ Речь идет об одной из глав известного и многократно переиздаваемого произведения «Райское видение: мотив Эдема в открытии и колонизации Бразилии», первое издание 1959 (Holanda 2000). Сама А. Доре ссылается на издание 1994 г., а автор предисловия к ее книге, Л. ди Соуза Меллу — на издание 2010 г.).

⁶ Stori 2022.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Holanda 2000 — *Holanda S. Buarque de*. Visão do paraíso: os motivos edênicos no descobrimento e colonização do Brasil. São Paulo, 2000.
- Monumenta 2003 — Monumenta cartographica neerlandica / Ed. G. Schilder. Amsterdam, 2003. Vol. VII.
- Stori 2022 — *Stori B*. A lenda do Eldorado: transformações do mito doradista na cartografia da América do Sul // Epígrafe (São Paulo). 2022. Vol. 11. № 1. P. 49–81.

В.С. Вахитайн. Воображая город: Введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022 (Studia Urbanica). 576 с.

МЕЖДУ СОЦИОЛОГИЕЙ САХАРЫ И ЦЫГАНСКОЙ УРБАНИСТИКОЙ

В XXI веке в социальных и гуманитарных науках сложилась и длится на редкость парадоксальная ситуация: в социальных дисциплинах наблюдается гиперинфляция теорий и инфляция метаязыков описания реальности, а в гуманитарных, напротив, сформировался хронический дефицит качественной теории¹. В итоге «теоретики» в своем большинстве заимствуют кусочки эмпирического материала у «практиков», не очень понимая, как он получен, а «практики» присваивают у них фрагменты социальных теорий, не заботясь о понимании процедур их выработки и положенных в их основу аксиом². Конечно, сейчас время философов истории, игнорирующих описания реальности прошлого и настоящего, почти прошло, но их сменили компиляторы разных специальностей, паразитирующие на идиосинкразии других исследователей к широким обобщениям. Продолжают процветать и «узкозаточенные» эмпирики, которые торжественно отказываются от «новомодных теорий» и созданных в их рамках терминов, считая, что так они сохраняют свою цеховую идентичность. На самом же деле такой декларативный отказ от любой теории означает, что такие «ремесленники»

¹ Принципиальное исключение, на наш взгляд, составляют различные группы исследователей-неоэволюционистов: Крадин 2021.

² Эта проблема была подмечена еще в середине прошлого века Э.Э. Эвансом-Причардом: Эванс-Причард 2003. См. недавний опыт описания и осмысления роли социологии в обновлении методологии истории, прежде всего, российской: Долгов 2020.

просто по инерции используют старые теоретические схемы и «вымершие концепты» (с. 133; здесь и далее ссылки на рецензируемую книгу приводятся в тексте), выработанные и отработанные в позапрошлом веке. Эти блюстители эмпирической чистоты остаются «заложниками чужих аксиоматических допущений» (с. 351). Социолог-теоретик и урбанист-практик В.С. Вахштайн недолюбливает, если не презирает, «оба дома». Ему претят и «банальная этнография», и «философские манифесты» (с. 393). Вахштайна раздражает не только «ползучий эмпиризм», то есть замыкание исследователя в аутистическом сборе фактов, но и «летучий инструментализм» — использование «больших теорий» в качестве «оберток» и «лейблов» для накопленных сумм эмпирических данных (с. 543–544). Он требует и от «прикладного исследователя», и от «эпистемолога» собственной напряженной работы по превращению «больших философских нарративов» в их личные профильные концептуализации (с. 544–545).

Сам же Вахштайн принадлежит к небольшому числу живых российских теоретиков (в хорошем смысле!), которого читают самые разные практики исторических и антропологических исследований, включая даже отечественных медиалистов³. Таким образом, его работы, кроме всего прочего, выполняют важную функцию обеспечения научной коммуникации между «социологами» и «гуманитариями».

Новая монография В.С. Вахштайна формально посвящена феномену города, однако, на самом деле, центральной ее темой является эпистемологическая процедура концептуализации⁴, то есть отбора конструктивных признаков некоего феномена, позволяющих создать его адекватный образ (собственно, концепт) и с помощью этого концепта на основе эмпирических данных понять суть данного явления. Иными словами, несколько упрощая, можно сказать, что концептуализация — это процесс создания предмета исследования из объекта (феномена) реальной или виртуальной окружающей

³ Уваров, Попова 2018: 19–20.

⁴ Ср.: Ланге-Соболева 2021.

действительности. Поэтому рецензируемая книга представляет собой не просто очередное социологическое исследование в рамках современной урбанистики, а является действительно крупным вкладом в социогуманитарную гносеологию.

Выбранный В.С. Вахштайном *феномен города* исключительно удобен для обкатки «введения в теорию концептуализации», поскольку урбанизированное пространство вмещает в себя все элементы культурного ландшафта человеческого социума *от храма*, то есть полюса, ориентированного на сакральные константы и эзотерические элементы власти элиты, *до рынка*, то есть полюса коммерческо-потребительских практик и плутократических элементов власти⁵.

Главный урок книги В.С. Вахштайна заключается в том, что работая с самыми что ни на есть первоисточниками, даже просто лично фиксируя окружающую реальность в ходе полевого включенного наблюдения, любой исследователь составит «портрет города» из тех составляющих, поиск которых предполагается и даже программируется *его стратегией и практикой концептуализации* (с. 67, 543). Так, один и тот же город-денотат «Х» отразится в разных концептах как «Бурдьеполис», «Гидденсград», «Латурвилль», «Этнометосити», «Фреймбург» или даже «Лейбницштадт» и т.п. «утопических городах» великих социальных теорий прошлого и настоящего. И этот урок развеивает надежды многих гуманитариев на познание феноменов прошлого и настоящего сугубо филологическим путем реконструкции *эмных (emic)* представлений разных сообществ *этнофоров* без создания собственных *этных (ethic)* научных систем описания⁶.

Сам В.С. Вахштайн легко переходит от одной теории к другой, начиная с фрейм-анализа и заканчивая «технологией» ассамбляжа, проникновенно оценивая их концептуализирующие возможности и перспективы практического применения полученных концептуализаций. В итоге получается

⁵ Марков 1999.

⁶ Pike 1967. Как пишет Вахштайн, «язык ученого — это всегда метаязык» (с. 18).

своего рода *номадическая тактика социологического исследования* или *цыганская урбанистика*, если воспользоваться цитатой из «Маятника Фуко» У. Эко, ставшей эпиграфом к предисловию этой книги (с. 10).

Главная проблема, которая становится все более острой и очевидной по мере прочтения книги В.С. Вахштайна, — *отсутствие исторической ретроспективы*, то есть полное выведение за границы поля исследования и объяснения темы *генезиса* или *генеалогии города*. Город под названием «Клипполис» нигде в книге так и не появляется.

Дефицит историзма ведет к тому, что вне концептуализации города оказывается его ключевая функция — быть *эусоциальной колонией сообщества людей*, которая обеспечивает их выживание и приспособление к окружающей среде, и при этом сама эта колония становится средой, к которой люди должны приспособиться и в которой они должны выжить и дать потомство. Сейчас вполне очевидно, что социологические характеристики любого стационарного поселения вида *Homo Sapiens Sapiens* в значительной степени детерминируются тем, что оно — одна из важнейших форм *адаптации человека к окружающей среде*, которая сама является искусственной средой⁷. Продолжая метафорический ряд В.С. Вахштайна, на создание города *Дарвин-таун* у него не осталось времени или не хватило интереса к социобиологии. Засчитать за обращение к генеалогии города анализ воображаемой пещеры (отсылающий скорее к метафоре Аристокла(?) Платона, а не к хорошо исследованным реальным поселениям палеолита) и входящего в нее прототипического «благородного дикаря» (взятого из трактатов эпохи Просвещения, а не из этнологических монографий) совершенно невозможно (с. 357–358). Не случайно В.С. Вахштайн в этом разделе отмахивается от «эволюционной психологии» (с. 358). Архаичные («домодерные») общества представлены в книге лишь в виде коротких экскурсов о «кабильском доме», «монгольской юрте» и «заирской хижине» (с. 43–44, 372–378). Причем, как объекты не поддающиеся социологическому осмыслению, а

⁷ Щавелев 2021.

лишь подлежащие этнографическому описанию. Тем не менее, вопреки уверенности героев романа «Маятник Фуко», декларированной в уже упомянутой цитате, ставшей эпиграфом к книге Вахштайна, «социология Сахары» все же существует: исследования *туарегов* (и шире — берберских народов) составляют классику как раз *социальной антропологии*⁸.

У В.С. Вахштайна *историческое измерение есть только у архитектуры*, но не у города как такового (с. 362–369). Хотя, если задуматься, через его концептуализацию города с помощью исторической семиотики архитектуры генеалогия города все-таки кое-где пробивается. В тексте книги складывается цепочка «архитектурных сооружений» разных эпох: «пещера», «хижина», «базилика», «готический собор» и т.д. Но и *археология города* в книге тоже сведена к «теории руины и к «философскому вещеведению» на примере «берлинского ключа» (с. 387–392, 394–402, 474–475). Оба экскурса могли бы быть исключительно полезны практикующим археологам, но они явно не исчерпывают археологический подход к феноменологии города⁹.

В результате идеальный тип города в книге В.С. Вахштайна редуцирован до «большого города эпохи Модерна». А это в свою очередь превращает все концептуальные ипостаси его города в пригороды универсального *The City* К. Бушнелл, который, кстати, странным образом в книге Вахштайна не упомянут. При всем уважении к архетипическому Макондо Г.Г. Маркеса (с. 100–103, 476–477) главная литературно-визуальная концептуализация современного «большого города» *par excellence*, это, конечно, — *Sex & the City*. Ведь именно траектории жизни и калейдоскоп мнений четырех подруг (писательницы, арт-дилера, адвокатессы и пиар-менеджера) передают все разнообразие стереотипных повседневных ситуаций, экономических транзакций и социальных интеракций современной городской среды¹⁰. Именно они воплотили

⁸ Claudot-Hawad 2001.

⁹ Щавелев, Щавелев 2007.

¹⁰ Bushnell 2010.

и тиражировали блеск идеологии (кстати, не избежав и показа ее нищеты) глобалистского «манхэттенизма», который задает образцы жизненных стратегий во всех мегаполисах мира (с. 415, 486).

Наконец, во всех концептуальных реинкарнациях городов В.С. Вахштайна фактически отсутствуют многообразные формы *насилия*. И это — неестественно даже для современного глобального *The City*, не говоря уже о городах эпохи архаики. В этом смысле необходимым дополнением современной теории города может быть книга другого видного российского социолога В.В. Волкова, посвященная организованной преступности¹¹, которая является важнейшим атрибутом прежде всего городской среды. Ведь все мирные «X-сити» и «Y-грады» всегда имеют свою теневую сторону, оборачиваясь классическим «Готэмом» (англ. *Gotham City*)¹², над исследованиями которого В.С. Вахштайн походя посмеивается. При этом отдельный параграф он посвящает «архитектурной», а на самом деле, клиосоциологической, «истории американской полиции» (с. 503–509), а ведь полицейский участок в Готэме — вторая по значимости локация после «базы Бэтмена» в «замке» семьи Уэйнов. Генеалогия исторических городов в значительной степени является историей разных форм насилия от моментов их создания и до точек их исчезновения. Одна из главных функций города — скрывать в своих недрах за фасадом легальных урбанистических практик социологические феномены, для обозначения которых относительно недавно был изобретен емкий неологизм «хтонь».

Итак, крупный вклад в «цыганскую урбанистику» сделан, на очереди — «социология Сахары». И книга В.С. Вахштайна предлагает образцовые алгоритмы концептуализации *Клиополиса*, и в этом качестве она будет, без сомнения, полезна гуманитариям-прикладникам — историкам, археологам и историческим географам.

А.С. Щавелев

¹¹ Волков 2020.

¹² Urricchio 2010; Дмитриева 2013.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Волков 2020 — *Волков В.В.* Силовое предпринимательство. Экономико-социологический анализ. СПб., 2020.
- Дмитриева 2013 — *Дмитриева Д.Г.* Между Готэмом и Метрополисом: образ Нью-Йорка в комиксах о супергероях 1938–1945 // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 259–260.
- Долгов 2020 — *Долгов В.* Клио и Огюст. Очерки исторической социологии. СПб., 2020.
- Крадин 2021 — *Крадин Н.Н.* Происхождение неравенства, цивилизации и государства. М., 2021.
- Ланге-Соболева 2021 — *Ланге-Соболева Т.А.* Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике // Наука и образование сегодня. 2021. № 6 (65). С. 27–32.
- Марков 1999 — *Марков Б.В.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб., 1999.
- Уваров, Попова 2018 — *Уваров П.Ю., Попова Г.А.* Почему социальные системы западноевропейского средневекового города? // Средневековый город: сложность как критерий // Городские сообщества Западной Европы в Средние века / Под ред. П.Ю. Уварова, Г.А. Поповой. М., 2018. С. 11–33.
- Щавелев 2021 — *Щавелев А.С.* «Город» как точка сборки социального пространства и центр концентрации ресурсов архаичных обществ // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Конавалова. М., 2021. Т. 5. С. 7–23.
- Щавелев, Щавелев 2007 — *Щавелев А.С., Щавелев С.П.* Раскопки души. О когнитивном потенциале феноменологии на примере археологии // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XII. № 2. С. 130–149.
- Эванс-Причард 2003 — *Эванс-Причард Э.* Антропология и история // *Эванс-Причард Э.* История антропологической мысли. М., 2003. С. 273–291.
- Bushnell 2010 — *Bushnell C.* Sex & the City. New York; London, 2010.
- Claudot-Hawad 2001 — *Claudot-Hawad H.* Éperonner le monde: nomadisme, cosmos et politique chez les Touaregs. Aix-en-Provence, 2001.

Pike 1967 — *Pike K.L.* Language in Relation to a Unified Theory of Structure of Human Behavior. Paris, 1967.

Urricchio 2010 — *Urricchio W.* The Batman's Gotham City™: Story, Ideology, Performance // Comics and the City: Urban Space in Print, Picture and Sequence / Ed. by J. Ahren & A. Meteling. New York, 2010. P. 119–132.

ABSTRACTS

THOR BJØRN ARLOV

MAPS AND GEOGRAPHICAL NAMES AS TOKENS OF NATIONAL INTERESTS: THE SPITSBERGEN VS. SVALBARD CASE

The treaty of 9 February 1920 granted Norway full sovereignty over the 'Archipelago of Spitsbergen', by which name this Arctic territory was known at the time. Assuming sovereignty five years later, Norway altered the official name to 'Svalbard'. To what extent was the name-change a token of national interests or even blatant nationalism? This paper outlines the origin and usage of the place-names Spitsbergen and Svalbard in light of the area's mapping and nomenclature and with an emphasis on national bias. It briefly discusses the different practices and principles of geographical naming. This paper proposes that the change in official nomenclature from Spitsbergen to Svalbard in 1924–1925, though partly due to justifiable practical considerations, was primarily a political act to construct national bonds with the newly won territory. Although perceived as part of a 'Norwegianization' process in the northern regions, the name-change itself was not intended to provoke foreign reactions, but rather to satisfy a domestic audience.

Svalbard, Spitsbergen, history of geography, cartography, toponyms

LEONID S. CHEKIN

TOPONYM "SVALBARD" IN LITERATURE AND CARTOGRAPHY OF THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

The paper analyses medieval forms of the name Svalbard as applied to the land "discovered" in 1194, suggests that this Arctic

discovery could have been named after a farmstead in Iceland, and follows the story of the name by discussing its contexts in medieval and modern literature and on maps. However little information about Svalbard survived in the Icelandic annals, the *Landnámabók*, and related texts, it became part of competing visions of the Arctic, from the late medieval Samsons saga fagra through the adoption of Svalbard as the name of a new territory under Norwegian rule in 1925.

Svalbarði, Spitsbergen, Greenland, hafsbót, Icelandic cartography, toponymy

NADIR KINOSSIAN

**CULTURAL LANDSCAPES OF THE ARCTIC:
SOVIET HERITAGE IN SVALBARD**

Cultural landscapes represent social structures, interests, and values. At the same time, the observer can derive, interpret, reinterpret, and inscribe new meanings to the landscape. Landscapes that are saturated with ideologically charged symbols dictate to the viewer what can and cannot be seen and derived from them. On the other hand, landscapes that are abandoned, ruined, partly erased, and deprived of actors, activities, and political context present a different sort of setting. What can be derived from them? What or whom do they represent? Can the current conceptualisations help to capture their meanings? This paper attempts to expand the debate on cultural landscapes, by exploring the linkages to the concepts of haunting and ghosts. It uses the Russian settlements of Barentsburg, Pyramiden, and Grumant, located in Svalbard (Norway), as an example. The paper argues that ruined and abandoned landscapes are 'haunted', and that the viewer can engage with a haunted landscape through interactions with 'ghosts' — fictitious agents that fulfil two roles: allowing the viewer to associate with the ghost, and reminding the viewer of the bygone actors, forces, and contexts that shaped the landscape.

Landscape, Svalbard, Arctic, haunting, ghost, heritage

NADEZHDA L. KONJUSHIKHINA

**SOME ASPECTS OF LAND DESCRIPTIONS
IN 16TH-CENTURY SPAIN**

The article provides a brief overview of three corpora of documents of the first Spanish Habsburgs, related to land descriptions: “Itinerarium” of Ferdinand Columbus (1517–1523), “Topographical Reports of Philip II” (*Las Relaciones Topográficas de Felipe II*, 1574–1581), and the 1591–1594 census. In comparing them, the following parameters are taken into account in the comparative analysis: geographical scope, purpose of creation, authorship, organizational aspects, the process of compiling, and the reported data. Despite the difference in form and content and formats, all three initiatives had one common goal, to obtain reliable information about the territory for more effective management. They demonstrate the state’s demand for a tool for obtaining information about various aspects of Spanish society. The need for this information determined different methods of its collection and representation, whether it was a census, a questionnaire, or topographical notes about the area. The most successful in terms of implementation were initiatives that pursued fiscal goals, since they directly affected the interests of the state.

16th-century Spain, Crown of Castile, “Itinerarium” of Ferdinand Columbus, *Las Relaciones Topográficas de Felipe II*, census of 1591–1594, territory, localities

MARINA A. KURYSHEVA

WORLD MAP IN A 16TH-CENTURY GREEK MANUSCRIPT

The article introduces a unique map of the world from the manuscript *Grech. 150* of the mid-16th century of the Russian State Library. The manuscript was written by the famous calligrapher Angelos Vergikios, whose handwriting was determined by Boris L. Fonkich. We identified its owner, the noble bishop-naturalist René du Bellay, by the coat of arms in the

manuscript. The world map illustrates a treatise by the Byzantine scholar George Gemistos Plethon. It is not, however, an illustration of Plethon's text but reflects the ideas about the ecumene characteristic of mid-16th-century French intellectuals. Stylistically, the map is in the ancient Byzantine tradition, but it already features the continent of America. This map shows the mechanism of "revival" and "enrichment" of ancient geographical knowledge in Renaissance France and the special role of Greek emigrants in these processes.

Greek manuscripts, Angelos Vergikios, René du Bellay, Renaissance, Byzantium after Byzantium, world map

ALEXEI V. POSTNIKOV

CRIMEAN WAR IN THE BALTIC SEA

The article describes and analyses the naval confrontation between Russia and the coalition of allies in the Baltic Sea during the Crimean War. The motives of decisions and actions of the two Anglo-French squadrons are shown, as well as the Russian command's response to defend its northern borders. Events in the northern theatre of operations of the Crimean War show well that this war was a real world war in its goals and scale. The anti-Russian coalition fleet was able to secure a naval blockade of Russia, but this chapter of the Crimean War ended in nothing, as the allies were unable to bring the countries of Northern Europe to their side.

Crimean War, Baltic Sea, anti-Russian coalition, navy, Russian Empire, British Empire

ANDREI ROGATCHEVSKI, LEONID S. CHEKIN

INTRODUCTION TO SVALBARD STUDIES: NEW APPROACHES TO TOPONYMY AND CULTURAL LANDSCAPE

The archaeological, economic, sociological and legal aspects of Svalbard's history have been closely interrelated and have impacted the image of the archipelago in fiction, cinema, and fine

arts. Our analysis of three Svalbard-related articles claims that these approaches should be combined under the umbrella of a new area studies discipline, “Svalbard Studies.” The toponymical and geographical material discussed in the articles illustrates the need for such a discipline. The history of discovery and exploration of Svalbard, its toponymy and its cultural landscapes develop on the crossroads of geopolitical interests and national narratives, shaping and changing the historical memory of the archipelago.

Spitsbergen, Svalbard, area studies, history of geographical discoveries, toponymy, institutionalization of an academic discipline

JULIA V. STEPANOVA, MARIA V. KARPOVA

***PEREVARY* — TERRITORIAL ASSOCIATIONS IN RUSSIA
AT THE END OF THE 15TH–16TH CENTURIES: THE SPECIFICITY OF
LOCATION AND SETTLEMENT STRUCTURE**

The article presents the results of a historical and geographical study of *perevary* — territorial associations that existed on the western outskirts of the Russian state (in Toropetsky district and in *Zadniaia Korela*) at the end of the 15th–16th centuries. Based on the scribe's descriptions, the *perevary* were localized and the common features of the settlement structure — “nests” of settlements — were revealed. A feature of the *perevary* in Korela was the interspersed arrangement of villages in the *perevary* of the Serdolovsky and Ilomansky pogosts, which did not form independent enclaves. The revealed spatial features allow to assume that the population of the *perevary* was engaged in crafts (in the case of Toropets — in beekeeping) even in the pre-Moscow period (for Toropets — Lithuanian, for Korela — Novgorodian) and was part of the service organization of Grand Princes' economy. After Toropets and the Novgorod land became part of the Moscow state, the division into *perevary* remained relevant for some time. In Toropets, it gradually lost its relevance a little earlier due to the development of manorial land ownership and destruction of the traditional settlement structure,

and in *Zadniaia Korela*, it disappeared probably with the formation of a new territorial and administrative structure within the Swedish state.

Perevary, pogost, volost', county, village, rural settlement, scribe books

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-01089)

IGOR E. SURIKOV

**SCYLAX OF CARYANDA — THE EARLIEST REPRESENTATIVE
OF ANCIENT DESCRIPTIVE GEOGRAPHY?**

The article deals with Scylax of Caryanda (last quarter of the 6th – early 5th century B.C.) — traveler, geographer and historian, pitifully little known even to specialists (largely because his legacy has survived very poorly). The author analyzes source evidence on Scylax and cites and comments on the extant fragments of his work. The article concludes that it was exactly Scylax (and not Hecataeus of Miletus, as is usually thought) who was the earliest representative of Ancient Greek descriptive geography, as well as the second ancient geographer after Anaximander.

Descriptive geography, Ancient Greece, Scylax of Caryanda, Hecataeus of Miletus, *periplus*, *periegesis*, India, maps

ARUTIUN A. ULUNIAN

**FORMING THE IMAGE OF THE GEOHISTORICAL SPACES
OF CENTRAL ASIA AND ITS SOUTHERN TRANSBOUNDARY AREAS
IN THE PERCEPTION OF BRITISH POLITICIANS IN THE 19TH CENTURY**

Since the 1820s, Central Asia and its southern transboundary areas were of strategic importance to the British Empire in terms of ensuring the security of its Indian possessions. The so-called "Great Game", that is, the confrontation between the British and Russian empires, that unfolded since that time in an acute form,

determined the close attention of British socio-political circles to the Central Asian region's positioning in the system of international relations and created the basis for a systematic study of both Central Asia itself, which territory was to be determined, and its southern neighbors, i.e. Persia and Afghanistan, acting as military and political buffer to the Russian Empire advance to the south. Geographical, political, ethnic, and confessional characteristics of the region and its southern transboundary areas, in combination with the historical and cultural tradition of Orientalism that developed in the British socio-political environment, found their reflection in cartographic image of Central Asia and its southern "frontiers", which, in turn, influenced the perception of events there by British politicians.

Afghanistan, Great Britain, Great Game, cartography, Central Asia, orientalism, Persia

CONTENTS

SVALBARD STUDIES

- ANDREI ROGATCHEVSKI, LEONID S. CHEKIN*
Introduction to Svalbard Studies: new approaches to
toponymy and cultural landscape 7
- THOR BJØRN ARLOV*
Maps and geographical names as tokens of national
interests: The Spitsbergen vs. Svalbard case 18
- LEONID S. CHEKIN*
Toponym “Svalbard” in literature and cartography of the
Middle Ages and Modern times 43
- NADIR KINOSSIAN*
Cultural landscapes of the Arctic: Soviet heritage in
Svalbard 79

PRIMARY SOURCES

- JULIA V. STEPANOVA, MARIA V. KARPOVA*
Perevary — territorial associations in Russia at the end of
the 15th–16th centuries: The specificity of location and settlement
structure 108
- NADEZHDA L. KONJUSHIKHINA*
Some aspects of land descriptions in 16th-century Spain 126

HISTORY OF GEOGRAPHY

- IGOR E. SURIKOV*
Scylax of Caryanda — the earliest representative of ancient
descriptive geography? 149

HISTORY OF CARTOGRAPHY

*MARINA A. KURYSHEVA*World map in a 16th-century Greek manuscript 181HISTORICAL GEOGRAPHY
AND INTERNATIONAL RELATIONS*ALEXEI V. POSTNIKOV*

Crimean War in the Baltic Sea 192

*ARUTIUN A. ULUNIAN*Forming the image of the geohistorical spaces of Central Asia and its southern transboundary areas in the perception of British politicians in the 19th century 225

REVIEWS

Doré, Andréa. Cartografia da promessa. Potosi e o Brasil em um continente chamado Peruana. São Paulo: Intermeios, 2020. 240 p. (*OLGA V. OKUNEVA*) 257*ALEXEI S. SHCHAVELEV*Between the sociology of the Sahara and gypsy urbanism. Review of: Victor S. Wachstein. *Imagining the City: An Introduction to Conceptualization Theory*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022 (Studia Urbanica). 576 p. 274

ABSTRACTS 282

CONTENTS 289

ABOUT THE AUTHORS 291

ОБ АВТОРАХ

АРЛОВ Тур Бьёрн (Thor Bjørn ARLOV) — доктор искусств, старший советник ректората Норвежского университета науки и техники (NTNU), доцент Свальбардского университетского центра (UNIS), thor.arlov@ntnu.no

КАРПОВА Мария Владимировна — аспирант Тверского государственного университета, Тверь, karpova.maria123@yandex.ru

КИНОСЬЯН Надир (Nadir KINOSSIAN) — PhD, старший научный сотрудник Отдела региональной географии Европы Института региональной географии Ассоциации Лейбница (IfL), Лейпциг, N_Kinossian@leibniz-ifl.de

КОНЮШИХИНА Надежда Львовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, nadegda_92@list.ru

КУРЫШЕВА Марина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, kurysheva@yandex.ru

МАТУЗОВА Вера Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, matuzova@list.ru

ОКУНЕВА Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доктор Университета Париж-Сорбонна, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, olga.okuneva@gmail.com

ПОСТНИКОВ Алексей Владимирович — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, apostnik@ihst.ru

РОГАЧЕВСКИЙ Андрей (Andrei ROGATCHEVSKI) — PhD, профессор русской литературы и культуры Норвежского арктического университета (UiT The Arctic University of Norway), Тромсё, andrei.rogatchevski@uit.no

СТЕПАНОВА Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, m000142@mail.ru

СУРИКОВ Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, isurikov@mail.ru

УЛУНЯН Арутюн Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, mirditahavlar21@gmail.com

ЧЕКИН Леонид Сергеевич — доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра «АИРО-XXI», Москва, chekinls@gmail.com

ЩАВЕЛЕВ Алексей Сергеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник «Международного центра антропологии» Школы исторических наук факультета гуманитарных наук ВШЭ, Москва, alexis-schavelev@mail.ru

DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/>; <http://www.doi.org/>

ТУРН БЬЁРН АРЛОВ

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.60.18.001>

НАДИР КИНОСЬЯН

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.38.39.001>

КОНЮШИХИНА Н.Л.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.98.61.001>

КУРЫШЕВА М.А.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.21.38.001>

ОКУНЕВА О.В.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.80.49.001>

ПОСТНИКОВ А.В.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.91.54.001>

РОГАЧЕВСКИЙ А., ЧЕКИН Л.С.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.77.45.001>

СТЕПАНОВА Ю.В., КАРПОВА М.В.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.85.37.001>

СУРИКОВ И.Е.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.79.84.001>

УЛУНЯН АР.А.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.57.30.001>

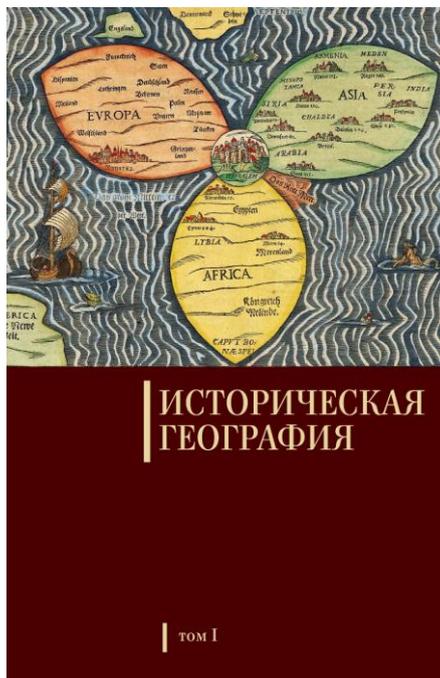
ЧЕКИН Л.С.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.27.21.001>

ЩАВЕЛЕВ А.С.

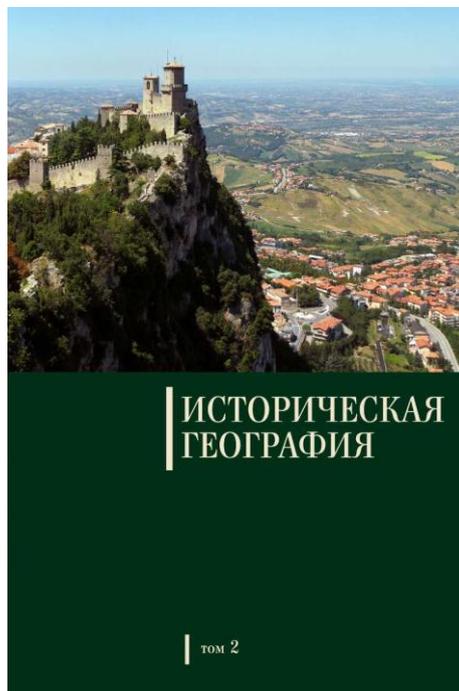
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.52.48.001>

КНИГИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АКВИЛОН»

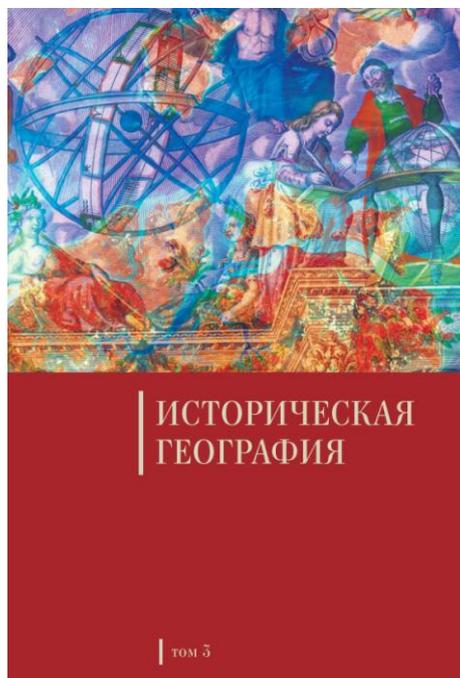
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 1 / Отв. ред.
И. Г. Коновалова. — М.: Кругъ, 2012. — 576 с.

В первом томе сборника «Историческая география» помещены статьи, отражающие широкий хронологический спектр и проблемный репертуар современной исторической географии, а также ее источниковедческие ресурсы и методики. В статьях представлены историко-географические реконструкции в контексте археологии, ономастики, исторического источниковедения, этнографии и устной истории, исследованы географические образы различных регионов и общественно-политический потенциал геопространственных конструкторов, рассмотрены вопросы методики и преподавания исторической географии. В сборнике также помещены рецензии на издания по историко-географической проблематике, опубликованные в 2007–2011 гг. в России и за рубежом, и аналитические отчеты о важнейших международных конференциях по исторической географии, состоявшихся в 2011 г.

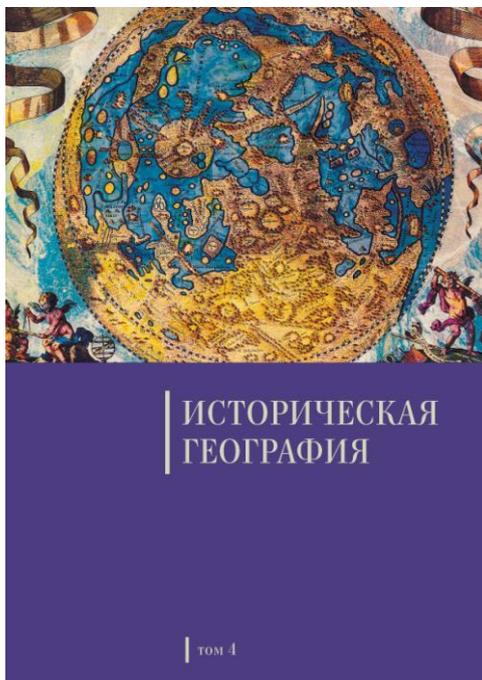
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2014. — 560 с.

Во втором томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные исторической географии путей сообщения и землевладения Древней Руси; географическим образам стран и регионов; истории картографии XVI – начала XVII века; новым архивным источникам по истории землепользования и лесного дела; исторической топонимике; роли геоисторических конструктов в современной внешнеполитической мысли. В сборнике также представлен обзор основных направлений и парадигм российской географии, рецензии на последние издания и хроника наиболее заметных научных событий в области исторической географии.

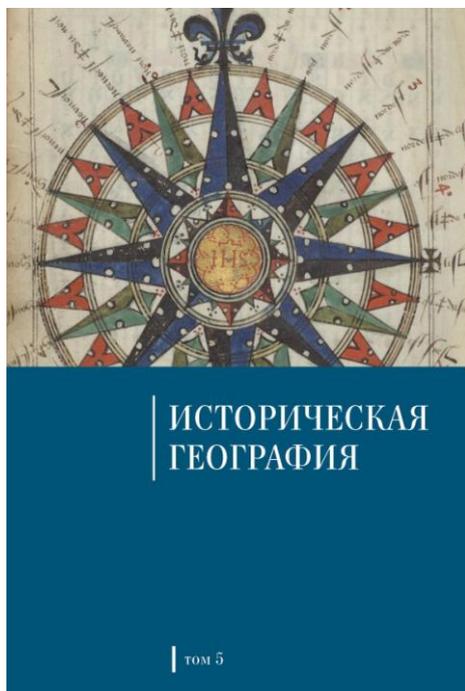
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 3 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2016. — 544 с.

В третьем томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные истории и историографии западноевропейской и русской географии и картографии IX–XVIII вв.; античным и средневековым источникам по исторической географии поствизантийской Италии, Древней Руси, Прибалтики и Дании; исторической географии Тверского уезда и Ухтомской волости XVI–XVII вв.; исторической топонимике; роли историко-географических концептов в современной общественно-политической публицистике; применению ГИС-технологий в исторических исследованиях; истории окружающей среды. В сборнике также представлены рецензии на новейшие зарубежные издания и хроника наиболее заметных научных событий в области исторической географии в 2014–2016 годах.

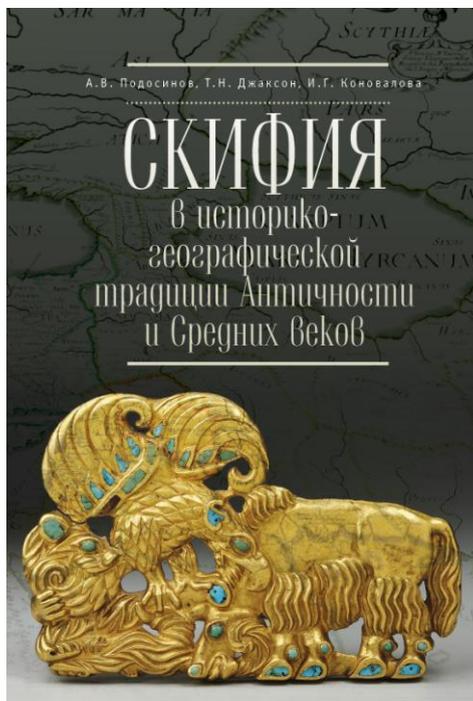
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 4 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2019. — 464 с.

В четвертом томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные представлениям о северных землях в римской и древнескандинавской геокартографической традиции; географии славянских общностей Восточной Европы; исторической географии Новгородской земли и Белозерского княжества; иностранным свидетельствам о внутриросийских водных путях XVI–XVII вв.; истории отечественной картографии XVIII в.; вопросам исторической географии Кавказа и Закавказья; роли историко-географических концептов в общественно-политической публицистике второй половины XX в.; феномену города-государства в современном мире; предмету и методам исторической географии.

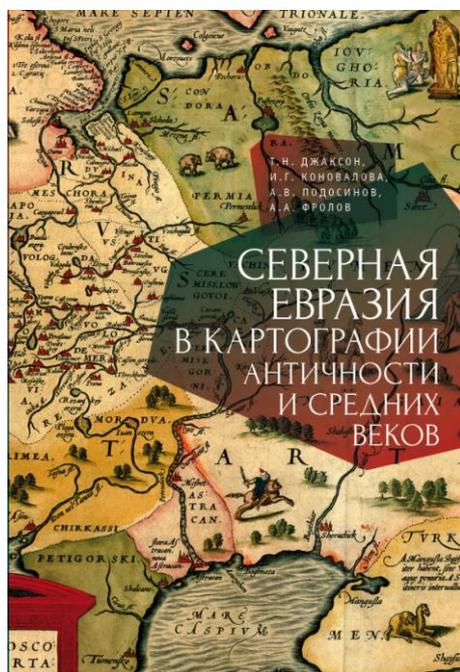
ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 5 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2021. — 336 с.

В пятом томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные роли городов в социальном и интеллектуальном пространстве древности и средних веков; возможностям источниковедения, историографии и археологии при изучении историко-географических проблем истории Европы и Закавказья в эпоху поздней античности, средневековья и раннего нового времени; историко-географической составляющей международных отношений и проектов; азональным ареалам в историко-культурном ландшафте Европейской России; значению исторической географии для современной общественно-политической и культурной жизни.

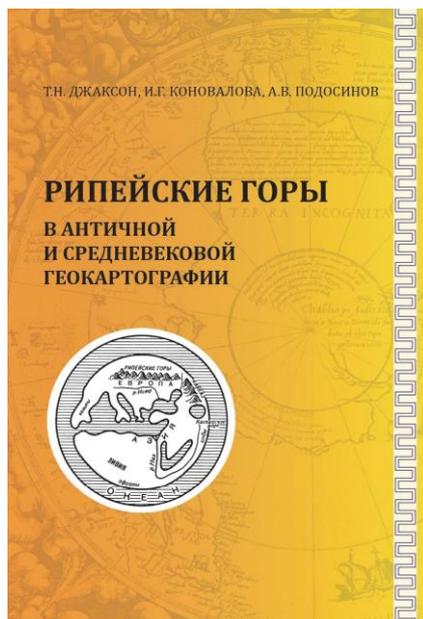
Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г.
СКИФИЯ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ. — М.: Аквилон, 2016. —
320 с.

Коллективная монография посвящена образу «Скифии» в литературе Античности и Средневековья. Географическое и историко-культурное содержание термина «Скифия» рассматривается как в пространстве, так и во времени. В работе использованы данные античных греко-римских, византийских, арабо-персидских, древнерусских, западноевропейских и древнескандинавских источников. Основное внимание уделено изучению географических, политических, этнических, культурных, религиозных и этических коннотаций, связанных с понятием «Скифия» в разные эпохи и в разных культурах. Главы 1–8 написаны А.В. Подосиновым, 9–10 — Т.Н. Джаксон, 11 — И.Г. Коноваловой.

Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А.
СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ В КАРТОГРАФИИ АНТИЧНОСТИ И
СРЕДНИХ ВЕКОВ. — М.: Аквилон, 2017. — 528 с.

Коллективная монография посвящена исследованию восприятия Северной Евразии, ее географии, этнографии, политической и культурной истории в античной и средневековой геокартографии по греко-римским, арабо-персидским, древнескандинавским и русским источникам. Сведения о Северной Евразии рассмотрены в широкой диахронии, в их развитии, в контексте изучения истории мифологического, географического и политического освоения этого региона и способов его отображения картографическими методами в различных историко-культурных традициях. Часть первая «Северная Евразия на античных и средневековых картах» написана А.В. Подосиновым, часть вторая «Северная Евразия в исламской геокартографии» — И.Г. Коноваловой, часть третья «География Дании в «Саге о Кнютлингах»» — Т.Н. Джаксон, часть четвертая «Средневековое картографирование Русских земель» — А.А. Фроловым.

Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.
**РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ГЕОКАРТОГРАФИИ.** — М.: Аквилон, 2019. — 185 с.

Монография посвящена исследованию одного из ключевых географических образов античности и средних веков применительно к территории Северной Евразии — мифическим Рипейским (Рифейским) горам, будто бы находившимся на севере Европы и служивших убежищем для обитавшего за ними блаженного народа гипербореев. Известные еще древнеионийской науке, Рипейские горы прочно вошли в представления античного человека о северной окраине ойкумены, чаще всего севера – северо-востока Европы. Этот в большой степени мифологический концепт оставался актуальным еще многие столетия: на протяжении всего средневековья и в последующие века вплоть до XVI в. существование где-то в Северной и Северо-Восточной Европе или Северной Азии Рипейских гор не вызывало особых сомнений.

Для специалистов в области античной и средневековой истории, истории географии и картографии, исторической географии и топонимики.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 6

Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*
<https://www.igh.ru>

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *Н.Л. Конюшихина*

Подписано в печать 19. 12. 2022
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Cambria. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
<https://www.aquilopress.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Телефон: +7 (495) 545 37 10
info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>